К80 2/20

В. Н. Щепкин

Учебник русской палеографии.

2/20

Проф. В. Н. Щепкинъ.

К80 2/20

УЧЕБНИКЪ

РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФІИ.

6 таблицъ, 42 рис. въ текстѣ.

ГОСУДАРОТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва—1920 г.

ОЛЖНА БЫТ
Е

Дорогому Саше (Успенскому), — чтоб занимался делом, а не шалил. От И. [illegible] 4. XI. 920.

Проф. В. Н. Щепкинъ.

К80 2/20

38/90

УЧЕБНИКЪ
РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФІИ.

6 таблицъ и 42 рис. въ текстѣ.

ИЗДАНІЕ
Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1918.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 11278
„16" VII 1952 г.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

Печатано въ тип. Рос. Фед. Соц. Совѣтской Республики (быв. Синодальной).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга основана на лекціяхъ по русской палеографіи, читанныхъ въ Московскомъ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Москвѣ. Весь матеріалъ этихъ лекцій авторъ старался переработать въ учебникъ, отвѣчающій практическимъ требованіямъ и наглядности. Авторъ долженъ напомнить, что преподаваніе палеографіи въ нашей высшей школѣ было поставлено на научную почву трудами—И. И. Срезневскаго, акад. Соболевскаго, проф. Лихачева, Лаврова, Карскаго и др. русскихъ палеографовъ. Но въ этихъ первыхъ строкахъ авторъ считаетъ своей прямою обязанностью высказать искреннюю признательность также своимъ ученикамъ и ученицамъ, работавшимъ надъ сырымъ матеріаломъ палеографіи подъ руководствомъ пишущаго эти строки. Въ этой книгѣ авторъ не даетъ общаго списка источниковъ и не ссылается на свои спеціальныя работы. То и другое читатели найдутъ въ книгѣ акад. Соболевскаго „Славяно-русская палеографія“ Петр. 1908, изд. 2. Одно изъ приложеній учебника (Образцы изводовъ и ихъ анализъ) авторъ былъ вынужденъ отложить до инаго времени.

Вячеславъ Щепкинъ.

Москва, 15(2) іюня 1918 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Цѣли и методъ палеографіи. Опредѣленіе; родственныя дисциплины 1.—Собственный методъ палеографіи 2.—Время и мѣсто написанія памятниковъ; что опредѣляется ранѣе? 3.—Помощь со стороны другихъ филологическихъ дисциплинъ 5.—Примѣры 6.—Палеографическія примѣты, ихъ сопоставленіе, выводы 7.—Степень точности палеографическихъ выводовъ; общій случай и случайность 8.—Методологическія ошибки въ палеографіи 10.—Два отдѣла учебника палеографіи: основной и вспомогательный 11.

II. Старославянскій языкъ и славянскія азбуки. Родина и родственныя связи старославянскаго языка; термины глаголица и кириллица; историческія соображенія 11—13.—Гипотеза Шафарика, ея основанія и цѣнность 13—16.—Источникъ той и другой азбуки 16.—Сравненіе кирилловскихъ знаковъ съ глаголическими; два класса: знаки „греческіе“ и знаки „славянскіе“ 16.—Зависимость кириллицы отъ глаголицы 17—19.—Лингвистическіе выводы изъ анализа глаголическихъ и кирилловскихъ знаковъ 19.

III. Изводы. Опредѣленіе, классификація, термины 20—21.—Простѣйшій способъ различенія изводовъ 22.—Сложные изводы 24.

IV. Матеріалы и орудія письма. Пергаментъ и бумага. Чернила, краски и металлы 25.—Процессъ и орудія письма на изображеніяхъ; перо, кисть, ножи и пр.; разлиновка 27.—Переплетъ, его части и украшенія 28—29.—Сохранность, какъ палеографическая примѣта 30.

V. Вязь. Техническіе пріемы и палеографическія примѣты 30.—Вязь византійцевъ 31.—Причины малаго развитія византійской вязи; ея сравненіе съ кирилловской 32.—Вязь югославянская: два стиля; вязь румынская 33.—Русская вязь; время ея появленія; дифференціація русской вязи 35.—Примѣты областныя и хронологическія: Псковъ 35, Новгородъ 37. Москва и Грозный 37, Ѳеодоръ Іоанновичъ 38, Смутное время и Михаилъ Ѳеодоровичъ 38.—Показатель вязи 38.—Поморская вязь 18 и 19-го вѣковъ 40—41.

VI. Орнаментъ. Опредѣленіе и анализъ 42.—Источники и стили орнамента 44.—Классификація и термины 45.—Виды и термины рукописнаго орнамента: заставка, инициалъ, концовка, полевой цвѣтокъ 46.—Византійскій орнаментъ 46.—Заставки большія и малыя. Рамы и мотивы 47—49.—Инициалы византійскихъ рукописей 50—51.—Византійскій стиль въ славянскихъ рукописяхъ; „переходная“, или „варварская“ манера 51—53.—Тератологическій стиль славянскихъ рукописей 54.—Болгарская тератологія „народная“ и „техническая“, краски этой послѣдней.—14 вѣкъ въ Болгаріи: вытѣсненіе тератологіи стилями „нововизантійскимъ“ и „балканскимъ“ 55.—Тератологія въ Россіи. Отличительныя черты 13 и 14-го вѣковъ 56—57.—Вытѣсненіе русской тератологіи стилями „нововизантійскимъ“ и „балкан-

скимъ“ съ начала 15-го вѣка 57.—Русскій рукописный орнаментъ въ 15 и 16-мъ вѣкахъ. Территоріальныя различія. Вторженіе мотивовъ итальянскаго Возрожденія и „старопечатныхъ“ 58.—Русскій орнаментъ 17-го вѣка. Господство „старопечатнаго“ стиля; раскраска 59.—Сущность стиля барокко 60.—Его первое появленіе въ русскихъ рукописяхъ; его русскія видоизмѣненія: московскій придворный барокко конца 17-го вѣка и старообрядческій „поморскій“ стиль 18 и 19-го вв. 65.—Французскіе стили 18 и 19-го вѣковъ: рококо, стиль Людовика XVI, стиль Empire. Ихъ опредѣленіе 65—69.—Ихъ отраженіе въ русскихъ рукописяхъ 18—19-го вѣковъ 69.

VII. Миніатюра. Опредѣленіе и термины 73.—Связь съ иконописью. Палеографическій анализъ русской миніатюры 74.—Измѣненія горнаго пейзажа 74—75.—Измѣненія архитектурной обстановки 75—80.—Измѣненіе раскраски въ русской миніатюрѣ 80.—Рисунокъ фигуръ и одеждъ. Фрязь 81.

VIII. Водяные знаки. Опредѣленіе. Бумага и т.-н. „бомбицина“ 83.—Форматы 85.—Ихъ старыя названія 86.—Происхожденіе водяныхъ знаковъ, бумажная „форма“ 86.—Варіанты водяныхъ знаковъ случайные и преднамѣренные 87.—Водяные знаки въ качествѣ палеографической примѣты 87.—Залёжность бумаги: срокъ отъ выхола съ фабрики и до написанія рукописи 88.—Доступная точность палеографическихъ выводовъ 89.—Альбомы водяныхъ знаковъ: Тромонинъ, Лихачевъ, Брикэ 90.—Важнѣйшіе типы водяныхъ знаковъ съ 15-го по 19-й вѣкъ въ Россіи 91.

IX. Кирилловскіе почерки. Уставъ, полууставъ, скоропись 92.—Какъ различить эти почерки по виду и по цѣли 93.—Древнѣйшіе датированные памятники кириллицы 95.—Соображенія о недошедшей, древнѣйшей кириллицѣ 9—10-го вѣка 96.—Ея особенности 97.

X. Русскіе почерки въ пергаменныхъ рукописяхъ: 11-й вѣкъ 98.—Различія въ начеркахъ 11 и 12-го вѣковъ 98—102.—Тринадцатый вѣкъ, начерки старые и новые. Новый стиль 102—104.—Четырнадцатый вѣкъ, исчезновеніе начерковъ 11 и 12-го вв., сохраненіе начерковъ 13-го. Новообразованія самого 14-го вѣка 105—106.—Появленіе полуустава и новаго литургическаго устава 106—107.—Распаденіе русской территоріи на два государственныхъ союза—Московскій и Литовскій и расхожденіе начерковъ съ конца 14-го вѣка 107—108.

XI. Югославянская письменность. Судьбы болгарскаго государства и письменности до турецкаго ига 108.—Судьбы сербскаго племени и письменности до турецкаго ига 108—109.—Древнѣйшіе сербскіе и болгарскіе памятники 109—110.—Начерки болгарскихъ рукописей 111.—Правописаніе въ Македонскомъ разрядѣ 111—112.—Правописаніе въ восточноболгарскомъ разрядѣ 113.—Опредѣленіе вѣка югославянскихъ рукописей по графикѣ и орѳографіи 113—114.—Общее впечатлѣніе почерковъ сербскихъ, болгарскихъ и румынскихъ 114.—Югославянская каллиграфія 116.—Книжная реформа патріарха Евѳимія въ Болгаріи 117.

XII. Югославянское вліяніе въ Россіи. Историческія условія 117.—Перемѣны въ русской графикѣ 118 и орѳографіи 119.—Вредъ и польза югославянскаго вліянія 120.—Особая польза знака і и крестовиднаго ѣ 120—121.

XIII. Русскіе полууставные почерки. Вѣка 15 и 16-й 121.—Полууставъ 17-го вѣка 122.—Различеніе трехъ вѣковъ по надстрочнымъ буквамъ 123.

XIV. Скоропись. Цѣль и техническіе пріемы 124.—Русская скоропись 14-го вѣка 125, пятнадцатаго 126.—Московская скоропись 16-го вѣка 127, семнадцатаго 128—130.—Каллиграфическая скоропись 131.—Скоропись Виленская и Кіевская 131.—Какъ слѣдуетъ учиться читать скоропись 132.

XV. Тайнопись. Ея цѣли 132.—Ея системы: чуждыя письмена 133, измѣненные знаки 134, замѣна однихъ знаковъ другими 134. — Счетная система; ея разряды: цифровой 135, описательный 135, значковый 137.—Иные виды тайнописи 137—138.

XVI. Лѣтосчисленіе. Обозначеніе цифръ въ греческомъ письмѣ, въ глаголицѣ и въ кириллицѣ 138. — Старыя названія большихъ разрядовъ (10,000—10,000,000) 139.—Даты; ошибки въ ихъ написаніи и чтеніи 140.—Система лѣтосчисленія; ея основаніе; начало года 141. — Переводъ датъ: съ сентябрьскаго счета на январскій 141, съ мартовскаго на январскій 142, съ мартовскаго на сентябрьскій; индиктъ 143.

XVII. Повѣрка датъ. Даты прямыя и косвенныя 143. — Палеографическая повѣрка 144; историческая повѣрка 145; дипломатическая повѣрка: формула, очередь фактовъ въ датѣ, термины 146.—Справочныя пособія 148.—Списки для датировки синодиковъ: именной 148, погодный 150.

XVIII. Описаніе рукописей. Цѣль описанія и основныя требованія 151.—Схема описанія 152. — Названіе рукописи 152, справочныя пособія 154.—Характеристика общаго состава рукописи и описаніе ея отдѣльныхъ статей 154.—Указатели 155.—Справочныя пособія 155.—Литературная исторія памятника 156.—Переводные памятники 157.—Опредѣленіе языка, съ коего сдѣланъ переводъ 157. — Сличеніе съ оригиналомъ 159. — Исторія текста 160 и внѣшняя исторія памятника 162. — Различные списки одного и того же памятника 162.—Родственныя связи списковъ; схема размноженія и расхожденія списковъ 163. — Возстановленіе первоначальнаго текста; варіанты; глоссы, интерполяція 165.—Описаніе рукописей требуетъ точности языка; примѣръ 167. — Пути, ведущіе къ точности языка: спеціальныя знанія, изученіе образцовыхъ описаній, строгая терминологія; суммація, не обобщеніе наблюдаемыхъ фактовъ 168. — Въ описаніи цѣлаго собранія всѣ рукописи располагаются въ алфавитномъ порядкѣ 169.—Шрифты для печатанія старыхъ текстовъ 171.—Техника типографскаго набора и его исправленіе 172 прим.; доступная степень точности при передачѣ текста печатью 173; передача позднихъ текстовъ гражданскимъ шрифтомъ 173. — Существующіе способы передачи оригинала снимками 174.

Приложеніе. Хронологія славянская и русская 177.

Цѣли и методъ палеографіи.

§ 1. Палеографія[1]) есть вспомогательная дисциплина историко-филологическаго разряда, изслѣдующая письменные памятники съ внѣшней ихъ стороны съ цѣлью опредѣлить время и мѣсто ихъ возникновенія. Славяно-русская палеографія разсматриваетъ письменность трехъ православныхъ славянскихъ народовъ: сербовъ, болгаръ и русскихъ. Если разумѣть подъ письменнымъ памятникомъ всякое зрительное выраженіе человѣческой мысли на поверхностяхъ, то въ область палеографіи войдутъ, кромѣ памятниковъ литературы, также дипломатическіе памятники, монеты, печати, а равно надписи, рѣзаныя на камнѣ и иномъ твердомъ матеріалѣ. Кромѣ того, при такомъ опредѣленіи въ сферу палеографіи вошли бы и всѣ памятники живописи, а изъ памятниковъ ваянія—всѣ барельефы. Всѣ перечисленные разряды памятниковъ содержатъ человѣческую мысль, выраженную зрительными знаками на поверхностяхъ. Дѣйствительно можно говорить о палеографіи искусства, имѣя въ виду, что стиль и содержаніе художественныхъ формъ мѣняются по эпохамъ и странамъ и т. о. отвѣчаютъ на вопросы когда? и гдѣ? Но обыкновенно палеографію ограничиваютъ изслѣдованіемъ знаковъ человѣческаго языка, наносимыхъ на поверхность какимъ-нибудь красящимъ веществомъ. Такое ограниченіе чисто искуственное, но влечетъ за собою очень практическую классификацію матеріала: письменные памятники нарѣзные или чеканные, находимые на разныхъ бытовыхъ предметахъ, отходятъ въ область эпиграфики; палеографія вѣдаетъ только рукописи и книги. Матеріалъ обѣихъ дисциплинъ изъ практическихъ соображеній подвергается еще дальнѣйшему ограниченію: монеты и печати (въ которыхъ въ сущности изучаются не выпуклые знаки оттисковъ, а нарѣзные знаки ихъ штамповъ) выдѣляются въ особыя дисциплины—нумизматику и сфрагистику,

[1]) Терминъ „палеографія составленъ изъ греческихъ словъ palaiós „древній“ и gráphō „пишу“. Его создалъ основатель научной палеографіи Монфокóнъ (1655—1741).

а писанные дипломатическіе и юридическіе памятники (грамоты) изслѣдуются дипломатикой; все это памятники, служащіе не высшимъ духовнымъ цѣлямъ, а различнымъ цѣлямъ практическимъ. Нумизматика, сфрагистика и дипломатика выдѣлены въ особыя дисциплины въ качествѣ вспомогательныхъ отдѣловъ исторіи, онѣ служатъ къ установленію лицъ, событій, учрежденій и отношеній прошлаго и, такимъ образомъ, изслѣдуютъ свои памятники не только съ внѣшней стороны. Съ внѣшней стороны тѣ же памятники не перестаютъ быть объектомъ эпиграфики и палеографіи, которыя служатъ вспомогательными дисциплинами для всѣхъ наукъ историко-филологическаго разряда. Въ широкомъ смыслѣ слова объемъ палеографіи опредѣляется главнымъ образомъ ея основной цѣлью: выясненіемъ времени и мѣста возникновенія письменныхъ памятниковъ человѣческой рѣчи. Практическая потребность выдѣлить эпиграфику въ особую дисциплину сказалась главнымъ образомъ въ классической филологіи вслѣдствіе обилія дошедшихъ до насъ античныхъ надписей и ограниченнаго количества дошедшихъ античныхъ рукописей. Въ славянской филологіи наблюдается какъ разъ обратное.

Мы называемъ палеографію дисциплиной, а не наукой историко-филологическаго цикла. Мы исходимъ при этомъ изъ стараго опредѣленія: „наука есть система знанія, дающая намъ возможность предсказывать будущее“. Палеографія есть система знанія, но она обращена къ прошлому и имѣетъ своей исключительной цѣлью отвѣтить на вопросы, гдѣ и когда возникъ письменный памятникъ. Рядомъ съ палеографіей и на томъ же матеріалѣ стоитъ наука исторіи письменъ, наука отвлекающая общіе законы, по которымъ развивается зрительное обозначеніе человѣческой мысли. Исторія письменъ предсказываетъ послѣдовательныя звенья этого развитія и дѣлаетъ указанія о томъ, въ какомъ направленіи должны развиваться существующіе алфавиты и орѳографіи. Если наряду съ обобщающими науками различать также науки регистрирующія, то наряду съ исторіей письменъ должна быть поставлена внѣшняя исторія письменности, содержащая исторію рукописи и книги.

§ 2. Собственный методъ палеографіи состоитъ изъ индуктивныхъ, обобщающихъ наблюденій надъ письменными знаками рукописей датированныхъ и изъ дедуктивныхъ примѣненій наблюденнаго къ рукописямъ недатированнымъ: рукописи опредѣленнаго времени (датированныя) приводятся въ хронологическій порядокъ, и знаки ихъ изучаются въ своемъ появленіи, измѣненіи, исчезновеніи и замѣнѣ другими знаками; при этомъ обнаруживается, что извѣстные типы отдѣльныхъ буквъ и др. знаковъ, извѣстныя сокращенія, извѣстныя общія особенности почерка, извѣстныя украшенія свойственны исключительно той или другой эпохѣ, и такимъ образомъ позволяютъ отличить эту эпоху отъ ближайшей предшествующей

и ближайшей послѣдующей. Недатированныя рукописи съ извѣстнаго рода примѣтами относятся палеографомъ къ той эпохѣ, которая имѣетъ тѣ же примѣты въ рукописяхъ датированныхъ. Эта „эпоха“ можетъ заключать въ себѣ десятилѣтіе, четверть вѣка, вѣкъ, нѣсколько вѣковъ, можетъ относиться ко всей территоріи данной письменности или только къ какой-нибудь части этой территоріи. Такимъ образомъ добываемыя палеографомъ примѣты бываютъ болѣе широкими и болѣе узкими. Ясно, что наиболѣе узкія примѣты суть въ то же время и наиболѣе цѣнныя, ибо онѣ содержатъ наиболѣе точную дату. Какъ широкія, такъ и узкія палеографическія примѣты остаются примѣтами общими, т. е. систематически въ извѣстную эпоху повторяющимися. Примѣты частныя или случайныя, свойственныя отдѣльному памятнику и внѣ его не встрѣчаемыя, отмѣчаются палеографомъ, какъ факты, ожидающіе объясненія, но непосредственнаго методологическаго значенія онѣ не имѣютъ. Ясно, что подъ примѣтами мы разумѣемъ „всякіе внѣшніе знаки, содержащіе косвенное указаніе на время и мѣсто“. Въ западной палеографіи примѣты называются датами. Но мы сохраняемъ слово дата въ его первоначальномъ смыслѣ „цифровые знаки, содержащіе прямое указаніе на время возникновенія памятника“.

Палеографическій методъ основанъ на томъ общемъ наблюденіи исторіи писменъ, что общепринятые знаки письменности не остаются неизмѣнными: эти знаки подвержены эволюціи и „революціи“: они или постепенно измѣняются, или быстро смѣняются знаками существенно иного характера,—заимствованными со стороны или изъ прошлаго или вновь изобрѣтенными. Славяно-русская палеографія знаетъ нѣсколько „революціонныхъ“ эпохъ: эпоху замѣны глаголицы кириллицей (X—XII вв.), эпоху югославянскаго вліянія въ Россіи (к. XIV—XV в.), эпоху введенія гражданскаго алфавита (нач. XVIII в.). Не всѣ знаки письменности одинаково способны къ эволюціи; такъ напр. К и Л мало мѣнялись въ теченіе славяно-русской письменности, а Ч мѣнялось безостановочно по эпохамъ и по территоріямъ. Наиболѣе измѣнчивые знаки даютъ палеографу и наиболѣе цѣнныя примѣты хронологическія и территоріальныя.

§ 3. Всего полнѣе палеографическимъ методомъ опредѣляется время возникновенія письменныхъ памятниковъ, гораздо менѣе полно и гораздо менѣе точно опредѣляется имъ мѣсто возникновенія памятниковъ. Конечно, распредѣляя точно-датированныя рукописи одной и той же письменности по территоріямъ ихъ возникновенія, мы дѣлаемъ общіе выводы также и относительно мѣстныхъ, территоріальныхъ особенностей графики. Но территоріальныя примѣты далеко не такъ многочисленны и безошибочны, какъ примѣты хронологическія, ибо въ одной и той же

письменности происходитъ взаимодѣйствіе мѣстныхъ особенностей, при чемъ однѣ мѣстныя особенности исчезаютъ, другія ограничиваютъ свою территорію или распространяются за ея предѣлы. Въ послѣднемъ случаѣ одна и та же графическая особенность нѣсколько ранѣе характеризуетъ одну территорію, нѣсколько позднѣе—иную. Такъ напр. въ Россіи зеленый колоритъ орнамента въ XIII вѣкѣ распространенъ по всей территоріи, въ XIV только внѣ Новгородскаго государства. То-же имѣетъ мѣсто когда письменность одного народа вліяетъ на письменность другого: графическія явленія, съ извѣстнымъ опозданіемъ, переходятъ изъ одной письменности въ другую. Въ славяно-русской палеографіи послѣдній случай—очень распространенъ, такъ какъ до турецкаго ига и паденія югославянскихъ государствъ русская графика не переставала испытывать вліянія графики югославянской, и по временамъ эти вліянія становились очень сильны (X—XI и XIV—XV в.). Установлено, что такія заимствованныя особенности графики въ русской письменности сказываются среднимъ числомъ на 100 лѣтъ позднѣе, чѣмъ онѣ возникали у южныхъ славянъ. Этотъ средній срокъ установленъ эмпирически на основаніи дошедшихъ до насъ рукописей, и онъ вовсе не означаетъ, чтобы русско-балканскія сношенія были рѣдки или медленны. Дѣло объясняется тѣмъ, что первыя поколѣнія рукописей, заключавшія новую примѣту, были немногочисленны и потому не дошли до насъ, а дошедшія многочисленныя рукописи съ тою же примѣтой относятся, очевидно, къ такой эпохѣ, когда данная примѣта успѣла распространиться по русской территоріи. Такимъ образомъ, время уходило не столько на переносъ, сколько на распространеніе новыхъ примѣтъ по обширной русской территоріи съ разбросанными по ней культурными очагами.

Какъ бы то ни было, въ русской палеографіи много такихъ графическихъ примѣтъ, которыя вѣкомъ ранѣе уже извѣстны у южныхъ славянъ; такъ напр. начеркъ Ч указываетъ на Болгарію и Сербію XIV вѣка и на Россію XV-го. При такихъ условіяхъ методологически необходимо: сначала установить мѣсто написанія рукописи, потомъ—время ея написанія. Мѣсто написанія югославянской или русской рукописи устанавливается на основаніи ея языка и только послѣ этого мы получаемъ возможность судить, на какую эпоху указываетъ въ ней напр. начертаніе Ч. Такимъ образомъ на одинъ изъ двухъ основныхъ своихъ вопросовъ славяно-русская палеографія отвѣчаетъ не собственнымъ методомъ, а помощью лингвистики, о чемъ подробнѣе говорится нѣсколько ниже, въ главѣ объ изводахъ, или редакціяхъ. Замѣтимъ здѣсь, что въ такой письменности, какъ церковнославянская, гдѣ каждый писецъ вносилъ въ текстъ особенности своего говора, лингвистика обыкновенно весьма точно опредѣляетъ родной языкъ писца и этимъ способомъ въ громадномъ боль-

шинствѣ случаевъ указываетъ и мѣсто написанія рукописи, т. е. на основаніи вѣроятности мы принимаемъ какъ правило, что рукопись содержащая сербизмы, писана на сербской территоріи, содержащая руссизмы—на русской и т. д. На практикѣ исключенія изъ этого правила дѣйствительно очень рѣдки, и главное исключеніе состоитъ въ томъ, что сербъ, болгаринъ и русскій писецъ могли писать не на своей родинѣ, а въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, или русскій писецъ—въ Константинополѣ, гдѣ до паденія города существовала дѣятельная русская колонія. Лингвистика нерѣдко бросаетъ свѣтъ и на время возникновенія памятника, но эти ея указанія не имѣютъ большой точности вслѣдствіе наличности многочисленныхъ переживаній какъ въ письменности, такъ отчасти и въ самомъ языкѣ, напр. въ словарѣ.

§ 4. Такъ какъ собственный методъ палеографіи сравнительно узокъ, эта дисциплина для повѣрки своихъ выводовъ широко пользуется помощью остальныхъ отраслей историко-филологическихъ знаній. Какъ мы видѣли, особенно важна для палеографа помощь лингвистики. Помощью исторіи искуствъ палеографъ пользуется при изслѣдованіи орнаментовъ и миніатюръ, находимыхъ въ письменныхъ памятникахъ, а по тѣсной связи между славяно-русской миніатюрой и иконописью, онъ прибѣгаетъ и къ указаніямъ этой послѣдней. Помощью исторіи палеографъ пользуется, изслѣдуя лѣтопись (т. е. запись о времени написанія рукописи) и различныя другія записи ея (владѣльческія, вкладныя, купчія, продажныя, памятныя), а равно упоминаемыя въ записяхъ или въ самомъ текстѣ памятника историческія имена и извлекая изъ нихъ даты. Методомъ дипломатики палеографъ пользуется, повѣряя формулы записей, методомъ исторіи литературы—опредѣляя составъ письменнаго памятника и время возникновенія входящихъ въ него литературныхъ произведеній. Во всѣхъ этихъ случаяхъ палеографъ очевидно не ограничивается изученіемъ одной только внѣшней стороны письменныхъ памятниковъ, т. е. выходитъ изъ предѣловъ собственнаго метода своей науки. Но чьею бы помощью ни пользовался палеографъ, онъ всюду вноситъ и свой собственный методъ, онъ старается факты исторіи, литературы, искусства привести въ самую строгую хронологическую или территоріальную классификацію, чтобы получить отвѣтъ на основные вопросы палеографіи: гдѣ? и когда?

При этомъ палеографъ постоянно имѣетъ въ виду, что матеріалъ, который изслѣдуютъ науки историко-филологическаго цикла, заключаетъ въ себѣ многочисленныя переживанія: орнаментъ русской рукописи можетъ заключать въ себѣ мотивы XIV и XV вѣка, ея текстъ—статьи XI, XII и XIII вѣковъ; или орнаментъ можетъ имѣть отчасти болѣе старый югославянскій, отчасти болѣе поздній русскій колоритъ, а текстъ—

содержать статьи сербскія, болгарскія и русскія, возникшія неодновременно. Для опредѣленія мѣста и времени написанія палеографъ вслѣдствіе этого долженъ взвѣсить всѣ примѣты и руководиться самой послѣдней датой: датой самаго поздняго изъ начерковъ (т. е. буквенныхъ начертаній), а равно самаго поздняго изъ художественныхъ мотивовъ или литературныхъ произведеній, представленныхъ въ рукописи, если дѣло идетъ о времени; самой послѣдней лингвистической датой (т. е. говоромъ послѣдняго переписчика), если дѣло идетъ о мѣстѣ написанія. Опредѣленіе поддѣлки производится тѣмъ же способомъ и есть лишь частный случай отвѣта на вопросы гдѣ? и когда? Такъ напр. надпись (конца XVI вѣка), содержащая три начерка *е*: Є (древній), Ɛ (средній) Е (поздній), или принадлежитъ литовско-русскому государству, гдѣ начеркъ Е дѣйствительно появляется въ концѣ XVI вѣка, или-же эта надпись (въ томъ случаѣ если сама она утверждаетъ, что возникла въ Московскомъ государствѣ) есть поддѣлка, ибо въ Московскомъ государствѣ Е появляется только въ Петровскую эпоху. Возможенъ конечно и третій случай: надпись могла быть сдѣлана въ Москвѣ западнорусскимъ или южнорусскимъ выходцемъ; но внѣ эпохи усиленнаго юго-западнаго вліянія въ Москвѣ (к. XVII в.) третій случай являлся бы очень рѣдкою возможностью, которую палеографъ обязанъ подтвердить примѣтами языка, или извода самой надписи (ср. ниже Изводы).

§ 5. Различныя науки историко-филологическаго разряда, особенно исторія и исторія литературы иногда датируютъ рукопись съ такою точностью, которая недоступна для метода палеографіи. Такъ напр. Синодикъ (книга поминаній), заключающая въ царскихъ поминаніяхъ писанное первымъ, древнѣйшимъ почеркомъ имя Петра Великаго, а вторымъ, позднѣйшимъ почеркомъ имя Екатерины I-ой, возникъ, очевидно, между 1725 и 1727 годами. Мѣсяцесловъ, пасхальный указатель котораго начинается съ 1672 года, писанъ вѣроятно въ этомъ году или предыдущемъ. Иногда время точно опредѣляется лѣтописью памятника (т. е. записью самого писца о времени написанія памятника), которая не содержитъ года, но упоминаетъ два историческихъ лица, сосуществованіе или совмѣстная дѣятельность которыхъ продолжалась немногіе годы; такой случай представляли бы документъ или надпись, содержащія рядомъ имена короля польскаго Владислава (вступилъ на престолъ въ 1632 г.) и патріарха Филарета Никитича († 1633). Сборникъ, содержащій статьи извѣстнаго писателя, очевидно, писанъ не ранѣе извѣстнаго года; экземпляръ житія Святого, содержащій свѣдѣніе о чудѣ 1690 года, очевидно, писанъ не ранѣе этого года и т. д. Такимъ образомъ, не-датированныя рукописи помощью вспомогательныхъ наукъ могутъ получить точную дату и увеличить число рукописей опредѣленныхъ лѣтъ.

§ 6. Взвѣшивая примѣты памятника—палеографическія, художественныя, историческія и др., палеографъ сравниваетъ ихъ и находитъ, что эти примѣты либо просто подтверждаютъ другъ друга, либо ограничиваютъ другъ друга, либо другъ другу противорѣчатъ. Такъ напр. пергаментъ и особый почеркъ, называемый уставомъ, подтверждаютъ другъ друга, одинаково указывая на первые четыре вѣка русской письменности (XI—XIV); пергаментъ и почеркъ, называемый полууставомъ, взаимно ограничиваютъ другъ друга: пергаментъ указываетъ на XI—XIV вѣка и maximum на начало XV-го, а полуставъ—на эпоху съ конца XIV и по нач. XVIII; такимъ образомъ, вмѣстѣ эти примѣты указываютъ на конецъ XIV и начало XV вѣка. Взаимоограниченіе примѣтъ есть наиболѣе выгодный случай для палеографа, т. к. при этомъ условіи дата рукописи опредѣляется всего точнѣе. Противорѣчія должны быть примирены какимъ-нибудь вѣроятнымъ предположеніемъ. Такъ напр. пергаментъ и поздняя скоропись противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ первый указываетъ на XI—XIV вѣка, послѣдняя—на XVI—XVIII вѣка; это противорѣчіе примиряется употребленіемъ пергамента для грамотъ и въ позднее время, или же предположеніемъ, что предъ нами запись, сдѣланная въ позднее время на свободной страницѣ старой пергаменной рукописи. Иногда дата оказывается старше, чѣмъ можно бы ожидать, судя по почерку: это можетъ значить, что передъ нами списокъ, воспроизводящій лѣтопись своего оригинала. Иногда почеркъ кажется старше даты, которая читается въ рукописи: это можетъ значить, что предъ нами почеркъ исчезающаго поколѣнія, что рукопись писана старикомъ; найдя въ лѣтописи, что писцомъ былъ игуменъ или епископъ, мы находимъ подтвержденіе нашей догадки. Иногда писецъ нарочно архаизуетъ свой почеркъ,—если онъ дополняетъ болѣе древнюю рукопись, утратившую нѣсколько листовъ, или копируетъ очень древній оригиналъ. Если противорѣчія неустранимы, можно думать о какой-нибудь намъ неясной случайности или же о поддѣлкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ должны быть найдены доказательства поддѣлки, т. е. примѣты завѣдомо подражательныя, симулирующія древность и въ то же время точно выдающія другое (обыкновенно—наше) время. Такъ напр. въ рукописи, желающей казаться древнею, употребленіе берлинской лазури въ иніціалахъ обличаетъ поддѣльность этихъ послѣднихъ, ибо названная краска найдена лишь въ нач. XVIII вѣка. Или въ рукописи, которая всѣми признаками указываетъ на вторую половину XVII вѣка, лѣтопись начала XVII вѣка должна быть признана поддѣланною, если окажется, что въ ея датѣ цифра десятковъ писана по подскобленному и на свѣтъ имѣетъ другой цвѣтъ, нежели остальныя цифры. Палеографъ старается также опредѣлить цѣль поддѣлки, которая можетъ быть юридической, коммерческой, любительской. Въ Рос-

сіи поддѣлки и подчистки датъ XVII вѣка имѣютъ въ виду покупателей-старообрядцевъ: измѣнивъ П=80 въ К=50, или рѣже—въ К=20, фальсификаторы превращаютъ рукопись изъ „Никоновской“ въ „до-Никоновскую“. Если подложной кажется не отдѣльная цифра, а цѣлая лѣтопись, необходима повѣрка ея формулы и содержанія. Къ формулѣ относится очередь упоминаемыхъ фактовъ (напр. въ лѣтописи—годъ, имя государя, имя іерарха...) и неизмѣнные термины, въ которыхъ обозначаются нѣкоторые факты (имя государево или боярское—съ вичемъ, имена чернаго духовенства—совсѣмъ безъ отчества, имя женское—съ отчествомъ на -вна, но даже боярское женское имя съ названіемъ по мужу на -ва и т. п.). Здѣсь, какъ и всюду, могутъ встрѣтиться исключенія (сложные случаи): патріархъ Филаретъ Никитичъ продолжалъ титуловаться отчествомъ въ качествѣ именитаго боярина и родителя государева. Для повѣрки формулъ служатъ изданія записей. Повѣрка содержанія состоитъ въ томъ, что дата сравнивается съ годами жизни упоминаемыхъ лицъ, ихъ титулы также провѣряются данными исторіи и т. п.

§ 7. Обратимся теперь къ вопросу о точности палеографическихъ выводовъ. Вопросъ гдѣ, какъ мы видѣли, обыкновенно разрѣшается въ славяно-русской палеографіи анализомъ языка, при чемъ во многихъ случаяхъ мы можемъ различать не только страну, но и ея главныя діалектическія территоріи (ср. Приложеніе I, образцы изводовъ). Почерки, орнаменты, миніатюра, какъ мы видѣли, не рѣшаютъ этого вопроса, а въ виду различныхъ переживаній и переходовъ изъ территоріи въ территорію часто даже не наводятъ на правильное рѣшеніе его. Что касается вопроса когда, то лучшіе наши палеографы на основаніи опыта полагаютъ, что ошибка при опредѣленіи времени югославянскихъ и русскихъ рукописей можетъ доходить до полувѣка. Это, конечно, только крайній предѣлъ, и во многихъ случаяхъ мы можемъ достигнуть значительно большей точности. Возможность такихъ ошибокъ объясняется во первыхъ плохою сохранностью славянской и русской письменности: Греческое духовенство еще въ XIX в. сжигало цѣлыя библіотеки болгарскихъ рукописей; въ Москвѣ въ 1382 году при внезапномъ набѣгѣ татаръ, кремлевскіе храмы до стропа, т. е. до свода, были наполнены рукописями, навезенными бѣгущимъ населеніемъ Московской области—и все это сгорѣло; московскія рукописи XIV в. представляютъ вслѣдствіе этого чрезвычайную рѣдкость. Отъ начала русской письменности дошли лишь датированныя рукописи второй половины XI вѣка; по нимъ, главнымъ образомъ, принуждены мы судить о недатированныхъ рукописяхъ XI вѣка,—очевидно, ошибка на полвѣка вполнѣ возможна въ этомъ случаѣ. Во вторыхъ, палеографія извлекаетъ свои примѣты прежде всего изъ датированныхъ рукописей, а таковыя составляютъ лишь

незначительный процентъ всей массы рукописей каждаго вѣка. Наконецъ, мы уже видѣли, какъ медленно обобщаются на огромной русской территоріи новые графическіе факты (подъ которыми слѣдуетъ разумѣть не только появленіе отдѣльныхъ новыхъ знаковъ, новыхъ манеръ почерка, новыхъ стилей орнамента, но также появленіе самой русской письменности, ея распространеніе на новые центры и т. п. общія явленія). Ясно, что всѣ графическіе факты размножаются путемъ списыванья одной или нѣсколькихъ начальныхъ рукописей (протографовъ), содержащихъ такой фактъ. Непосредственные списки съ протографа, относящіеся къ первымъ десятилѣтіямъ послѣ его появленія, очевидно, составляютъ какой-нибудь десятокъ рукописей; списки со списковъ, возникающіе въ дальнѣйшія десятилѣтія, насчитываются десятками; б. м. только въ теченіе полувѣка протографъ производитъ въ странѣ 100 списковъ; да и эта цифра не преувеличена лишь по отношенію къ памятникамъ особенно распространеннымъ. Самъ протографъ доходитъ только въ видѣ рѣдчайшей случайности, ближайшіе къ нему списки, исчисляемые единицами или десятками, также по б. ч. погибаютъ для насъ. Только тогда, когда какой-нибудь протографъ представленъ въ странѣ сотней списковъ, нѣсколько изъ нихъ могутъ дойти до насъ, и среди нихъ можетъ оказаться одинъ датированный. Очевидно начальныя стадіи (или, что то-же, первыя десятилѣтія) всякаго графическаго факта не доходятъ до славяно-русскаго палеографа. Даже такое обширное явленіе, какъ югославянское вліяніе XIV—XV вѣковъ, съ самаго начала представленное многими югославянскими выходцами и многими рукописями, и то можетъ быть установлено методомъ палеографіи, какъ общій фактъ, для Московскаго государства только со второй четверти XV столѣтія, между тѣмъ какъ исторія учитъ насъ, что усиленное югославянское вліяніе началось съ 90-хъ годовъ XIV вѣка, послѣ паденія югославянскихъ государствъ. Кромѣ того очевидно, что до сознанія палеографа доходятъ только крупныя, или общія графическія явленія, получившія распространеніе въ странѣ. Графическіе факты, распространявшіеся медленно или совершенно не распространявшіеся на весь общественный союзъ, не доходятъ до насъ по той же причинѣ, по которой не доходятъ и начальныя стадіи болѣе общихъ явленій: по ограниченному числу своихъ представителей. Для каждой эпохи, достаточно представленной датированными памятниками, мы узнаемъ только главное русло графики. Спеціальныя графическія школы, какъ-то графика какой нибудь замкнутой секты, какого нибудь центра отдаленной окраины, какого-нибудь рѣзко обособившагося говора съ своей особой орѳографіей остаются совсѣмъ не представленными, или представлены такъ отрывочно, что не доходятъ до нашего сознанія. Къ тому же и то, что сохранилось, въ Россіи и у южныхъ славянъ, и сейчасъ еще не приведено въ общую

извѣстность, не издано, отчасти остается разсѣяннымъ на огромной территоріи или замкнуто въ малодоступныхъ мѣстахъ. Для начальныхъ и вообще недостаточно представленныхъ эпохъ палеографу принципіально необходимо тщательнѣе считаться съ случайностью; это можно уяснить себѣ, взявъ крайній случай: если отъ какой-нибудь эпохи дошелъ всего одинъ памятникъ, мы все еще считаемъ вѣроятнымъ, что онъ представляетъ большинство, а не меньшинство памятниковъ своего времени; но эта вѣроятность слаба; если эпоха представлена двумя, тремя, десятью однородными памятниками, вѣроятность быстро возрастаетъ и наконецъ приближается къ достовѣрности.

§ 8. Главныя методологическія ошибки, которыхъ долженъ остерегаться палеографъ, стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ недостаточностью дошедшаго до него палеографическаго матеріала, который при томъ весь относится къ прошедшему. Эти ошибки представляютъ разумѣется частные случаи наиболѣе общихъ логическихъ ошибокъ. Это, во-первыхъ, сужденіе о недошедшемъ до насъ (argumentum a silentio), во-вторыхъ, частные выводы изъ такихъ общихъ тезисовъ, которые не извлечены изъ матеріала самой палеографіи (petitio principii). Возьмемъ опять крайніе примѣры: если какая-нибудь эпоха представлена всего одной и при томъ пергаменной рукописью, мы не имѣемъ права утверждать, что въ эту эпоху столь же часто не употреблялась и бумага. Но даже если предъ нами фактъ, что съ XI и до конца XIV вѣка среди сотенъ русскихъ рукописныхъ книгъ мы не имѣемъ ни одной датированной рукописи, писанной на бумагѣ, можемъ ли мы утверждать, что въ эту эпоху въ Россіи писали только на пергаментѣ? Также нѣтъ, хотя благодаря большему количеству дошедшаго матеріала значительно уменьшилась возможность ошибки, а также ея возможные размѣры: бумажныя рукописи въ указанной эпохѣ, очевидно, или не существовали дѣйствительно, или не дошли потому, что составляли ничтожный процентъ[1]). Но палеографъ и въ этомъ случаѣ отвергаетъ выводъ отъ молчанія и формулируетъ только то, что знаетъ: „изъ эпохи съ XI по конецъ XIV вѣка дошли только пергаменныя русскія рукописи“ или: „съ начала русской письменности и до конца XIV вѣка пергаментъ былъ обычнымъ матеріаломъ рукописей“. Такой общій выводъ, отвлеченный отъ матеріала самой палеографіи, можетъ быть употребляемъ для частныхъ примѣненій. Но, пользуясь помощью историко-филологиче-

[1]) На самомъ дѣлѣ, подъ конецъ эпохи, т. е. напр. съ XIV вѣка, могли быть отдѣльныя, русскія рукописныя книги на бумагѣ или на пергаментѣ въ перемежку съ бумагой (каковыя и указываются спеціалистами среди рукописей недатированныхъ), а русскія грамоты на бумагѣ сохранились съ 40-хъ годовъ XIV вѣка. Древнѣйшая датированная русская книга писанная на бумагѣ есть Исаакъ Сиринъ 1381 г. (Троицко-Сергіевой Лавры № 172).

скихъ наукъ, лишенныхъ точнаго метода вслѣдствіе сложности своего матеріала, палеографія должна исходить либо отъ отдѣльныхъ удостовѣренныхъ фактовъ, либо отъ выводовъ спеціальнаго характера, опирающихся на очень опредѣленный матеріалъ. Мы безъ колебанія отнесемъ къ XI вѣку русскую рукопись, имѣющую букву ѡ извѣстнаго рисунка, или носящую имя русскаго князя XI-го вѣка, но какъ шатки будутъ такія общія соображенія, какъ ссылка на каллиграфическій вкусъ эпохи, обусловленный набожной цѣлью письма, или на недостатокъ грамотныхъ людей въ XI вѣкѣ. Распространеніе пергамента по вѣкамъ, измѣненіе типовъ знака ѡ установлены статистически; но что мы знаемъ о статистикѣ грамотныхъ людей въ XI вѣкѣ? И развѣ для палеографовъ не было неожиданностью узнать, что грамотна была дочь Ярослава Мудраго[1]) Анна?

Какъ общее правило слѣдуетъ принять: 1) Отсутствіе примѣты не доказываетъ, что памятникъ созданъ ранѣе возникновенія этой примѣты. 2) Общіе тезисы исторіи, исторіи литературы, исторіи искусствъ не могутъ быть положены въ основу частныхъ палеографическихъ выводовъ.

§ 9. Славяно-русская палеографія дѣлится на два главныхъ отдѣла—основной и вспомогательный. Основной разсматриваетъ 1. матеріалы и орудія письма, 2. исторію почерковъ и отдѣльныхъ буквенныхъ знаковъ, или начерковъ. Вспомогательный отдѣлъ заключаетъ, главнымъ образомъ, слѣдующія главы, заимствованныя у различныхъ наукъ историко-филологическаго цикла: 1. Славянскія азбуки, 2. Изводы славяно-русской письменности, 3. Вязь, 4. Орнаментъ, 5. Миніатюра и иконопись, 6. Лѣтосчисленіе, 7. Описаніе рукописей. Въ главу о матеріалахъ и орудіяхъ письма входятъ также вопросы о разлиновкѣ, переплетѣ и водяныхъ знакахъ; въ главу объ исторіи почерковъ—также вопросъ о тайнописи. Изъ практическихъ соображеній въ настоящемъ курсѣ большинство главъ вспомогательнаго отдѣла предшествуетъ главному отдѣлу въ качествѣ введенія.

Старославянскій языкъ и славянскія азбуки.

§ 10. Старославянскимъ называется тотъ древній славянскій языкъ, на который въ IX вѣкѣ было переведено Священное писаніе Первоучителями славянъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ настоящее время преобладаетъ взглядъ, что языкъ Первоучителей былъ однимъ изъ нарѣчій древне-

[1]) Анна Ярославна была замужемъ за французскимъ королемъ Генрихомъ I; оставшись вдовою, въ малолѣтство своего сына короля Филиппа I, она исполняла обязанности регента и подписывала акты по латыни, кирилловскою подписью **ANA РѢННА**, т. е. „Анна королева“.

болгарскаго языка, именно—древнимъ Солунскимъ нарѣчіемъ. Старославянскій языкъ давно является мертвымъ языкомъ и вопросъ о его родинѣ долго занималъ славянскую науку. Еще въ началѣ XIX вѣка Востоковъ указывалъ на ближайшее родство старославянскаго языка съ болгарскимъ по фонетической примѣтѣ: праславянское tj=старославянскому и болгарскому *шт*, а Шафарикъ указывалъ, что, по свидѣтельству главнаго историческаго источника, такъ называемыхъ „Паннонскихъ“ житій Первоучителей, славянская азбука была изобрѣтена и переводъ Евангелія начатъ Кирилломъ еще въ Константинополѣ, и что слѣдовательно въ основу славянской письменности положенъ языкъ, который ранѣе былъ извѣстенъ Кириллу, т. е. всего вѣроятнѣе — Солунское нарѣчіе. Весьма важно также свидѣтельство Паннонскихъ житій, что въ Константинополѣ на придворномъ соборѣ Кириллу было сказано: „вы родомъ изъ Солуня, а солуняне чисто говорятъ по словѣнски“. Эта фраза свидѣтельствуетъ объ извѣстной византійскому правительству двуязычности солунскихъ грековъ. Иные взгляды на родину старославянскаго языка могли держаться, пока оставались недостаточными наши свѣдѣнія о нарѣчіяхъ болгарскаго языка. Именно, тогда должно было удивлять, что указанной фонетической чертой языкъ Первоучителей гораздо ближе къ восточно-болгарскому нарѣчію, чѣмъ къ македонскому, м. т. к. Солунь относится къ послѣднему. Съ тѣхъ поръ однако на востокъ отъ Солуня, въ недальнемъ отъ него разстояніи, открыто македонское поднарѣчіе, по происхожденію принадлежащее къ нарѣчію восточно-болгарскому, и въ современныхъ Солунскихъ говорахъ найдены черты перехода отъ македонскаго нарѣчія къ восточному. Этими наблюденіями устранено кажущееся разногласіе между фактами языка и фактами исторіи. Очевидно, что Кириллъ въ IX вѣкѣ могъ получить свой словѣнскій языкъ въ Солунѣ или его окрестностяхъ.

Литературный языкъ Первоучителей дошелъ до насъ въ двухъ азбукахъ—въ „глаголицѣ“ и „кириллицѣ“. Слово „глаголица“, подобно слову „буквица“, обозначаетъ азбуку вообще. Терминъ глаголица сохранился у хорватовъ, еще имѣющихъ славянскую глаголическую литургію [1]). Терминъ буквица въ западно-сербскихъ областяхъ (Боснія) обозначаетъ особую азбуку, заимствующую свои знаки изъ кириллицы и изъ глаголицы. Терминъ „кириллица“ очевидно обозначаетъ „азбуку, изобрѣтенную Кирилломъ“. Однако, древность этого термина, въ этомъ смыслѣ, не доказана; до сихъ поръ онъ могъ быть прослѣженъ въ такомъ значеніи только до Кіевской духовной школы XVI вѣка. Рукописи эпохи Первоучителей не дошли до

[1]) У хорватовъ слово glagolica удостовѣрено съ 16 в., но въ латинскихъ документахъ термины glagola, glagolita „служащій по глаголическимъ церковнымъ книгамъ“ удостовѣрены съ 14 в.

насъ, а съ одинадцатаго вѣка мы уже знаемъ обѣ азбуки и даже для X вѣка онѣ удостовѣрены: глаголица—Кіевскими отрывками, Кириллица—надписью западно-болгарскаго царя Самуила (993 года).

Ни одно историческое свидѣтельство не говоритъ о двухъ славянскихъ азбукахъ: житіе Кирилла Первоучителя сообщаетъ только, что имъ были изобрѣтены славянскія письмена. Черноризецъ Храбръ, писатель, такъ называемаго Золотого вѣка болгарской письменности (школа царя Симеона, X в.), въ своемъ сказаніи о письменахъ словѣнскихъ защищаетъ эти письмена и говоритъ, между прочимъ, что они подвергались и подвергаются исправленіямъ, но ни слова не говоритъ о существованіи двухъ различныхъ азбукъ. Нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія, Храбромъ приводимыя, напр. о количествѣ знаковъ (38) славянской азбуки, повидимому, болѣе примѣнимы къ глаголицѣ чѣмъ къ кириллицѣ. Мнѣніе, что въ эпоху Храбра существовала только одна азбука, должно быть отвергнуто, ибо, съ одной стороны, извѣстно, что школа Симеона пользовалась кириллицей, съ другой—глаголическіе Кіевскіе отрывки могутъ быть современны Храбру.

§ 11. До открытія ряда древнихъ глаголическихъ памятниковъ можно было говорить о первенствѣ, или большей древности кириллицы; теперь эта возможность исключена. Правда, весь наличный матеріалъ до того отрывоченъ, что допускаетъ только гипотетическое рѣшеніе вопроса. Однако, еще въ срединѣ XIX вѣка постепенное накопленіе матеріала позволило славному чешскому слависту Шафарику выступить съ научно-обоснованной гипотезой, которая съ тѣхъ поръ признана большинствомъ славистовъ. Шафарикъ пришелъ къ выводу, что Кирилломъ изобрѣтена глаголица, а наша кириллица возникла полувѣкомъ позднѣе, въ школѣ царя Симеона. Одинъ изъ доводовъ Шафарика долженъ быть устраненъ въ настоящее время: Шафарикъ ссылался на то, что въ краткомъ (греческомъ) житіи Климента (ученика Первоучителей, умершаго при Симеонѣ епископомъ въ Македоніи) прямо говорится: „онъ изобрѣлъ также, для большей ясности, новыя буквы“. Но краткое житіе Климента оказалось недостовѣрнымъ, полнымъ ошибокъ и вымысловъ, сокращеніемъ пространнаго (также греческаго) житія Климента; въ полномъ житіи приведенная фраза отсутствуетъ. Но вполнѣ вѣроятнымъ остается предположеніе, что кириллица возникла при византинирующемъ дворѣ Симеона въ качествѣ прямого подражанія греческому уставу. Обратимся къ тѣмъ соображеніямъ Шафарика, которыя сохраняютъ свою доказательную силу.

I. Въ областяхъ, гдѣ началась или куда рано проникла проповѣдь Первоучителей, мы не находимъ кириллицы, а находимъ глаголицу[1]).

[1]) Кириллъ и Меѳодій проповѣдовали въ Великоморавскомъ государствѣ (теперь—сѣверо-западный уголъ Венгріи) и въ Панноніи, именно—въ Бла-

1. Кіевскіе глаголическіе отрывки,—единственная старославянская рукопись, которая по палеографическимъ признакамъ древнѣе XI-го вѣка,—указываютъ на западно-славянскія области: это богослужебная книга католическаго состава (Миссалъ), переведенная съ латинскаго, заключающая такіе латинизмы, какъ **мыша** (латинск. missa „обѣдня"), **прѣфацыа** (латинское praefatio „предисловіе"), звват. **Богъ** вм. **Боже** (ср. лат. звват. Deus). Старославянскій языкъ этой рукописи содержитъ совершенно особыя, западно-славянскія черты, коихъ происхожденіе одни изслѣдователи объясняютъ тѣмъ, что писецъ рукописи былъ моравянинъ; другіе изслѣдователи, и съ большимъ основаніемъ, видятъ въ языкѣ Кіевскихъ отрывковъ особый діалектъ старославянскаго, точнѣе—словѣнскаго[1]) языка, именно діалектъ переходный, который граничилъ въ современной Венгріи съ чехо-моравскою территоріей и имѣлъ въ своей фонетикѣ черты, роднившія его съ западно-славянскими языками. Иначе—одни видятъ въ Кіевскихъ отрывкахъ моравскій изводъ старославянскаго языка, другіе—живой переходный говоръ, какихъ немало знаетъ славянская филологія. По первому мнѣнію, рукопись возникла тамъ, гдѣ проповѣдовали Первоучители, по второму, вблизи этой территоріи, при томъ въ ближайшее столѣтіе послѣ смерти Меѳодія († 885 г.), т. е. въ эпоху латинизаціи славянской литургіи Моравіи и Панноніи.

2. Пражскіе глаголическіе отрывки представляютъ чешскій изводъ старославянскаго текста, чѣмъ ясно указываютъ національность своего писца. Шафарикъ относилъ эти отрывки къ IX—X вѣку и связывалъ ихъ съ свидѣтельствомъ Паннонскихъ житій о крещеніи князя Боривоя чешскаго Меѳодіемъ и съ показаніями легенды о св. Вячеславѣ чешскомъ. Новѣйшіе палеографы относятъ Пражскіе отрывки къ XII—XIII вѣку, и, такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ отголоски литургіи Первоучителей въ Чехіи, или—вторичное заимствованіе глаголицы у хорватовъ. Замѣтимъ, что теперь слависты высказываются за то, что литургія Первоучителей дѣйствительно проникла въ Чехію при Меѳодіи, такъ какъ древнѣйшіе дошедшіе до насъ отрывки Св. Писанія въ

тенскомъ княжествѣ (теперь—крайняя западная часть Венгріи съ озеромъ Блатно). На югъ отъ этой послѣдней территоріи, за рѣкою Дравой, начинается территорія хорватовъ (теперь—Кроація и Славонія, или югозападный уголъ Венгріи).

[1]) Словѣнами называлъ себя славянскій народъ, жившій къ югу и къ сѣверу отъ нижняго Дуная; только къ югу отъ Дуная этотъ народъ получилъ въ послѣдствіи имя болгаръ; къ сѣверу отъ Дуная словѣне были ассимилированы румынами и венграми. Терминъ „старославянскій" примѣняется къ Солунскому говору Первоучителей, а равно къ другимъ древне-болгарскимъ, т. е. южно-словѣнскимъ говорамъ.

чешскомъ переводѣ содержатъ заимствованія изъ старославянскаго перевода.

3. У далматинскихъ хорватовъ съ XII—XIII вѣка и до нашихъ дней удостовѣрена только глаголица. Древнѣйшій памятникъ этой глаголицы—Вѣнскіе отрывки XII вѣка, представляютъ хорватскій изводъ старославянскаго языка; они открыты послѣ Шафарика, но послѣдній уже могъ основательно ссылаться на широкое, исконное распространеніе глаголической письменности у хорватовъ и говорить о непрерывной глаголической традиціи, идущей въ глубь вѣковъ. А между тѣмъ еще въ нач. X вѣка, на помѣстномъ соборѣ въ Спалато, славянская литургія осуждалась какъ зло, уже укоренившееся въ хорватскихъ областяхъ. Въ эту эпоху она могла проникнуть только изъ Панноніи.

4. Дошедшіе памятники старославянскаго (древне-болгарскаго) извода по языку своему дѣлятся на два класса: глаголическіе своей фонетикой указываютъ на Македонію, гдѣ проповѣдовалъ ученикъ Первоучителей Климентъ, Кирилловскіе—на Восточную Болгарію, гдѣ основалъ свою литературную школу царь Симеонъ. Въ литературныхъ памятникахъ, восходящихъ къ Симеоновской школѣ, до сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ глаголицы. Таковы напр. роскошные русскіе списки XI вѣка съ восточно-болгарскихъ рукописей X-го: Остромирово Евангеліе, Чудовская псалтырь, Изборникъ Святослава (собственно—Симеона) 1073 г.

II. Въ 1047 году попъ Упирь Лихой въ Новгородѣ написалъ рукопись Пророковъ съ толкованіями. Эта рукопись не дошла до насъ, но сдѣланные съ нея списки сохранили лѣтопись, или послѣсловіе Упыря Лихого; оно начинается словами: „**слава тебѣ господи царю небесный, ꙗко сподоби мѧ написати книгы сиꙗ ис коуриловицѣ**“. Два древнѣйшихъ дошедшихъ списка относятся къ XV вѣку, и въ обоихъ содержатся буквы и цѣлыя слова, писанныя глаголицей. Отсюда очевидный выводъ, что въ Новгородѣ XI вѣка кириллицей называлось глаголическое письмо. Послѣднее было извѣстно въ Новгородѣ XI—XII вѣка, какъ доказываютъ двѣ глаголическія надписи этой эпохи, найденныя на стѣнахъ Новгородскаго Софійскаго собора. Глаголическія буквы и слова встрѣчаются и въ древнѣйшихъ рукописяхъ русскихъ (XI—XII в.), отчасти въ текстѣ, отчасти въ припискахъ.

Гипотеза Шафарика оказалась одной изъ тѣхъ живучихъ гипотезъ, которыя способны безконечно совершенствоваться и черпать отъ времени новыя силы. Очищенная отъ ошибокъ усиліями славистовъ второй половины XIX вѣка, гипотеза Шафарика до сихъ поръ удовлетворительно истолковываетъ всѣ вновь открываемые факты и вновь возникающіе вопросы; всѣ попытки поколебать выводы Шафарика инымъ толкованіемъ или иной комбинаціей фактовъ до сихъ поръ остаются несостоятельными.

Однако, слѣдуетъ помнить, что по ограниченному и отрывочному характеру матеріала, на которомъ покоятся выводы Шафарика, они принципіально могутъ быть названы только гипотезой. Мы увѣрены только въ томъ, что дошедшій матеріалъ не допускаетъ иного, болѣе вѣроятнаго вывода, но не можемъ утверждать, что этотъ матеріалъ вообще достаточенъ для полнаго обнаруженія истины. Подобное ограниченіе сохраняетъ силу и по отношенію къ самымъ плодотворнымъ научнымъ гипотезамъ.

§ 12. Относительно источника обоихъ алфавитовъ мнѣнія громаднаго большинства ученыхъ согласны: кириллица—точное повтореніе греческаго литургическаго устава IX—X вѣка, глаголица основана на греческой скорописи приблизительно того же времени. Въ IX вѣкѣ въ Византіи были въ употребленіи оба вида письма, съ X вѣка византійскій уставъ (т. е. прямое, раздѣльное и тщательное письмо) пересталъ быть обычнымъ почеркомъ, онъ сохранялся лишь въ литургическомъ употребленіи, т.-е. для роскошныхъ, каллиграфически исполненныхъ церковныхъ книгъ—Евангелій, Апостоловъ, Псалтырей. Но неосторожно было бы извлекать изъ этого факта какія-нибудь даты для славянскихъ азбукъ; такъ напр. нельзя утверждать, что славянская кириллица могла быть создана только въ IX вѣкѣ, а не въ X, ибо ничто не мѣшало напр. школѣ Симеона создать литургическое письмо въ подражаніе греческому литургическому уставу, или воспользоваться для кириллицы тѣмъ греческимъ уставомъ, который былъ въ употребленіи въ годы молодости Симеона, проведенные имъ въ Царьградѣ (ранѣе 893 г.), или еще болѣе древними рукописями. Наконецъ, надо помнить, что культурныя теченія, особенно на окраинахъ, не смѣняются моментально, и исчезновеніе дѣловаго устава въ X вѣкѣ не означаетъ его повсемѣстнаго исчезновенія съ первыхъ лѣтъ этого вѣка.

§ 13. Глаголица. Знаки глаголицы ясно дѣлятся на два класса: 1. знаки свойственные греческому языку и алфавиту, 2. знаки чуждые греческому языку и алфавиту. Знаки перваго класса, по б. ч. непосредственно заимствованы изъ византійской скорописи и мало похожи на соотвѣтствующія кирилловскія буквы, заимствованныя изъ византійскаго устава. Обиліе округлостей и петель въ греческой скорописи побудило изобрѣтателя глаголицы стилизовать почти всѣ знаки при помощи петель, по снятіи которыхъ мы узнаемъ греческую скорописную букву, ср. греческія и глаголическія *г, д, і, л, в, ю* (табл. на стран. 18, ряды I и II). Не всѣ буквы объяснены такимъ образомъ; нѣкоторыя буквы объясняются различно различными изслѣдователями, но самый принципъ объясненія, найденный англичаниномъ Исаакомъ Тайлоромъ (The Alphabet, London 1883), несомнѣненъ. Даже знаки втораго класса, обозначающіе звуки, чуждые греческому языку и алфавиту, отчасти легко объясняются изъ

лигатуръ (соединенія) двухъ греческихъ знаковъ, такъ напр. глаг. *б*=греч. скорописному μπ, а всѣ славянскія аффрикаты въ своихъ глаголическихъ знакахъ содержатъ, по видимому, греческое σ («сигма», звукъ *s*), ср. глаг. ц (ts), ѕ («зѣло,=звукъ dz), ч (tš). Знаки, чуждые греческому языку и алфавиту интересны въ другомъ отношеніи: многіе изъ нихъ обнаруживаютъ въ глаголицѣ близкое родство съ соотвѣтственными кирилловскими знаками, чего совершенно не находимъ въ знакахъ, свойственныхъ греческому языку и алфавиту (г, д, л и др.). Родство обнаруживаютъ: б, ц, ѕ (dz), ч, ж, ш, щ, ѫ, ѧ, ъ, ь (та-же таблица, ряды IV и V).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходство непосредственно ясно (шипящія и свистящія), въ другихъ оно обнаруживается, если глаголическій знакъ поставить на бокъ (юсы), при чемъ кириллица кромѣ геометрическаго стиля всюду вноситъ также упрощеніе. Геометрическій стиль нѣкоторыхъ изъ этихъ глаголическихъ знаковъ можно объяснить тѣмъ, что не вся глаголица стилизована въ извивы и петли, такъ напр. начальные знаки глаголицы Ⰰ и Ⰱ геометричны. Такимъ образомъ, нѣтъ необходимости принимать, что такіе знаки какъ Ш, приняты въ позднѣйшую глаголицу изъ кириллицы. Такое предположеніе вообще имѣло бы смыслъ только при апріорномъ допущеніи, что кириллица изобрѣтена Кирилломъ, и что древнѣйшая глаголица—докирилловское народное письмо очень несовершеннаго характера; да и то трудно допустить, чтобы эта предполагаемая „древнѣйшая" глаголица была совершенно лишена самостоятельныхъ знаковъ для спеціально-славянскихъ звуковъ. Обратимся къ анализу этихъ сходныхъ знаковъ глаголицы и кириллицы. Намъ важны тѣ изъ нихъ, которые рѣшаютъ вопросъ о заимствованіи изъ глаголицы въ кириллицу или обратно.

§ 14. Знакъ Ш выводится изъ очень близкаго еврейскаго знака или изъ греческой лигатуры σσ; Щ обозначаетъ группу ШТ и такимъ образомъ кирилловское Щ лучше выражаетъ назначеніе знака; однако нельзя утверждать, что глаголическій знакъ (тамъ-же IV. 7) заимствованъ изъ кирилловскаго Щ, ибо остается очень вѣроятнымъ предположеніе, что глаголическое *щ* содержитъ греч. Т стилизованное при помощи петли, ср. другую глаголическую стилизацію: Т (тамъ-же II. 7). Знаки глаг. Ъ и глаг. Ь имѣютъ ту особенность, что древнѣйшіе ихъ варіанты объясняются изъ самой глаголицы, какъ варіанты знаковъ о и є, а болѣе поздніе варіанты (тамъ-же, IV. 12. 13) повидимому послужили прототипами для кирилловскихъ Ъ и Ь, которые сами не объяснимы ни изъ греческаго, ни изъ кирилловскаго алфавита. Глаголическіе юсы ясно разлагаются на *О*, *Е*+знакъ подобный кирилловскому Є, выражающій очевидно носовой оттѣнокъ гласной и родственный, какъ думаютъ, глаголическому *н*, греческому скоро-

Византійская скоропись, Глаголица и Кириллица.
Рис. II.

писному *н* (тамъ-же, I. 10 и II. 10). Такимъ образомъ, это носовыя *о* и *е*. Кирилловскіе знаки Ѫ и Ѧ (какъ и Ѣ, Ь) ничего не выражаютъ своимъ составомъ, но зато походятъ на поставленные бокомъ и геометрично перестилизованные глаголическіе юсы (тамъ-же IV, V. 8—10). Наконецъ, глаголическое *ять* (тамъ-же, IV. 11) разлагается на упрощенныя глаголическія *і* и *а* (ср. тамъ-же, II. 1 и II. 4, второй варіантъ), такимъ образомъ глаголическое *ять* выражаетъ *іа*. Кирилловское Ѣ разлагается на Ь и +, т.-е. содержитъ въ себѣ глаголическій знакъ *а* (тамъ-же, II. 1). Наконецъ, глаголическое *ю* (тамъ-же, II. 11) содержитъ стилизацію греческаго ѹ (другая стилизація того же ѹ есть глаголическое *в* тамъ-же, II. 6), а кирилловское ю есть лишь перестилизація глаголическаго *ю*. Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ глаголическіе знаки являются вѣроятно непосредственными источниками кирилловскихъ, а кирилловское Ѣ въ своей верхней части сохраняетъ въ качествѣ документа заимствованія глаголическую букву.

§ 15. Изъ сравненія различныхъ глаголическихъ знаковъ съ кирилловскими мы извлекаемъ интересные лингвистическіе выводы. Знакъ *ю* (=греч. ѹ) очевидно обозначаетъ звукъ ü, а не *у* съ предшествующей мягкостью и не *у* съ предшествующимъ неслоговымъ *і*. Въ эпоху Кирилла греческое ѹ еще не повсемѣстно обратилось въ *і*, и какъ разъ въ Македоніи и въ наши дни есть греческіе діалекты съ выговоромъ ѹ=ü. Что же касается новоболгарскаго *ю*, то оно и сейчасъ выговаривается какъ извѣстнаго рода ü. Глаголическое *ять* (тамъ-же IV. 11) обозначаетъ не только ѣ, но также ѧ; это—или нѣкоторая неточность въ обозначеніи двухъ различныхъ звуковъ или указываетъ, что въ говорѣ Первоучителей оба звука совпали въ дифтонгѣ *іа* съ неслоговымъ *і*. Въ кириллицѣ ѣ и ѧ различаются, при чемъ ѣ разлагается на ь+а, т.-е. обозначаетъ вѣроятно дифтонгъ *еа* съ неслоговымъ *е*; современное восточно-болгарское нарѣчіе во многихъ случаяхъ до сихъ поръ сохраняетъ именно такой выговоръ стараго ѣ. Кирилловское Ꙗ (юсъ малый йотованный) какъ знакъ болѣе сложный очевидно соотвѣтствуетъ глаголическому болѣе сложному знаку IV. 9, кирилловское Ѧ—глаголическому знаку IV. 10. Однако нѣкоторые глаголическіе памятники (и среди нихъ—древнѣйшіе Кіевскіе отрывки) знаютъ только знакъ IV. 9, который какъ мы видѣли разлагается на *е+н* и т. о. образомъ первоначально обозначаетъ только *е* носовое, а вовсе не Ꙗ, т.-е. не Ѧ йотованное. Съ другой стороны глаголическій знакъ IV. 10 (какъ видно изъ сравненія съ глаголическимъ юсомъ большимъ IV. 8= *н+о*) обозначаетъ только *н* и т. о. первоначально и не могъ употребляться въ смыслѣ *е* носоваго. Глаголица первоначально вообще не обозначала такъ называемой іотаціи: глаголич. *е* II. 13. употреблялось въ значеніяхъ є и ѥ, глаг. ѣ IV. 11 въ значеніи ѣ и въ значеніи ѧ. Очевидно, что только

позднѣе болѣе сложный знакъ IV. 9 сталъ обозначать ѩ, а для а изъ тогоже глаголическаго знака былъ механически отвлеченъ болѣе простой знакъ IV. 10 Быть можетъ раздѣленіе на а и ѩ возникло въ глаголицѣ не самостоятельно, а подъ вліяніемъ появившейся кириллицы, въ коей обозначается такъ называемая іотація (т.-е. присутствіе передъ гласными неслогового *i* или согласныхъ смягченныхъ). Глаголица и кириллица очевидно созданы для близкихъ, но все-же различныхъ говоровъ древнеболгарскаго языка; одинъ говоръ произносилъ вѣроятно ѣ какъ *ia*, другой какъ *ea* (гдѣ *i* и *e* были неслоговыми). Что то были болгарскіе говоры, ясно изъ наличности въ обоихъ алфавитахъ особаго знака ц=št (та-же таблица, знакъ IV. 7), что понятно лишь въ азбукѣ языка, такъ часто имѣющаго фонетическую группу št. Группа шт чрезвычайно распространена въ старославянскомъ языкѣ, ибо получилась изъ пяти различныхъ праславянскихъ группъ: 1) изъ tj: платѣти—плащѫ «я плачу», праслав. platjǫ, 2) изъ stj: простѣти—прощѫ «я прощу», праслав. prostjǫ, 3) изъ skj: искати—ищѫ «я ищу», праслав. iskjǫ, 4) изъ sk' (т. е. изъ sk передъ мягкими гласными): дъска—дъштица, «дощечка», праслав. dъskika, 5) изъ kt' (т. е. изъ kt передъ мягкими гласными):рекѫ—рещи «сказать», текѫ—тещи «течь», «направляться», праслав. rekti, tekti.

Изводы.

§ 16. Изводами называются мѣстные варіанты старо-славянскаго литературнаго языка. Слово изводъ переводитъ греческое ἀρχέτυπον (читай archétypon) „главный типъ“. Старославянскій языкъ Кирилла и Меѳодія (правда, въ значительномъ измѣненіи) до сихъ поръ сохраняется въ церковномъ употребленіи у русскихъ, болгаръ, сербовъ и отчасти у хорватовъ; кромѣ того, у первыхъ трехъ народовъ онъ много вѣковъ оставался литературнымъ языкомъ. Вслѣдствіе близости его къ языкамъ русскому, болгарскому, сербскому и хорватскому мѣстныя особенности всегда проникали въ памятники старославянскаго языка при списываніи и, такимъ образомъ, возникли изводы, или редакціи литературнаго языка—русская, болгарская и т. д. Существенно иначе обстоитъ дѣло напр. въ средневѣковой латинской письменности, гдѣ для многихъ народовъ латинскій языкъ былъ совершенно чужимъ, и потому особенности мѣстнаго языка только случайно отражались на латинскомъ текстѣ. Наряду съ указанными „главными типами“ литературнаго старославянскаго (или позднѣе—церковнославянскаго) языка существуютъ и нѣкоторые другіе, болѣе рѣдкіе изводы, такъ напр. выше мы говорили о чешскомъ спискѣ съ старославянскаго оригинала (Пражскіе отрывки), этотъ памят-

никъ представляетъ чешскій изводъ. Другой случай чешскаго извода— глаголическая часть Реймскаго Евангелія, писанная чехомъ въ 1395 году[1]). Выше упомянуто, что нѣкоторые видятъ моравскій изводъ въ Кіевскихъ отрывкахъ. Говорятъ также о румынскомъ изводѣ церковныхъ книгъ, но послѣдній въ сущности—мѣстная разновидность болгарскаго извода, ибо въ средніе вѣка Румынія имѣла значительное словѣнское (болгарское) населеніе и до XVII в. сохраняла въ церкви среднеболгарскій изводъ старославянскаго языка. Наряду съ этими изводами въ принципѣ слѣдуетъ различать и изводъ старославянскій, или чистый языкъ Первоучителей. На самомъ дѣлѣ до насъ не дошло рукописей отъ эпохи Первоучителей (средина IX вѣка), древнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники славянскаго письма относятся къ концу X и особенно—къ XI вѣку. Старославянскими въ наукѣ принято называть тѣ изъ нихъ, которые не содержатъ ни русскихъ, ни сербскихъ, ни позднихъ болгарскихъ особенностей, т.-е. по большей части это древніе списки, сдѣланные въ различныхъ областяхъ болгарскаго племени, или памятники древне-болгарской редакціи XI вѣка, отражающіе въ своемъ языкѣ особенности различныхъ древнеболгарскихъ говоровъ. Въ виду древности этихъ списковъ, а главное— въ виду особой близости древне-болгарскаго говора Первоучителей къ остальнымъ древнеболгарскимъ говорамъ, эти памятники XI вѣка дѣйствительно даютъ наиболѣе точное понятіе о старославянскомъ языкѣ. Востоковъ и его послѣдователи, съ самаго начала настаивая на болгарскомъ происхожденіи старославянскаго языка, ввели для болѣе позднихъ болгарскихъ памятниковъ (XII—XV в.) терминъ „средне-болгарская редакція", который можетъ быть сохраненъ и нами. Особенности русскаго, сербскаго, болгарскаго языка, внесенныя писцами этихъ національностей въ старославянскій текстъ, принято называть руссизмами, сербизмами, болгаризмами. Но въ палеографіи приходится говорить также объ анти-руссизмахъ, анти-сербизмахъ, анти-болгаризмахъ, понимая подъ этими терминами такія ошибочныя написанія, которыя вносятся въ текстъ русскимъ, сербомъ и т. д. изъ желанія избѣжать руссизма, сербизма, болгаризма. Такъ напр. *болото* будетъ руссизмъ, а написаніе въ злѣнѣ блатѣ содержитъ антируссизмъ—ошибочное злѣнъ: русскому берегъ соотвѣтствуетъ старославянское **брѣгъ**, но русскому зеленъ соотвѣтствуетъ старославянское, серб., и болг. **ꙁєлєнъ**,

---

[1]) Кромѣ глаголической части 1395 года Реймское Евангеліе содержитъ кирилловскую часть, русскаго извода XI вѣка. Этотъ памятникъ, занесенный случайно въ гусситскую эпоху въ Реймсъ, хранился съ тѣхъ поръ въ Реймскомъ соборѣ, гдѣ во время коронованія короли Франціи приносили свою королевскую присягу надъ текстомъ Реймскаго Евангелія.

а не *ѕлѣнъ. Написаніе въ зленѣ будетъ заключать кромѣ того и руссизмъ: русское *е* вм. старослав. ѣ въ предполагаемой формѣ *ѕлѣнъ.

§ 17. Сербскій, болгарскій и русскій изводы имѣютъ каждый немало лингвистическихъ особенностей, сказывающихся въ нарушеніяхъ старославянской орѳографіи, ср. подробнѣе ниже, въ образцахъ изводовъ (Приложеніе I.). Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей встрѣчаются недостаточно часто, другія встрѣчаются не въ одномъ изводѣ, а въ двухъ или трехъ различныхъ изводахъ, между тѣмъ для палеографа важно: быстро и точно отличить каждый изводъ отъ всѣхъ остальныхъ. Кромѣ того палеографія должна дать точное средство опредѣленія изводовъ и для всѣхъ незнакомыхъ съ славянскими языками—для историковъ, археологовъ, архивистовъ, нумизматовъ, антикваріевъ и пр. Съ этой точки зрѣнія самую цѣнную примѣту составляетъ употребленіе знака ѧ, который въ старославянскомъ изводѣ обозначаетъ *е* носовое, полученное изъ праславянскаго носоваго *е*. Русскій языкъ имѣетъ изъ праславянскаго носоваго *е* звукъ а съ предшествующей мягкостью, которая въ извѣстныхъ случаяхъ исчезла или только не выражалась на письмѣ, вслѣдствіе чего въ русской письменности наблюдается смѣшеніе знаковъ: вмѣсто старославянскаго ѧ употребляются также знаки ѭ и а и наоборотъ употребляется ѧ вмѣсто стараго ѭ (и отчасти вм. а), напр. рѣкоша, пѫстиша вм. рѣкоша, пѫстиша; ѹастѡ вм. ѹасто, ѭзыкъ вм. ѭзыкъ и наоборотъ ѭко, ако вм. ѭко. Случаи обратнаго смѣшенія основаны на томъ, что знаки ѭ, ѧ съ одной стороны, и ѫ, а съ другой, находимые въ старославянскихъ текстахъ въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, для русскаго писца были равнозначущи и потому безразличны въ такомъ положеніи; позднѣе эти дублеты получили опредѣленное орѳографическое назначеніе, о чемъ далѣе. Въ сербскомъ языкѣ праславянское *е* носовое измѣнилось въ *е* чистое (неносовое), вслѣдствіе чего въ сербскомъ изводѣ пишется є вм. ѧ и ѥ вм. ѭ, напр. нмє вм. нмѧ, рѣкошє вм. рѣкоша, ѹєсто вм. ѹасто, ѥзнкь вм. ѭзыкъ; обратный случай не встрѣчается, потому что въ сербской письменности знаки ѧ и ѭ въ качествѣ ненужныхъ дублетовъ были очень рано устранены совсѣмъ. Только въ немногихъ древнѣйшихъ сербскихъ рукописяхъ еще встрѣчаются иногда юсовые знаки. Въ болгарскомъ языкѣ въ настоящее время праславянское *е* носовое измѣнилось, за рѣдкими діалектическими исключеніями, въ *е*, но эта стадія была достигнута только въ концѣ средне-болгарскаго періода, а ранѣе звукъ *е* носовое не совпадалъ съ *е* и обыкновенно не смѣшивался съ нимъ на письмѣ. За то звукъ *е* носовое послѣ шипящихъ ж, ш, щ (=шт) и жд (а діалектически также послѣ ѵ, ц, ѕ, послѣ ѕ изъ ѕ и послѣ j'а) въ среднеболгарскомъ приблизилось къ звуку, полученному изъ праславянскаго *о* носоваго, и потому въ такомъ положеніи вмѣсто

знака ѧ послѣдовательно изображалось на письмѣ ѫ, напр. рєкошѫ вм. рєкошѧ, діал. ѹѫсто вм. ѹасто, мѫзыкъ вм. мѧзыкъ (ѭ въ среднеболгарской письменности почти не употреблялось). Съ другой стороны праслав. *о* носовое въ среднеболгарскомъ послѣ согласныхъ сильномягкихъ (изъ праславянскихъ группъ nj, lj, rj, губная+j) приблизилось къ звуку, полученному изъ праславянскаго *е* носоваго, и въ такомъ положеніи писалось ѧ вм. ѭ напр. хвалѧ вм. хвалѫ (ѭ въ среднеболгарской письменности почти не употреблялось), вин. ед. колѧ вм. колѫ. Діалектически въ среднеболгарскомъ мягкимъ было и ѹ, почему діалектически существовало и правописаніе плачѹ вм. плачѫ „я плачу". Такимъ образомъ въ точно опредѣленныхъ случаяхъ въ среднеболгарской письменности находимъ ѫ вм. ѧ и ѧ вм. ѫ,—явленіе, которое принято называть (графическою) „смѣной юсовъ". Ясно, что всѣ три языка расходятся въ передачѣ праславянскаго звука *е* носовое, и всѣ три извода расходятся въ употребленіи старославянскаго знака ѧ, почему изводы и могутъ быть точно различаемы по этой примѣтѣ. Слѣдуетъ впрочемъ помнить, 1) что въ концѣ слова праславянскій звукъ *е* носовое извѣстнаго происхожденія далъ въ русскомъ языкѣ звукъ ѣ, откуда позднѣе *е*, напр. древнерусское єѣ вм. старослав. ієѭ (род. ед. ж. р.), позднѣе—русское *ее*, теперь нефонетич. *её* въ значеніи родит. и винит., ср. малорусс. *єї* съ *і* изъ ѣ, 2) что въ болгарскомъ изводѣ съ XV вѣка уже встрѣчаются случаи написанія є вм. ѧ, а ранѣе того—рѣдкіе случаи написанія ѣ вм. ѧ. Съ этими оговорками и при знакомствѣ съ старославянской орѳографіей, отъ которой слѣдуетъ исходить, примѣта ѧ точно опредѣляетъ изводъ. Случаи употребленія старославянскаго ѧ, а въ изводахъ—его замѣны чрезвычайно часты и могутъ быть найдены на любой страницѣ рукописи. Лица, незнакомыя съ славянскими языками, должны имѣть въ памяти нѣкоторый запасъ старославянскихъ словъ, заключающихъ въ себѣ знакъ ѧ, для чего всего удобнѣе слова, особенно часто встрѣчающіяся: мѣстоимѣнія мѧ, тѧ, сѧ, 3. л. мн. числа аориста бѣша, рєкоша и т. п. Во всѣхъ случаяхъ сомнѣнія необходимы справки въ словарѣ и грамматикѣ старославянскаго языка.

§ 18. Что касается такъ называемаго старославянскаго извода, т.-е. тѣхъ немногихъ древнѣйшихъ рукописей, языкъ которыхъ не заключаетъ въ себѣ русскихъ, сербскихъ или средне-болгарскихъ чертъ, то опредѣленіе этого извода не можетъ быть произведено быстро, на основаніи анализа нѣсколькихъ строкъ рукописи: старославянскій изводъ характеризуется отрицательными чертами, и только прочтя рукопись до конца, мы можемъ получить увѣренность, что она дѣйствительно не заключаетъ ни русскихъ, ни сербскихъ, ни среднеболгарскихъ особенностей. Съ другой стороны старославянскій изводъ содержитъ нѣкоторыя положительныя

черты древне-болгарскихъ діалектовъ X—XI вѣка, главнымъ образомъ въ употребленіи ъ и ь[1]).

§ 19. Кромѣ указанныхъ простыхъ изводовъ существуютъ также изводы сложные, среди нихъ самый обычный сербо-болгарскій изводъ, который состоитъ изъ рукописей, списанныхъ сербами съ средне-болгарскихъ оригиналовъ. Можно различать также русско-болгарскій изводъ, который состоитъ изъ рукописей, писанныхъ русскими писцами съ болгарскихъ оригиналовъ, по большей части—румынской редакціи. Если рукопись одновременно содержитъ сербскія и болгарскія черты, т. е. напр. имѣетъ рядомъ формы **жетва** вм. **жатва** и **рекошѫ** вм. **рекоша**, то мы не можемъ рѣшить, въ какой очереди ложились на старославянскій текстъ два слоя—сербскій и болгарскій. Необходимо найти въ такой рукописи такія написанія, въ коихъ слой ложится на слой непосредственно, такъ напр. написаніе **рекошоу** укажетъ намъ, что старославянское **рекоша** сначала было измѣнено болгариномъ въ **рекошѫ**, а болгарское **рекошѫ** сербомъ въ **рекошоу**. Такіе случаи—рѣдкія недоразумѣнія: обыкновенно сербскіе писцы узнавали въ болгарскомъ **рекошѫ** свое **рекоше** и писали это послѣднее. Но пока мы не нашли такихъ написаній, какъ **рекошоу**, мы только по вѣроятности рѣшаемъ вопросъ, въ какой очереди лежатъ въ рукописи сербскій и болгарскій слой. По историческимъ причинамъ наиболѣе обычнымъ случаемъ является сербскій списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, а не на оборотъ, ибо сербы позднѣе болгаръ пріобщились къ славянской культурѣ и въ періодъ своего государственнаго могущества (XIII—XIV в. в.) занимали болгарскія земли въ Македоніи, гдѣ вліяніе сербской церкви продолжалось и позднѣе, послѣ паденія сербскаго государства (ср. ниже въ Хронологіи, Приложеніе II). Вопросъ объ очереди слоевъ рѣшается также антируссизмами, антисербизмами и антиболгаризмами, которые, какъ мы видѣли, представляютъ неумѣлую поддѣлку русскаго, сербскаго, болгарскаго писца подъ какой-нибудь чужой изводъ. Однако такія поддѣлки могутъ восходить и къ оригиналу и не принадлежатъ писцу данной рукописи. Такъ напр., наряду съ сербизмами и соображеніями чисто литературнаго характера, такой антисербизмъ, какъ **мꙋчаше** вм. **мꙋчаше** „подвергалъ мученіямъ“, будучи встрѣченъ въ русскомъ спискѣ, убѣдилъ акад. Шахматова въ томъ, что авторомъ

---

[1]) Старославянскій изводъ содержитъ (кромѣ незначительныхъ отрывковъ) всего восемь рукописей; шесть изъ нихъ глаголическія: Евангелія Зографское, Маріинское, Ассеманово; Синайская Псалтырь и Синайскій Требникъ; Сборникъ графа Клоца (Glogolita Clozianus); двѣ кирилловскія: Саввина Книга (Евангеліе апракосъ) и Супрасльская рукопись (Мартовская минея четья). Особо стоятъ глаголическіе Кіевскіе отрывки.

русскаго хронографа и слѣдовательно создателемъ оригинала русскихъ списковъ, былъ сербъ (Пахомій Логоѳетъ): русскія *солнце, долгъ* при сербскихъ *сунце, дуг*, были источникомъ вышеуказаннаго фиктивнаго написанія (объ изводахъ ср. также ниже, Приложеніе I).

Матеріалы и орудія письма.

§ 20. Знакомство съ матеріалами и орудіями письма необходимо уже потому, что и они подвергались смѣнамъ и такимъ образомъ содержатъ въ себѣ данныя относительно времени и мѣста написанія памятниковъ.

У православныхъ славянъ рукописи писались въ болѣе древнюю эпоху на пергаментѣ, въ болѣе позднюю—на бумагѣ. Пергаментъ выдѣлывался изъ кожи животныхъ и всегда оставался цѣннымъ матеріаломъ; вслѣдствіе этого въ эпоху пергаменной письменности (между прочимъ—у византійцевъ и у славянъ) встрѣчаются рукописи, писанныя по смытому или соскобленному болѣе раннему письму. Такія рукописи называются палимпсестами (слово составлено изъ греческаго pálin „опять“ и psáo „скоблю“). Переходъ отъ пергамента къ бумагѣ наступилъ невдругъ, но всё-же этотъ переходъ и для юго-славянскихъ и для русскихъ рукописей составляетъ опредѣленную дату. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ общимъ явленіемъ: время дѣлаетъ палеографическія даты болѣе рѣзкими; начальныя стадіи новыхъ явленій не доходятъ до палеографа или доходятъ только крайне отрывочно, дошедшій же матеріалъ представляетъ для каждой эпохи господствующее ея теченіе. Большинство дошедшихъ сербскихъ и болгарскихъ рукописей оказываются писанными на бумагѣ—съ половины XIV вѣка, большинство русскихъ—съ начала XV вѣка. Ранѣе этихъ датъ господствуетъ пергаментъ. Это наиболѣе общіе статистическіе выводы, которые конечно не исключаютъ многочисленныхъ отклоненій. Главныя отклоненія состоятъ въ томъ, 1) что грамоты появляются (не господствуютъ!) на бумагѣ: въ Россіи—еще въ первой половинѣ XIV, у южныхъ славянъ—еще въ первой половинѣ XIII вѣка; 2) что въ эпоху господства бумаги болѣе важныя грамоты продолжаютъ писаться на пергаментѣ; 3) что въ Сербіи роскошныя рукописи еще часто пишутся на пергаментѣ въ XV вѣкѣ, а въ Румыніи нерѣдко и въ XVI вѣкѣ.

Бумага есть старое восточное изобрѣтеніе, которое чрезъ испанскихъ и южно-италійскихъ арабовъ передалось Западной Европѣ еще въ эпоху крестовыхъ походовъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о техникѣ и исторіи писчебумажнаго дѣла даются ниже, въ главѣ о водяныхъ знакахъ.

Подробные анализы чернилъ для славяно-русской палеографіи еще не сдѣланы. Но съ середины XV вѣка и позднѣе мы имѣемъ въ рукописяхъ рецепты чернилъ, главнымъ образомъ желѣзистыхъ, на чернильныхъ орѣшкахъ.

На видъ чернила старыхъ югославянскихъ и русскихъ рукописей имѣютъ теперь бурый оттѣнокъ. Въ западной палеографіи сдѣланы наблюденія, что оттѣнокъ (а слѣд. и составъ) чернилъ замѣтно различается по эпохамъ и странамъ.

Изъ различныхъ **красокъ**, употребляемыхъ для письма (не для миніатюръ и орнамента!), всего важнѣе красная, издавна употребляемая для заголовковъ и различныхъ указаній. Отъ этого обычая красныхъ заголовковъ ведутъ свое начало термины „рубрика“ въ смыслѣ заголовка отдѣла (ср. латинское ruber „красный“) и „красная строка“ въ смыслѣ начальной строки отдѣла, теперь отмѣчаемой „абзацомъ“, т. е. небольшимъ пробѣломъ въ началѣ. Красныя чернила были различнаго состава. Въ западной письменности господствовалъ **сурикъ** (по латыни—minium, откуда, съ измѣненнымъ значеніемъ, терминъ **миніатюра**). Сурикъ—свинцоваго состава, **киноварь**—ртутнаго и так. обр. эти краски могутъ быть различены химическимъ анализомъ. Въ Византіи пурпурныя чернила (sacrum incaustum) употреблялись исключительно императорами для подписей (эдиктъ 470 года). Но вслѣдствіе дороговизны и рѣдкости настоящаго пурпура, рано стали прибѣгать къ суррогатамъ; этимъ путемъ и киноварь стала исключительно императорскимъ черниломъ, почему въ византійскихъ рукописяхъ употреблялись иныя краски, всего болѣе—малиновыя чернила растительнаго происхожденія (такъ называемая „драконова кровь“). Въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ повидимому тоже не употребляется киноварь: примѣромъ можетъ служить старославянская Саввина книга XI в., въ коей заголовки писаны сурикомъ; въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ можно иногда встрѣтить и „драконову кровъ“, напр. въ глаголическомъ Маріинскомъ Евангеліи. Употреблялась также красная краска смѣшаннаго состава. Но съ XIII вѣка въ Россіи распространяется **киноварь**, которая отличается красножелтымъ „огненнымъ“ оттѣнкомъ. Розовато-оранжевый, легко блѣднѣющій и рыжѣющій **сурикъ**, не вытѣсняя вполнѣ киновари, въ Россіи широко распространяется со второй половины XVII вѣка, какъ болѣе доступная краска, получаемая простымъ пережиганіемъ свинцовыхъ бѣлилъ; сурикъ господствуетъ въ народныхъ русскихъ рукописяхъ XVIII и XIX вѣка, и так. обр. въ Россіи составляетъ дату.

Золото (чаще) и **серебро** (гораздо рѣже) употреблялись для письма только въ качествѣ роскоши, которая въ Россіи и Румыніи входитъ въ особую моду съ эпохи нововизантійскихъ и западныхъ вліяній (XV—XVI в.). Золото и серебро могло употребляться или твореное (въ видѣ краски) или листовое; послѣднее накладывалось на знаки, писанные клейкимъ веществомъ. Въ Россіи до конца XVI вѣка твореное золото было мало распространено.

§ 21. Процессъ и орудія письма изображаются въ самихъ памятникахъ старой письменности, всего болѣе—въ Евангеліяхъ съ четырьмя миніатюрами пишущихъ Евангелистовъ: это—сидящія фигуры, которыя пишутъ, держа листъ на колѣнѣ, т.-е. такъ, какъ происходилъ процессъ письма въ античномъ мірѣ и отчасти происходитъ на современномъ Востокѣ (ср. рис. II). Столъ на миніатюрахъ служитъ лишь для письменныхъ принадлежностей: на столахъ находимъ изображенія чернильницъ разнаго вида, сосудиковъ для краски, сухихъ красокъ въ кускахъ, циркуля, ножей кривыхъ и прямыхъ, пеннала, губки, песочницы съ воткнутыми перьями, цѣпочки[1]) съ остріями по концамъ, кистей. На

Менологій Василія, Ноября 28: Козьма и Іоаннъ Дамаскинъ. Рис. II.

высокомъ пюпитрѣ лежитъ листъ или свѣшивается развернутый свитокъ; въ корзинѣ стоятъ свернутые и перевязанные свитки, иногда между ними торчитъ ножъ или перо. Обиліе принадлежностей находимъ только въ византійскихъ и древнѣйшихъ русскихъ миніатюрахъ, позднѣе по большей части изображаются только чернильница и перо. На греческихъ миніатюрахъ изображается не птичье перо, а тростниковое (κάλαμος, читай kálamos); оно же изображено повидимому на одной изъ миніатюръ Остромирова Евангелія. На остальныхъ русскихъ миніатюрахъ повидимому

[1]) Такая цѣпочка повидимому служила для намѣчанія границъ строки.

всегда изображено птичье перо. Нѣтъ сомнѣнія, что κάλαμος у насъ не привился.

Перья для письма были гусиныя, рѣже, въ видѣ роскоши,—лебединыя; однажды упоминается павье перо (Псковскій Апостолъ 1307 г.). Слово карандашъ встрѣчается съ Петровскаго времени, но карандашные очерки найдены въ недописанныхъ миніатюрахъ русскихъ рукописей XVI вѣка. Кисть употреблялась въ славяно-русской письменности для изображенія письменныхъ знаковъ только при письмѣ творенымъ золотомъ и серебромъ, да иногда для киноварныхъ строкъ высокой вязи. Ножи существовали особые для очинки перьевъ и особые для подчистокъ написаннаго; ошибочно написанное удалялось также пемзой или губкой, или покрывалось слоемъ бѣлила, по которому писалось вновь. Для разлиновки употреблялись линейка, а равно циркуль и цѣпочка, размѣрявшіе раму письма и разстояніе строкъ, и „шильце“ (притупленное остріе—металлическое или костяное), которымъ надавливались линіи строкъ. Въ XVI—XVII вѣкахъ, т.-е. въ эпоху, когда употреблялся и карандашъ, упоминается карамса, или рамка съ натянутыми нитями, служащая для разлиновки. Въ старообрядческой каллиграфіи карамса употребляется до сихъ поръ.

Шильцемъ могли линоваться или отдѣльные раскрытые листы съ внутренней стороны, или сразу цѣлыя раскрытыя тетради. Въ послѣднемъ случаѣ линіи оказываются слабѣе надавленными, по мѣрѣ того какъ мы удаляемся отъ средины тетради.

Схема разлиновки бываетъ весьма различна въ зависимости отъ того, писана ли страница въ одинъ или два столбца, имѣетъ ли рукопись большіе иниціалы, помѣщаемые въ особомъ узкомъ столбцѣ, и т. п. Въ славяно-русской палеографіи изъ способовъ разлиновки до сихъ поръ не извлечено опредѣленныхъ палеографическихъ датъ, но они изучаются и описываются, въ виду возможности извлеченія такихъ датъ.

§ 22. Различныя палеографическія примѣты содержитъ переплетъ рукописей. Иногда самое дерево переплетныхъ досокъ указываетъ на извѣстную территорію, такъ напр. сосновыя доски указываютъ на сѣверъ Россіи, въ рукописяхъ средней полосы предпочитается дубъ, береза и липа. Узоры, тисненые на кожѣ, покрывающей доски, указываютъ отчасти на территорію, отчасти на эпоху. На древнѣйшихъ рукописяхъ тисненіе отсутствуетъ или оно очень просто. На сохранившихся старыхъ переплетахъ XIII—XV в. в. кожа либо безъ тисненія, либо тисненіе произведено по византійскому образцу: въ крупную косую клѣтку и содержитъ мелкія клейма круглыя, ромбическія, сердцевидныя (съ изображеніемъ звѣря, птицы, византійскаго орлика), а равно мелкія клейма въ видѣ различныхъ крестиковъ, звѣздочекъ, розетокъ, концентрическихъ кружковъ,—все красиво и геометрично расположено. Въ XVI вѣкѣ въ тисненіи западно-

русскихъ переплетовъ сказывается западное вліяніе, въ Московскомъ государствѣ византійскіе мотивы тисненія въ XVI в. примѣняются на переплетахъ болѣе вычурно и сложно. Поверхъ кожи уже на самыхъ старыхъ переплетахъ мы находимъ, по угламъ и по срединѣ, различные металлическіе гвоздики или бляшки, возвышающіяся надъ кожей и т. о. оберегающія ее отъ тренія и царапинъ; если бляшка имѣла узорную форму, она называлась жукомъ, жуковиной (или жиковиной). Въ древнѣйшую эпоху и до средины XVI вѣка мы находимъ въ юго-славянскихъ рукописяхъ и русскихъ рукописяхъ обыкновенно довольно простыя и притомъ бронзовыя жуковины (темнаго, розоватаго или золотистаго оттѣнка), съ XVII вѣка и далѣе въ Россіи господствуютъ жуковины зеленомѣдныя. Прежде чѣмъ пользоваться этими примѣтами, необходимо изслѣдовать, не помѣщены ли болѣе древнія жуковины на болѣе поздній переплетъ или наоборотъ—поздніе на древній. Роскошные экземпляры Евангелій, Апостоловъ и др. священныхъ книгъ въ тѣхъ же частяхъ доски украшались, поверхъ кожи, парчи, бархата и др. тканей болѣе обширными угольниками (или наугольниками) и средниками изъ золота, серебра, золоченой бронзы или мѣди,—съ чеканкой, рѣзьбою, тисненіемъ, эмалью. Къ изображеніямъ этихъ украшеній примѣняются примѣты, добытыя археологіей искусства. Мѣнялись по эпохамъ также застежки рукописей (которыя дѣлались изъ металла, кожи, различныхъ матерій), а равно узоры и надписи, изображавшіяся иногда черниломъ, красками, золотомъ на обрѣзѣ рукописей. Матерія на переплетахъ и застежкахъ также можетъ быть опредѣляема по эпохѣ и мѣсту происхожденія. На всѣхъ древнихъ памятникахъ (миніатюрахъ, фрескахъ, мозаикахъ, въ скульптурѣ) рукописныя книги изображаются въ видѣ массивнаго прямоугольнаго тѣла съ узорами по поверхностямъ: доски не выступаютъ надъ обрѣзомъ листовъ, къ которому поэтому и застежки прилегаютъ плотно. Это точно передаетъ реальный характеръ древнихъ переплетовъ. Со второй половины XVII вѣка, подъ западными вліяніями и въ Московскомъ государствѣ переплетъ мѣняется въ различныхъ отношеніяхъ: доски переплета выдвигаются надъ обрѣзомъ, защищая его отъ тренія; на корешкѣ, прежде плоскомъ либо округломъ, но совершенно ровномъ, появляются поперечные возвышенные валики, кои прикрываютъ ряды нитяныхъ узловъ, появляющихся на корешкѣ при сшиваніи тетрадей; ранѣе эти линіи узловъ вслѣдствіе иного способа сшиванія не были столь выпуклы. Тисненіе уже въ теченіе XVI вѣка утрачиваетъ старый византійскій характеръ: появляется сложная рама въ видѣ вписанныхъ другъ въ друга прямоугольныхъ клѣтокъ. Со второй половины XVII вѣка мотивы тисненія становятся разнообразны, сложны, иногда тисненіе золотое, иногда оно покрываетъ всю кожаную поверхность доски (особенно передней); среди

тисненія находимъ много травъ старопечатнаго или восточнаго характера, иногда лицевыя изображенія, часто—строки вязи, содержащія слова книга глаголемая. Всѣ эти пріемы до сихъ поръ сохраняются старообрядческимъ переплетнымъ искусствомъ и т. о. могутъ встрѣтиться въ книгѣ или рукописи съ переплетомъ совершенно новымъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, слѣдуетъ точно опредѣлять сферу примѣненія палеографическихъ примѣтъ: есть примѣты, опредѣляющія извѣстное пространство времени, есть примѣты опредѣляющія только конечный или начальный пунктъ явленій (terminus a quo, terminus ad quem).

Слѣдуетъ также помнить, что въ извѣстной мѣрѣ о древности всякаго предмета можно судить по степени его сохранности,—что кожа и матерія переплета постепенно стираются и замарываются, что листы бумаги и пергамента постепенно желтѣютъ или бурѣютъ, что особенно стираются металлическія украшенія переплета, постепенно становясь очень гладкими на осязаніе. Отвлекаясь палеографической датировкой, мы часто забываемъ эти простѣйшія указанія здраваго смысла.

Вязь.

§ 23. Вязью называется кирилловское декоративное письмо, имѣющее цѣлью связать строку въ непрерывный и равномѣрный орнаментъ. Эта цѣль достигается различнаго рода сокращеніями и украшеніями. Вязь является въ рукописяхъ, на фрескахъ, на иконахъ, колоколахъ, на металлической и шитой утвари, на гробовыхъ камняхъ. Содержаніе вязи составляютъ: молитва, изреченіе, памятная надпись, названіе древняго памятника; послѣднее—въ рукописяхъ обычный случай. Гдѣ бы ни появлялась вязь, мѣсто для нея заранѣе отмѣрено декоративными соображеніями, а размѣры надписи опредѣлены ея содержаніемъ. Задача слѣдовательно всегда состоитъ въ томъ, чтобы опредѣленное число буквъ красиво размѣстить въ опредѣленномъ пространствѣ. Если число буквъ значительно, а пространство мало, каллиграфъ прибѣгаетъ къ сокращеніямъ, въ обратномъ случаѣ онъ маскируетъ пустоты различными украшеніями. Украшенія необходимы еще и въ томъ случаѣ, если буквы по свойствамъ своего начерка, оставляютъ неустранимые пробѣлы въ верху, въ низу или въ срединѣ строки. Но могутъ быть строки вязи, которыя, не содержа ни существенныхъ сокращеній, ни существенныхъ украшеній, тѣмъ не менѣе производятъ впечатлѣніе непрерывнаго орнамента и такимъ образомъ все таки подходятъ подъ понятіе вязи. Различные техническіе пріемы вязи, какъ въ разрядѣ сокращеній, такъ и въ разрядѣ украшеній, возникали не одновременно и на различныхъ территоріяхъ, и

потому они содержатъ палеографическія даты. Смотря по матеріалу и назначенію украшаемыхъ ею предметовъ, вязь дѣлится на разряды, которые должны быть изучаемы палеографомъ раздѣльно, ибо при сходствѣ общихъ путей развитія, однѣ и тѣ же перемѣны въ различныхъ разрядахъ вязи не совпадаютъ хронологически. Такъ напр. вязь металлической посуды въ своемъ развитіи опережаетъ вязь рукописную, а вязь старопечатная нѣсколько отстаетъ отъ нея. Мы разсматриваемъ здѣсь исключительно рукописную вязь.

§ 24. Система вязи сложилась у византійцевъ позднѣе основанія славянской письменности и потому въ ея древнемъ періодѣ вязь отсутствуетъ: у южныхъ славянъ первые точно датированные памятники вязи восходятъ къ первой половинѣ XIII вѣка, у русскихъ—къ концу XIV-го. Въ самой Византіи до X вѣка заглавныя строки рукописей графически мало отличаются отъ текста, онѣ пишутся иногда другимъ почеркомъ (уставомъ въ памятникѣ скорописномъ), иногда нѣсколько крупнѣе текста, либо пишутся малиновой краской; часто онѣ по письму ничѣмъ не отличаются отъ текста, но поверхъ буквъ слѣва направо сплошь помазаны (покрыты съ кисти) прозрачною зеленой или желтой краской. Древнѣйшія глаголическія рукописи, среди славянскихъ, всего ближе въ этомъ отношеніи къ греческимъ этой эпохи: въ древнѣйшихъ глаголическихъ рукописяхъ находимъ въ заглавіяхъ малиновыя (Маріинское Евангеліе) и помазанныя (Ассеманово Евангеліе) строки; глаголическія заглавія пишутся кромѣ того раздѣльнѣе и угловатѣе текста, такъ сказать „болѣе уставнымъ почеркомъ“, но по б. ч. уже значительно крупнѣе текста; мелкія строки заглавій, нерѣдкія въ Мар. и Ассем. евангеліяхъ писаны строчнымъ почеркомъ и отличены отъ текста строкъ только краской. Въ Византіи съ начала X вѣка, но еще не часто, заглавныя строки, особенно въ литургическомъ уставѣ, становятся крупнѣе и каллиграфичнѣе; буквы получаютъ двойные контуры; эти контуры иногда оттѣняются или сплошь заполняются краской, иногда двумя или тремя разными красками попеременно. Подъ конецъ X вѣка появляются украшенія на отдѣльныхъ буквахъ и лигатуры (соединенія) двухъ сосѣднихъ буквъ. То же находимъ и въ Россіи до конца XIV вѣка, но эти случайныя явленія ни здѣсь ни тамъ еще не составляютъ системы. Съ начала XI вѣка византійскія рукописи съ подобными заглавными строками встрѣчаются чаще и въ нихъ лигатуры—сложнѣе и употребительнѣе. Изъ этихъ элементовъ къ серединѣ XI вѣка сложилась византійская вязь, т. е. систематическое декоративное письмо. XII вѣкъ есть время наибольшаго распространенія византійской вязи, въ XIII и особенно въ XIV употребленіе ея замѣтно сокращается, въ XV она исчезаетъ почти совсѣмъ. Византійская вязь, разъ сложившись, почти не мѣнялась и даже въ эпоху наибольшаго расцвѣта была

распространена гораздо менѣе, нежели въ Россіи XV—XVII вѣковъ. Показатель византійской вязи всегда колебался между 2 и 3[1]). Украшенія византійской вязи по большей части суть мелкіе растительные мотивы (вѣточка, стебелекъ, усикъ, хоботокъ, узелокъ), см. рис. III. Сокращенія византійской вязи суть: лигатура (обыкновенно мачта+мачта), см. 1—3 на той-же таблицѣ; подчиненіе однихъ буквъ другимъ, см. тамъ-же 5 и 6; соподчиненіе двухъ буквъ, см. тамъ-же 7; включеніе одной буквы въ другую, см. тамъ-же 8—12; совпаденіе въ точкѣ (не въ линіи), тамъ-же 13 и 14, а равно различныя комбинаціи тѣхъ-же пріемовъ, тамъ-же 15—21. Кромѣ того извѣстныя слова (глав-

Рис. III.

ныя религіозныя понятія) писались сокращенно подъ горизонтальнымъ титломъ: $\overline{\text{ΘС}}$=ΘЄОС Богъ, $\overline{\text{ΘN}}$=ΘЄΟΝ Бога, $\overline{\text{ДДД}}$=ДΑΥΙД Давидъ, см. тамъ-же 23—25.

§ 25. Если византійцы въ сферѣ вязи достигли только посредственныхъ результатовъ, если вязь ихъ не стоитъ на уровнѣ ихъ остального художественно-техническаго творчества, то причина этого коренится исключительно въ свойствахъ греческаго алфавита и языка. Въ техническомъ

[1]) Показателемъ вязи можно называть отношеніе высоты къ ширинѣ у такихъ двухмачтовыхъ буквъ, какъ П, Н, И. Такимъ образомъ при квадратномъ характерѣ буквъ указатель равенъ единицѣ.

и въ художественномъ отношеніи самый существенный пріемъ вязи есть мачтовая лигатура, т. е. соединеніе двухъ смежныхъ вертикальныхъ линій въ одну. Въ этомъ отношеніи кириллица прямо невѣроятно богаче греческой азбуки. Кириллица имѣетъ 36 знаковъ, изъ нихъ 26 имѣютъ мачты. По извѣстной алгебраической формулѣ общее количество возможныхъ двузначныхъ сочетаній для кириллицы равно такимъ образомъ 650-ти. На практикѣ многія сочетанія невозможны, такъ напр. **Л+К** даютъ мачтовую лигатуру, но **К+Л**—нѣтъ. Съ другой стороны изъ возможныхъ лигатуръ многія неупотребительны по своей неясности. Такъ напр. **Ѣ** могло бы означать **ТЬ**, **БЪ**, **ГЪ**, а **Ѣ** могло бы означать **БГ**, **ГБ**, **ББ**, **ГГЬ**, или: **Ѣ** могло бы обозначать **БВ**, **ВБ**, **ГВ**, **ВГ**, **ББ**, **БЬ**, **БР**, **ГРЬ**, **БРЬ** и т. п. Подобныя нечеткія лигатуры почти не встрѣчаются. Нѣкоторыя сочетанія, вполнѣ возможныя на письмѣ, отсутствуютъ въ языкѣ. Однако, за всѣми ограниченіями, кириллица на практикѣ располагаетъ не менѣе чѣмъ 450-тью двузначными мачтовыми лигатурами. Это огромное число объясняется тѣмъ, что кирилловская вязь возникла послѣ исчезновенія слабыхъ полугласныхъ **Ъ** и **Ь**, т. е. въ такую эпоху славянскихъ языковъ, когда соприкоснулись самыя разнообразныя согласныя.

$C_{36}^{2} = \frac{36 \cdot 35}{1 \cdot 2} = 650$

Въ сравненіи съ кириллицей византійцы поразительно ограничены въ средствахъ: отсутствуютъ мачтовыя **У**, **Ш**, **Щ**, **Ѣ**, **Ъ**, **Ь**, **Ю**, **Ѧ** и др. Весь греческій алфавитъ состоитъ изъ 24-хъ знаковъ, среди нихъ мачтовыхъ знаковъ только 12. По той же формулѣ максимальное количество всѣхъ сочетаній по два равно 132-мъ. На практикѣ существуетъ масса ограниченій: возможны лигатуры **НВ**, **НР**, но не возможны лигатуры **ВН**, **РН**; многія сочетанія не существуютъ въ языкѣ, такъ напр. **НВ** обратилось въ **МВ**, **НП**—въ **МП**, что даетъ мачтовыя лигатуры, но не вознаграждаетъ за утраченныя; далѣе **МР** обратилось въ греческомъ языкѣ въ **МВР**, **НР**—въ **НДР**, въ послѣднемъ случаѣ утраченная лигатура ничѣмъ не вознаграждается [1]). Въ результатѣ византійцы на практикѣ имѣли едва-ли болѣе 40 двухзначныхъ мачтовыхъ лигатуръ, изъ которыхъ нѣкоторыя постоянно повторялись. На такомъ ограниченномъ матеріалѣ не могла быть построена послушная система художественной вязи. Но византійцы нашли принципъ, который на иной почвѣ могъ получить счастливое развитіе.

§ 26. У южныхъ славянъ вязь извѣстна съ XIII вѣка. Древнѣйшій ея датированный памятникъ—побѣдная, 1230-го года, надпись царя Іоанна Асѣня II на мраморной колоннѣ въ церкви Сорока Мучениковъ въ Тыр-

---

[1]) Написанія **НВ**. **НП**, **НР** были возможны только въ томъ случаѣ, если **Н** принадлежало концу предыдущаго слова, а **В**, **П**, **Р**—началу слѣдующаго; но слова сливались только въ очень тѣсной вязи.

новѣ. Эта надпись, какъ и сербская вязь XIII вѣка (напр. въ Шестодневѣ Синодальной библіотеки, 1263 года) далеко не можетъ быть названа художественной. Въ XIV вѣкѣ югославянская связь становится богаче и интереснѣе своихъ византійскихъ образцовъ: югославянскіе каллиграфы, очевидно, овладѣли стилемъ вязи и разработали его на болѣе благодарной кирилловской почвѣ; сначала это замѣчается въ грамотахъ,—въ именахъ и титулахъ болгарскихъ царей и сербскихъ кралей, позднѣе—во всѣхъ югославянскихъ рукописяхъ. Аѳонъ былъ, повидимому, тѣмъ центромъ, изъ котораго художественная вязь съ середины XIV вѣка широко распространялась въ письменности. Въ этой югославянской вязи намѣчаются *два стиля*: природный и геометрическій; первый черпаетъ свои мотивы изъ міра растеній и отчасти изъ міра насѣкомыхъ (что замѣтно не только въ мелкихъ украшеніяхъ, но также въ трактовкѣ извитыхъ и округлыхъ контуровъ самихъ буквъ); второй, гораздо болѣе рѣдкій стиль, избѣгаетъ украшеній и довольствуется строгимъ воспроизведеніемъ геометрическихъ элементовъ кириллицы. Красивѣе обоихъ этихъ стилей югославянскій *средній стиль*, соединяющій свободный геометрическій характеръ буквъ съ легкими растительными украшеніями. Паденіе югославянскихъ государствъ еще въ XIV вѣкѣ остановило развитіе югославянской вязи, которая еще держится въ XV и XVI вѣкахъ, порождая интересныя манеры природнаго стиля, но не изобрѣтая новыхъ техническихъ пріемовъ. Съ XV вѣка появляется румынская вязь; она основана на югославянской вязи и представляетъ различныя манеры природнаго стиля; особенно распространена манера высокихъ буквъ съ уменьшенными верхами и низами, довольно рѣдко стоящихъ въ строкѣ.

§ 27. **А.** *Въ Россіи вязь* появляется въ концѣ XIV вѣка вмѣстѣ съ другими чертами *югославянскаго вліянія*, о которомъ ниже. До этого времени въ XIII и XIV вѣкахъ мы находимъ лишь большее количество лигатуръ въ заглавныхъ строкахъ, но не находимъ системы декоративнаго письма. Но и въ концѣ XIV вѣка, т. е. въ начальную эпоху югославянскаго вліянія, вязь въ русскихъ рукописяхъ находится чрезвычайно рѣдко: древнѣйшій датированный образецъ русской вязи, Стихирарь 1380 года, писанный и хранимый въ Троице-Сергіевой лаврѣ, содержитъ строки очень сложной вязи, гдѣ неумѣренно примѣнены пріемы скорописныхъ и иныхъ сокращеній, а пробѣлы заполнены мелкими буквами; въ этихъ строкахъ мы имѣемъ палеографическую случайность: онѣ какъ разъ не представляютъ главныя направленія вязи,—это только замысловатыя упражненія. Въ Россіи XV вѣкъ былъ эпохой усвоенія вязи. Въ великорусскихъ областяхъ старые города сѣверо-запада—Новгородъ, Псковъ, Тверь, а въ центрѣ—Сергіева Лавра стали разсадниками этого искусства. По датированнымъ рукописямъ XV вѣка мы можемъ судить о томъ, какъ

проникала вязь въ Россію и какъ распространялась она по русской территоріи. Два стиля, находимые уже у южныхъ славянъ, стили „природный“ и „геометрическій“ перешли и въ Россію. „Средняя югославянская манера“, съ тактомъ объединяющая природные и геометрическіе мотивы, и въ Россіи XV вѣка, повидимому, была преобладающей.

B. Среди памятниковъ этой „средней манеры“ укажемъ: 1. югославянское Евангеліе, купленное въ 1430 г. на Аѳонѣ и въ 1434 г. принесенное въ Тверь; 2. два автографа извѣстнаго сербскаго выходца и русскаго писателя XV вѣка Пахомія Логоѳета (рукописи 1443 и 1459 годовъ); 3. русскій списокъ 1481 года съ автографа другого важнаго представителя югославянскихъ вліяній въ Россіи—митрополита Кипріана; это требникъ, въ послѣсловіи коего русскій переписчикъ проситъ будущихъ переписчиковъ ничего не прибавлять и не опускать, даже въ самыхъ мелкихъ чертахъ новой (югославянской) орѳографіи и графики. 4. русское пергаменное Евангеліе неопредѣленнаго года, автографъ или, быть можетъ только собственность Сергіева ученика, преп. Никона Радонежскаго († 1427). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также различныя болѣе рѣдкія манеры вязи, перешедшія къ намъ съ югославянскимъ вліяніемъ: таковы строки, содержащія различные декоративные мотивы, заимствованные изъ поздней греческой скорописи, а равно строки въ манерѣ византійскихъ моноконділій—вычурныхъ вензелей, подражающихъ арабскому письму.

C. Къ концу XV вѣка вязь, какъ любимое каллиграфическое средство, широко распространена по всей территоріи русскаго народа, и съ этого момента обнаруживаются явленія дифференціаціи въ русской вязи. Русская территорія была тогда разбита на два общественные союза—литовско-русскій и московскій. Въ сферѣ вязи западная и югозападная Русь высказались за природный принципъ, безконечно воспроизводя въ подражаніяхъ различнаго достоинства его югославянскіе и румынскіе образцы. Въ Московской Руси возобладалъ геометрическій принципъ. При этомъ западная и югозападная Русь ничего не прибавили къ технической системѣ, созданной южными славянами, а Русь Московская изобрѣла различные, ранѣе нигдѣ не извѣстные, техническіе пріемы, которые сообщили искусству вязи интересное художественное развитіе и цѣнныя палеографическія даты. Около 1500 года (древнѣйшій случай въ 1499 году) Псковскія рукописи обнаружили дробленіе старыхъ мачтовыхъ лигатуръ: общая мачта двухъ сосѣднихъ буквъ дробится по срединѣ, (см. рисунокъ IV, рядъ 1 лигатуры **ПН**, **МН**, **НР**). Этотъ пріемъ прежде всего подалъ поводъ увеличить показатель вязи, что ранѣе ограничило бы ея четкость: теперь мачтовыя лигатуры, не утрачивая своей компактности, пріобрѣли раздѣльность и глазъ безъ за-

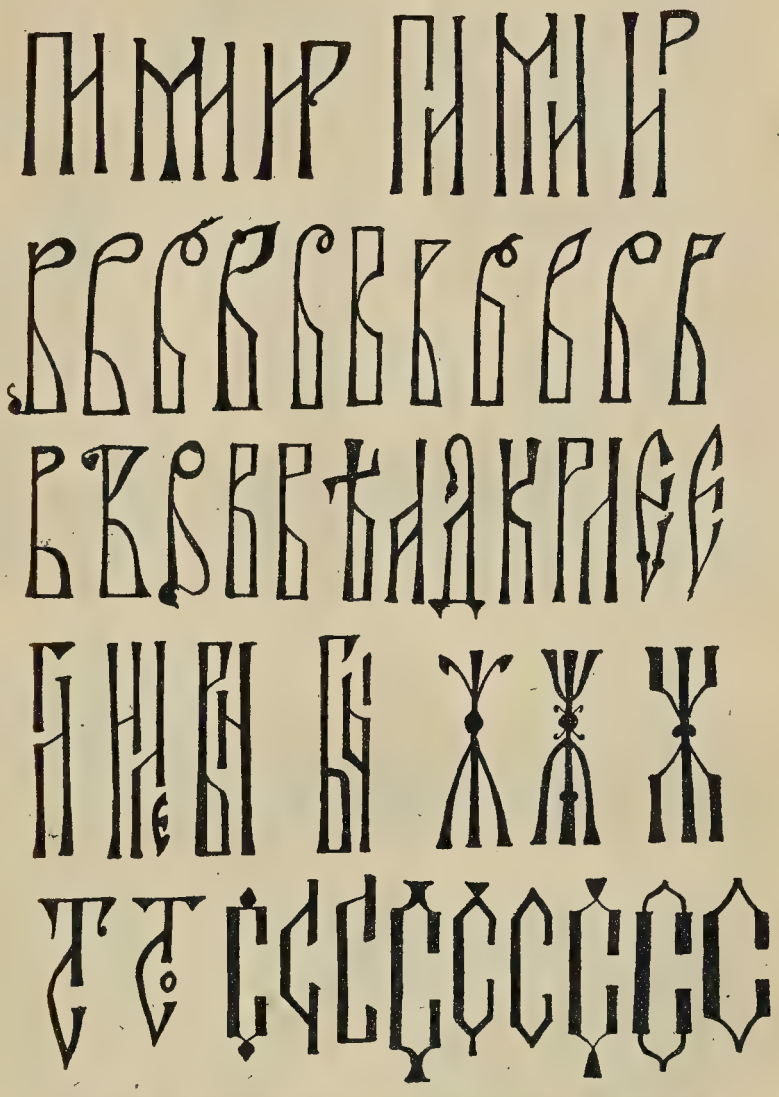


Рис. IV. Хронологическія примѣты русской вязи XV—XVII вв.

трудненія могъ исходить отъ мѣста дробленія, слѣдя вверхъ и внизъ выросшія мачты. Дробленіе до конца XVI вѣка мало употребляется внѣ Псковскихъ рукописей. Новгородская вязь XVI вѣка представляетъ изящный геометрическій стиль, но мало техническихъ новообразованій. Въ палеографическомъ отношеніи важна лигатура **СТ**, проникшая въ рукописи въ Новгородѣ около 1550 года (древнѣйшій случай въ рукописяхъ—1552 г., см. тамъ-же рядъ 5.). Внѣ новгородскихъ рукописей эта лигатура до конца XVI вѣка является рѣдко. Во второй половинѣ XVI вѣка Московская каллиграфическая школа Грознаго, усвоивъ новгородскую вязь послѣ перехода Макарія на митрополичью каѳедру, увеличиваетъ количество полуштамбовъ: буквы, снабженныя петлями: **Б**, **В**, **Р**, **Ъ**, **Ы**, **Ь**, **Ѣ** а также наклонными: **А**, **Д**, **Ж**, **К**, **Л**, **М**, **У**, уже въ югославянской вязи могли образовывать эти части или въ видѣ дугъ или въ видѣ отвѣсныхъ линій съ короткимъ закругленіемъ съ одного края. Уже новгородская вязь замѣняла при этомъ повороты изломами, т. е. иногда придавала петлямъ и наклоннымъ исключительно прямолинейныя формы: ср. **В**, тамъ-же рядъ 2; небольшія отвѣсныя линіи, при этомъ получавшіяся вмѣсто наклонныхъ и кривыхъ, могутъ быть названы полуштамбами. Но этому измѣненію въ Новгородѣ и въ Московской школѣ Макарія (50-е годы) подвергались не всѣ буквы: чаще всего **Б**, **В** **Ѣ**, рѣже **Ъ**, **Ы** и **Ь**, еще рѣже **М** и **Ж**. Въ школѣ Грознаго, съ 60-хъ годовъ, этотъ пріемъ распространялся также на **А**, **Д**, **К**, **Л**, **Р** и на язычекъ буквы **Є**, (см. тамъ-же рядъ 3); эта перемѣна необязательна и слѣдовательно еще не идетъ въ ущербъ каллиграфическому разнообразію. Однако количество вертикальныхъ полуштамбовъ все-же значительно увеличилось въ школѣ Грознаго, и это вызвало къ жизни два новыхъ техническихъ пріема: 1. Новые полуштамбы располагались въ одинъ вертикальный рядъ отчасти другъ съ другомъ, отчасти съ старыми штамбами (мачтами); отъ этого получалось ложное дробленіе, т. е. получались сочетанія, никогда не бывшія ранѣе мачтовыми лигатурами, но вполнѣ походящія на дробленіе старыхъ мачтовыхъ лигатуръ, (см. тамъ-же, рядъ 4, знаки 1—3: гл, нл и т. п.). И этотъ пріемъ (до школы Грознаго почти неизвѣстный) только подъ конецъ XVI вѣка получаетъ болѣе широкое распространеніе. 2. Буквы, получившія полуштамбы, могли подыматься или опускаться на этихъ полуштамбахъ, давая мѣсто то въ низу, то въ верху строки сосѣднимъ буквамъ (см. тамъ-же, рядъ 4, знакъ 4: **БЫ**. И этотъ пріемъ не встрѣчается въ рукописяхъ ранѣе школы Грознаго; съ конца XVI в. онъ распространяется на территоріи Московскаго государства, однако до поморской школы XVIII—XIX вѣка примѣняется въ рукописяхъ умѣренно.

§ 28. Каллиграфическій стиль Грознаго переживаетъ Смутное время и въ первой четверти XVII вѣка еще является въ рукописяхъ, но главнымъ

образомъ такихъ, которыя писаны въ Троицкой Лаврѣ; это относится и къ вязи. Но уже при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ стиль Грознаго былъ поколебленъ во всѣхъ областяхъ искусства вторженіемъ различныхъ новыхъ элементовъ. Въ вязи рукописей эпоха Ѳеодора Іоанновича ознаменована обобщеніемъ всѣхъ великорусскихъ новообразованій XVI-го вѣка: въ одной строкѣ 1587 года (рукопись сочиненій Максима Грека) мы находимъ вмѣстѣ полуштамбы, дробленіе настоящее и ложное, а равно лигатуру **СТ**. Та же строка въ типѣ **С** содержитъ первый случай появленія полныхъ штамбовъ, которые образуются изъ большихъ округлостей такихъ буквъ, какъ, **Є, О, С, Ѳ, Ф, Х, Ю, Ѳ, Ѡ**,—всѣ эти буквы въ школѣ Грознаго еще сохраняютъ извивъ. Штамбованное **С** въ рукописи 1587 года есть рѣдчайшій, ранній случай того явленія, которое лишь позднѣе пріобрѣтаетъ значеніе хронологической даты, постепенно обобщаясь на всѣ указанныя буквы, образуетъ стиль и распространяется на всю русскую территорію, ср. тамъ-же, рядъ 5, знакъ 3: **С** 1587 года; знаки 4 и слѣд.—штамбованныя **С** 17. и 18. вѣковъ. На русской металлической посудѣ штамбовый стиль находимъ уже въ срединѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича; въ рукописи онъ проникаетъ постепенно: въ рукописяхъ религіознаго и литературнаго содержанія **Ѳ** и **Х**, а затѣмъ и большинство остальныхъ буквъ получаетъ полные штамбы въ теченіе сороковыхъ годовъ XVII вѣка. Если въ писцовыхъ книгахъ первой четверти XVII вѣка находятся строки штамбовой вязи, то это позднѣйшіе заглавные листы, на что указываетъ иная бумага. Только для средины XVII вѣка можно говорить о сложившемся штамбовомъ или фрактурномъ стилѣ: отвѣсныя мачты и изломы рѣшительно взяли верхъ надъ прежними извивами, при чемъ исчезновеніе округлостей образовало новыя пустоты въ строкѣ; растительныя вѣтки мелко-травнаго рисунка утверждаются какъ необходимый декоративный пріемъ, маскирующій пустоты.

Къ концу XVII вѣка были сдѣланы всѣ естественные выводы изъ новыхъ техническихъ пріемовъ: найдены всѣ лучшія сочетанія, не вредящія четкости. Съ этого момента начинается художественное паденіе вязи, которая впрочемъ продолжаетъ жить въ старообрядческой средѣ въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ.

Съ появленія вязи въ Россіи и до самаго конца XVII вѣка безостановочно растетъ показатель вязи: въ XV вѣкѣ преобладаютъ показатели 3 и 4, въ XVI-мъ—показатель колеблется между 4—8: хорошія новгородскія строки имѣютъ показатель $4^1/_2$ и $4^3/_4$, Псковскія—5, 6 и 7, западно-русскія строки достигаютъ иногда показателя 8. Въ теченіе XVII-го вѣка показатель подымается отъ 7 до 12-ти. Вязь конца XVII вѣка, имѣющая показатели 10—12, является уже своего рода тай-

Рис. VI. Азбука 1698 года (Собр. Ист. Муз.)

нописью. Замѣтимъ, что каждый вѣкъ, въ качествѣ переживанія, сохраняетъ нерѣдко и болѣе низкія строки, съ показателемъ предыдущей эпохи. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ отсутствіе новаго признака не заключаетъ даты.

Съ XVIII вѣка вязь сохраняется главнымъ образомъ въ старообрядческой письменности. Лучшія произведенія старообрядческаго искусства, отчасти условно, называются поморскимъ стилемъ[1]). Поэтому

Рис. V. Особенности Поморской вязи.

можно говорить и о поморской вязи. Слѣдуетъ различать по крайней мѣрѣ двѣ эпохи поморской вязи: старую (XVIII в.) и новую (XIX в.). Старая поморская вязь основана на поздней Московской вязи (штамбовой,

[1]) Лучшія произведенія старообрядческой каллиграфіи XVIII и XIX вѣка сами старообрядцы связываютъ съ исторіей поморскаго толка, т. е. одной изъ старообрядческихъ русскихъ церквей, получившей свое имя отъ сѣвернаго поморья европейской Россіи. На самомъ дѣлѣ на всемъ нашемъ сѣверѣ и сѣверовостокѣ различныя русскія секты обладали тою-же каллиграфіей.

второй половины XVII вѣка); новая поморская вязь отличается отъ старой неумѣреннымъ примѣненіемъ всѣхъ пріемовъ, усвоенныхъ (а еще болѣе—изобрѣтенныхъ) старой поморской вязью. Не разсматривая хронологію всѣхъ этихъ пріемовъ, я ограничиваюсь ихъ перечисленіемъ (ср. рис. V).

1. Полуштамбъ становится штамбомъ см. т ъ ѣ на табл. 5, рядъ 1, знаки 1—3. (югославянскіе типы XIV—XV вѣковъ!).

2. Висячіе полуштамбы размножаются, см. тамъ-же знаки 4—6. (древнѣйшее ы этого рода—въ школѣ Грознаго!).

3. Буквы украшаются обрубками; тамъ-же, знакъ 7 (=*а*).

4. Создаются ложные обрубки, напр. т, тамъ-же.

5. Полные штамбы образуютъ многочисленныя лигатуры; тамъ-же, рядъ 2, лигатуры **ню**, **нє**, **нс**, **тр**, **тѡ**, **ѡб**.

6. Полуштамбы образуютъ многочисленныя лигатуры съ полуштамбами; всѣ эти сочетанія походятъ на букву **м**, см. лигатуры **вл**, **кд**, **кл**, **кл**, **кд**, **кл**, тамъ-же, рядъ 3. (До XVIII вѣка по этому принципу была образована только красивая и ясная новгородская лигатура **ст**!).

7. Появляются ложныя лигатуры того-же рода; всѣ онѣ походятъ на штамбованное **Х**, см. лигатуры **ых**, **лх** тамъ-же, рядъ 4, знаки 2—3.

8. Буквы подвергаюгся косому срѣзу, см. тамъ-же, рядъ 4, знаки 4—6: буквы *р*, *в*, *о*.

9. Симметричныя части разводятся несимметрично врозь, ср. **Т** тамъ-же, рядъ 4, знакъ 7.

10. Появляется дробленіе нѣкоторыхъ полуштамбовыхъ лигатуръ, ср. **ХЪ** тамъ-же, рядъ 4, знакъ 8.

Всѣ эти особенности, появлялсь постепенно съ конца XVII—нач. XVIII вѣка и умножаясь въ XIX, имѣютъ значеніе не столько для палеографа, сколько для археолога: ремесленники XIX вѣка владѣютъ почти исключительно поздней поморской вязью, которая вслѣдствіе этого всюду является на поддѣльныхъ или грубо поновленныхъ памятникахъ искусства и быта.

Всѣ техническія новообразованія вязи, содержащія дату, представляютъ въ то-же время извѣстную художественную цѣнность совершенно также, какъ и всѣ переживанія въ вязи, почему примѣненіе или непримѣненіе того или другого пріема зависитъ и отъ свободнаго выбора. Такимъ образомъ и въ вязи отсутствіе примѣты не доказываетъ, что памятникъ созданъ до ея возникновенія, а присутствіе примѣты есть лишь исходная дата, terminus a quo.

Орнаментъ.

§ 29. Орнаментъ есть ритмическое зрительное искусствовъ предѣлахъ плоскости. Всякій орнаментъ состоитъ изъ повтореній и имѣетъ опредѣленную раму, выраженную или невыраженную. Рама можетъ имѣть различныя формы, начиная отъ простѣйшихъ и кончая самыми сложными[1]). Ритмическія единицы, или повторяющіеся художественные элементы называются въ орнаментѣ мотивами. Мотивъ дѣйствуетъ на насъ какъ художественная единица, т. е. производитъ впечатлѣніе эстетическаго единства. Но по происхожденію мотивъ можетъ быть какъ простымъ, такъ и сложнымъ; именно, многіе мотивы разлагаются нашимъ сознаніемъ на мотивы болѣе простые, такъ напр. орнаментъ рис. VII, № 1 имѣетъ невыраженную прямоугольную раму (обозначена пунктиромъ) и состоитъ изъ мотива ромба. Но ромбъ можетъ быть разложенъ на болѣе простые мотивы „уголковъ“, обращенныхъ въ различныя стороны; такіе „уголки“ находимъ напр. на рис. VII, въ орнаментахъ № 2 и 3. Въ свою очередь уголки разлагаются на простѣйшіе мотивы наклонныхъ черточекъ, которыя находимъ въ орнаментѣ № 6. Или напр. прямой крестъ + разлагается на черточку вертикальную и горизонтальную, какія составляютъ орнаментъ № 10.

Очевидно, простѣйшими мотивами будутъ черточки; но мы воспринимаемъ въ качествѣ простыхъ художественныхъ мотивовъ также напр. ромбъ и крестъ; между тѣмъ какъ „крестъ въ ромбѣ“ воспринимается какъ мотивъ эстетически сложный. Такимъ образомъ термины простой мотивъ, сложный мотивъ имѣютъ для эстетическаго анализа одинъ смыслъ, а для генетическаго анализа—другой. Возьмемъ орнаментъ № 4: генетически онъ во всякомъ случаѣ сложный, а эстетически онъ можетъ быть воспринимаемъ и какъ простой и какъ сложный мотивъ: „два пересѣкающихся зигзага“ (возьмемъ случай, когда одинъ зигзагъ отличонъ отъ другаго цвѣтомъ) и какъ простой мотивъ „ромбъ“. Но тотъ же мотивъ можетъ быть разсматриваемъ генетически какъ „два рядомъ

---

[1]) Если рама невыраженная, то границы орнамента болѣе или менѣе совпадаютъ съ естественными границами той поверхности, которую онъ покрываетъ; таковы напр. орнаменты, покрывшіе поля рукописи или татуировка, покрывшая всю поверхность тѣла. Иногда орнаменты очень свободно слѣдуютъ естественнымъ границамъ поверхности; тогда они имѣютъ собственную узорную, или сложную невыраженную раму. Въ этомъ случаѣ удобно говорить о каркасѣ орнамента. Каркасъ есть металлическій остовъ, напр. лѣпныхъ статуй, бетонныхъ и др. построекъ.

бѣгущіе зигзага", см. № 5 (возьмемъ опять случай, когда одинъ зигзагъ отличенъ отъ другаго цвѣтомъ). Отсюда видимъ, что удвоеніе мотива можетъ создать новый мотивъ и при томъ простой въ эстетическомъ отношеніи. Комбинація мотивовъ происходитъ въ орнаментѣ вполнѣ независимо отъ природы, на основаніи инстинктовъ симметріи и ритма. Но генетическій анализъ исходитъ изъ того наблюденія, что большинство мотивовъ (какъ и

Рис. VII.

рамы) или заимствуются изъ природы, таковы полумѣсяцъ № 9, утиная лапка № 7, елочка № 8 и пр.; или-же они содержатся не въ природѣ, а въ Эвклидовой геометріи; въ послѣднемъ случаѣ это простѣйшіе символы нашихъ наиболѣе общихъ пространственныхъ понятій: точка, линія, а равно комбинаціи такихъ символовъ: уголъ, трехугольникъ, четве-

роугольникъ и др. Такимъ образомъ, въ орнаментѣ воплощаются два художественныхъ принципа—природный и геометрическій. А такъ какъ техническое воплощеніе опредѣленнаго принципа въ искусствѣ называется стилемъ, то различаютъ обыкновенно природный стиль и геометрическій стиль орнамента. Замѣтимъ здѣсь же, что стилизаціей называется подчиненіе художественнаго матеріала опредѣленному принципу. Стиль можетъ быть ясно выраженъ, воплощенъ въ формахъ, не подчиняя себѣ этихъ формъ, т. е. только комбинируя ихъ и оставляя за ними извѣстную самостоятельность (ту, которую онѣ имѣли въ природѣ или въ геометріи) и стиль можетъ подчинить себѣ формы, т. е. видоизмѣнить ихъ по своему принципу, такъ напримѣръ растительные мотивы могутъ быть стилизованы геометрически. Т. о. могутъ быть стильные и стилизованные орнаменты. Въ новомъ искусствѣ терминъ стиль и стилизація ошибочно употребляется для обозначенія строго проведенной манеры, а манера есть примѣненіе единичнаго пріема (не принципа, изъ коего всегда вытекаетъ много пріемовъ) и, такимъ образомъ, манера отличается отъ стиля случайностью и однообразіемъ.

Въ орнаментѣ встрѣчаются также изображенія предметовъ, созданныхъ человѣкомъ, таковы напр. цѣпь, жгутъ, плетенье въ народныхъ орнаментахъ или fasces ликтора (связка прутьевъ съ топоромъ въ срединѣ)—въ орнаментѣ римскомъ и позднѣе. Пока это отдѣльные мотивы, они не создаютъ особаго стиля и не колеблютъ принципа классификаціи; однако такіе мотивы, какъ жгутъ и плетенье, могутъ создавать стиль, образуя принципъ орнамента, воплощаемый въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. При этомъ изображенія жгута или плетенья могутъ колебаться между грубымъ натурализмомъ и геометрической абстракціей. Однако, созданія человѣка сравнительно мало проникаютъ въ орнаментъ въ качествѣ мотивовъ и еще рѣже образуютъ стиль. Поэтому мы не создаемъ третьяго члена классификаціи и ограничиваемся лишь указаніями, какіе именно изображенія человѣческаго труда проникаютъ въ тотъ или другой орнаментъ и какое мѣсто они занимаютъ въ разныя эпохи наряду съ стилями природнымъ и геометрическимъ. И мотивы природные могутъ являться въ очень различныхъ степеняхъ обобщенія, и напр. елочка граничитъ съ отвлеченіями геометрическаго стиля. Но и этотъ послѣдній въ орнаментѣ никогда не достигаетъ полной (математической) отвлеченности элементовъ.

Орнаментальная точка и орнаментальная линія связаны въ концѣ концовъ съ воспоминаніями о работѣ, при чемъ единицами работы очевидно являются уколъ, нарѣзка прямая или ломанная, взмахъ (напр. палкой, пращей, камнемъ на веревкѣ), дающій прямую, дугу или кругъ и т. д. Вотъ

почему ромбъ не разлагается сознаніемъ на элементы „косая черта“ и „скоба въ три черточки“, а только на два „уголка“. По той же причинѣ кругъ не разлагается сознаніемъ на два полукружія, на четыре равныхъ дуги, на двѣ неравныхъ дуги или на отвлеченное понятіе о безконечномъ рядѣ точекъ. Полумѣсяцъ, елка, утиная лапка повидимому также не разлагаются генетическимъ анализомъ (на двѣ дуги, прямую и углы) и это потому, что эти мотивы непосредственно связываются не съ единицами работы, а съ внѣшними явленіями. Эти мотивы разлагаются только техническимъ анализомъ, т. е. не при мысли „какъ это возникло“, а при мысли „какъ это сдѣлать“. Техническій анализъ имѣетъ свою собственную единицу, которая называется не мотивомъ, а рапортомъ, и свою собственную основу, которая называется не рамой, не каркасомъ, а сѣткой. Сѣтки бываютъ въ прямую и въ косую клѣтку, а равно— сложныя; отдѣльныя клѣтки, бываютъ квадратныя и неквадратныя (трехугольныя, прямоугольныя, ромбическія). Рапортъ есть часть рисунка до повторенія, т. е. тотъ минимумъ (практическій, не эстетическій), который необходимъ или наиболѣе выгоденъ, какъ образецъ для кратнаго воспроизведенія узора. Терминъ „рапортъ“ примѣняется въ промышленности къ узорамъ прямоугольныхъ поверхностей: обоевъ, матерій; но тотъ же терминъ иногда съ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ и къ научному анализу орнамента. Орнаменты могутъ быть дѣлимые и недѣлимые или, что то-же прерывистые и непрерывные. Изъ непрерывнаго орнамента мотивъ не можетъ быть выдѣленъ, а можетъ быть выдѣленъ только рапортъ. Такъ напр. змѣйка табл. VII № 12 состоитъ изъ рапортовъ № 12б., но эстетическое впечатлѣніе змѣйки не разлагается на эстетическія впечатлѣнія отрѣзовъ № 12б. Или: простѣйшій меандръ № 13 несомнѣнно, какъ и змѣйка, состоитъ изъ повторенія извѣстныхъ эстетическихъ величинъ, но эти величины не могутъ быть отвлечены изъ него. „Рапортъ“ такого меандра даетъ прямо неэстетическое впечатлѣніе „отрывка“ (№ 14). Обозначьте рапорты такого меандра попеременно синимъ и краснымъ карандашемъ, и вы получите эстетическое впечатлѣніе орнамента только отвлекаясь отъ красокъ. Непрерывные орнаменты состоятъ изъ ритмической смѣны двухъ или нѣсколькихъ нераздѣлимыхъ мотивовъ. Непрерывные орнаменты могутъ быть какъ природнаго, такъ и геометрическаго происхожденія, сравните ползучее растеніе № 12а и зигзагъ № 11. Спираль (№ 15) есть простой непрерывный мотивъ, который при удвоеніи становится прерывистымъ (№ 16 и 17). По происхожденію спираль можетъ быть относима и къ природному, и къ геометрическому стилю. Такимъ образомъ орнаменты различаются между собою 1) по содержанію своихъ мотивовъ, 2) по способу сочетанія своихъ мотивовъ, 3) по характеру своей

рамы. Это—три существенныхъ признака всякаго орнамента, на коихъ должны быть основаны научныя опредѣленія. Ограничиваясь приведеннымъ анализомъ, перехожу къ изложенію фактовъ.

§ 30. У южныхъ славянъ и въ Россіи вмѣстѣ съ христіанствомъ и письменностью распространялось византійское искуство, въ томъ числѣ и орнаментъ. Въ орнаментѣ рукописей византійское вліяніе было почти исключительнымъ: иныя художественныя вліянія проникали въ памятники письменности позднѣе и рѣдко. Орнаменты рукописей дѣлятся на заставки и инціалы. Заставка (слово „заставица“—еще въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 года) есть украшеніе, стоящее въ ширину страницы передъ началомъ крупнаго отдѣла текста; инціалъ есть украшенная буква, стоящая въ началѣ крупнаго отдѣла текста. Заставка еще въ древнюю эпоху служила нерѣдко рамою для вписаннаго заглавія. Но только во второй половинѣ XVII вѣка, по западному образцу, въ русскихъ рукописяхъ появляются заставки-рамки, занявшія всю поверхность заглавнаго листа [1]). Существуютъ, кромѣ того, украшенія, стоящія въ концѣ отдѣла [2]) и украшенія, стоящія въ началѣ отдѣла на полѣ [3]). Тѣ и другія должны быть отличаемы отъ заставокъ; въ древнюю эпоху концовыя и полевыя украшенія просты и мало развиты; послѣднія служили для того, чтобы обратить вниманіе на начало отдѣла, мало выдѣляющагося въ самомъ текстѣ (на начало второстепеннаго отдѣла, отмѣченное малою заставкой, инціаломъ или ничѣмъ).

§ 31. А. Византійскій орнаментъ имѣетъ одну отличительную особенность: рамы его состоятъ исключительно изъ основныхъ архитектурныхъ мотивовъ, т.-е. это тѣ простѣйшія геометрическія формы, которыя содержались въ поздней античной архитектурѣ: прямоугольники, арки, круги, треугольники. При этомъ для византійскихъ рукописей необходимо различать заставки большія и малыя. Малыя заставки были получены Византіей отъ каллиграфіи поздняго античнаго періода и состояли главнымъ образомъ изъ простѣйшихъ природныхъ и геометриче-

---

[1]) По старой французской терминологіи—Frontispice.

[2]) По старой французской терминологіи—Cul de lampe; въ современномъ типографскомъ искуствѣ для такого орнамента установился терминъ концовка, недавно заимствованный съ польскаго (końcówka). Въ старой славянской каллиграфіи извѣстенъ терминъ рука, означающій обычный типъ концовки: писанный текстъ на послѣдней страницѣ суживается къ низу воронкой, которая охвачена съ низу раздвоенною вѣткою, исходящею изъ зажатой руки.

[3]) Въ поздней старообрядческой каллиграфіи полевое украшеніе называется цвѣткомъ, т. к. въ рукописяхъ XVIII и XIX вѣка оно носитъ растительный характеръ.

скихъ мотивовъ; то были: волнистая травка, змѣйка, зигзагъ, мелкія полукружія, уголки, заковыки, чередующіяся черточки (вертикальныя и горизонтальныя или наклонныя разнаго рода); рама малыхъ заставокъ—невыраженная, въ видѣ узкой прямоугольной полоски; по концамъ малой заставки—нерѣдко поставлена простая вѣточка. Въ такомъ видѣ эти заставки, мало измѣняясь, продолжали существовать во всѣ періоды византійскаго искусства, примѣняясь въ началѣ второстепенныхъ отдѣловъ; въ томъ же употребленіи появились узкія полоски жгута и плетенья, заимствованныхъ непосредственно изъ узорной мозаики христіанскаго періода. Все это переходитъ къ южнымъ славянамъ и къ русскимъ—въ скромныя рукописи и во второстепенные отдѣлы роскошныхъ. Большія заставки возникаютъ въ самой Византіи для главныхъ отдѣловъ рукописей, особенно—рукописей роскошныхъ. Это наступаетъ въ к. IX—н. X вѣка, вмѣстѣ съ періодомъ наибольшаго могущества государства и (что особенно важно для насъ) одновременно съ возникновеніемъ славянской письменности. Большія заставки въ рядовыхъ рукописяхъ не очень значительны по размѣрамъ и содержатъ либо (арабскаго происхожденія) комбинаціи простѣйшаго растительнаго мотива „вѣтки“ (см. рис. VIII) либо (древне-христіанскаго происхожденія) плетенье, которое на славянской почвѣ переходитъ въ глаголическія рукописи (македонскія и хорватскія). Въ роскошныхъ рукописяхъ заставки получаютъ особый и новый стиль, который есть стиль византійскій по преимуществу; на славянской почвѣ онъ переходитъ въ роскошныя рукописи кирилловской письменности (древнія восточноболгарскія и древнерусскія). Большія заставки этого византійскаго стиля имѣютъ раму выраженную (см. рис. 16), первоначально—въ видѣ невысокаго прямоугольника, нерѣдко имѣющаго внутри меньшій прямоугольникъ, въ коемъ помѣщается надпись; если этого нѣтъ, то заставка разчленяется внутри др. простѣйшими геометрическими средствами. Въ X вѣкѣ появляется, но до конца X вѣка малоупотребительна заставка съ прямоугольнымъ вырѣзомъ внизу (для надписи), а равно подобный типъ съ полукруглымъ вырѣзомъ; оба типа могутъ разчленяться внутренно тѣми-же способами, какъ болѣе старый прямоугольный типъ. Въ к. X—н. XI в. появляется прямоугольный типъ на колоннахъ; между колоннами пишутся заглавія и др. надписи. Съ XII вѣка полукруглый вырѣзъ бываетъ больше половины окружности, въ XIII-мъ вырѣзъ можетъ получать разчлененіе и подостреніе. Типы предыдущихъ эпохъ по большей части продолжаютъ существовать на ряду съ болѣе новыми. (рис. IX).

Переходимъ къ анализу мотивовъ большой заставки. По концамъ заставки могутъ ставиться: листокъ, почка, цвѣтокъ, вѣточка; иногда по сторонамъ заставки ставится по болѣе крупной вѣткѣ или по цѣлому стилизованному растенію; всѣ эти украшенія выходятъ изъ заставки, т.-е.

не отдѣлены отъ нея. Въ самой заставкѣ помѣщались иногда живописныя изображенія, напр. ликъ Христа въ круговой рамѣ; но, вообще говоря, это рѣдкій случай. Чаще помѣщались на верху заставки реально-художественныя изображенія животныхъ; наиболѣе распространенъ въ этомъ примѣненіи старый мотивъ римской мозаики: двѣ птицы по сторонамъ цистерны, сосуда или растенія. Всѣ измѣненія византійской большой заставки переходятъ сначала къ южнымъ славянамъ, потомъ въ Россію,

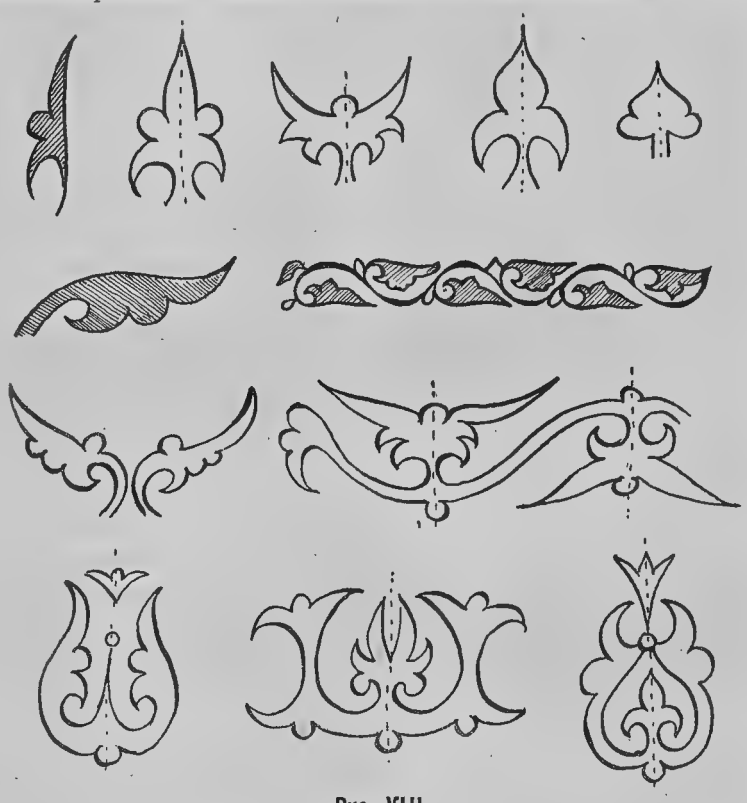
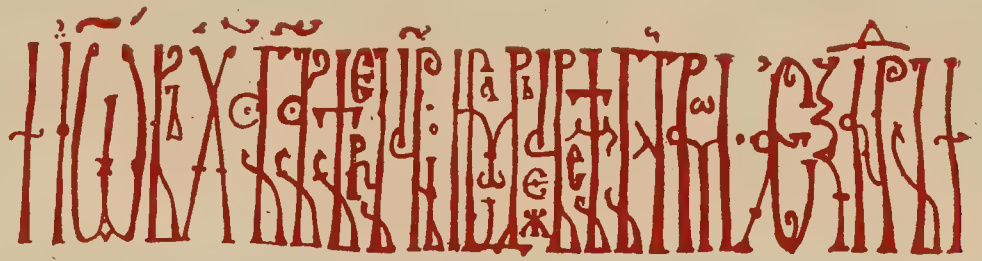
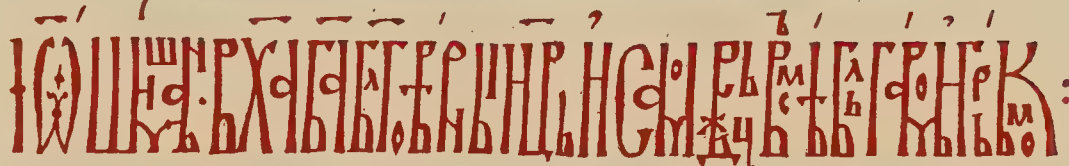


Рис. VIII.

въ которой они сказываются по б. ч. вѣкомъ позднѣе. Фонъ описанныхъ большихъ заставокъ въ роскошныхъ рукописяхъ обыкновенно золотой, на которомъ во всѣхъ внутреннихъ перегородкахъ писаны стилизованныя стеблистыя растенія и цвѣты; господствующія краски: бѣлая, голубая, розовая, листья—зеленые. Съ XII вѣка въ рукописяхъ менѣе роскошныхъ господствуютъ комбинаціи (и ранѣе извѣстнаго) мотива вѣтки (ср. рис. VIII) на красочномъ фонѣ или безъ фона. Еще



1. Грамота XIV в., болгарскаго царя Іо. Александра, царскій титулъ.

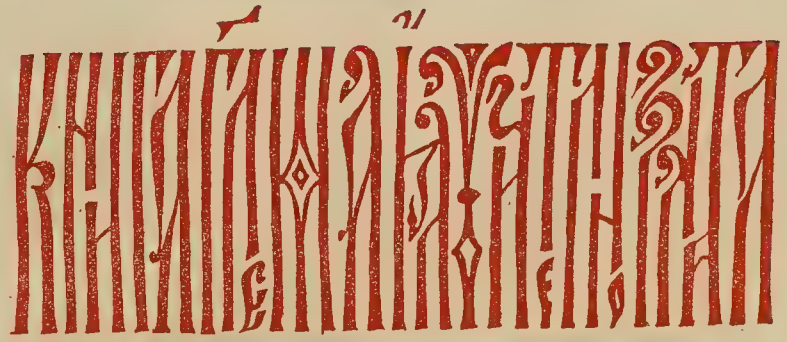


2. Грамота XIV в., болгарскаго царя Іо. Шишмана, царскій титулъ.

3. Русское Евангеліе XV вѣка, писано съ сербскаго оригинала (Историч. Музей).

4. Лицевой лѣтописный сводъ, работа мастеровъ Грознаго (Историч. Музей).

5. Новогородское Евангеліе XVI в. (Историч. Музей).



6. Псковскій Златоустъ XVI в. (Историч. Музей).

7. Максимъ Грекъ 1587 г. (Румянц. Музей, Унд. 487).

8. Синодикъ 1659 года (Историч. Музей).

9. Житіе Варлаама Хутынскаго 1689 г. (Историч. Музей).

10. Трефолой начала XIX вѣка (Историч. Музей).

11. Апокалипсисъ конца XIX вѣка (Историч. Музей).

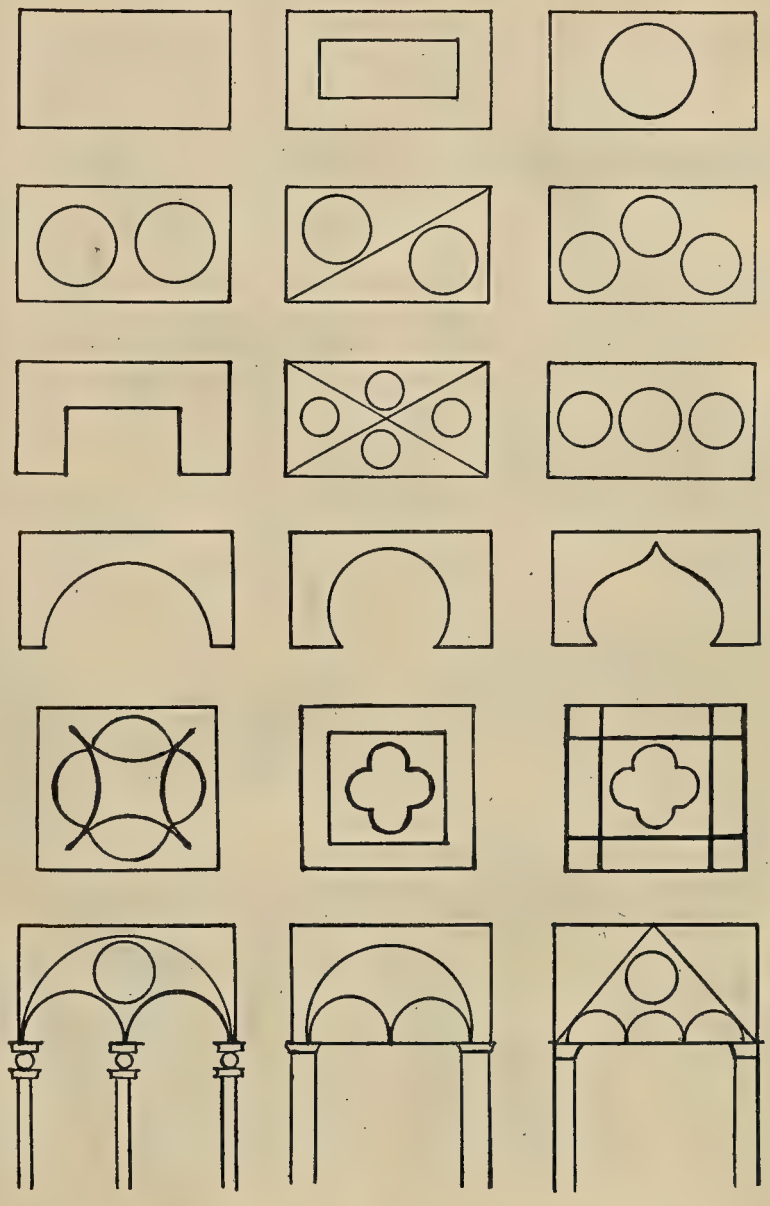


Рис. IX.

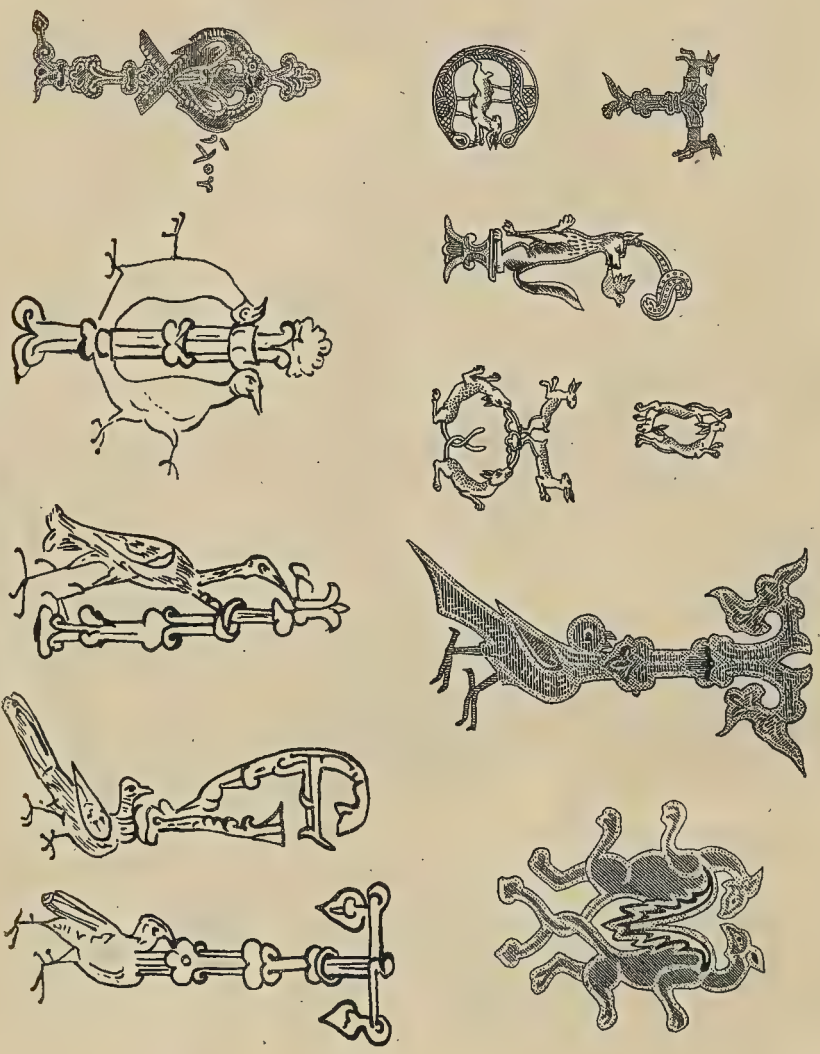


Рис. X. Византійскіе инищіалы.

болѣе простыя греческія рукописи (также съ X вѣка) представляютъ большія заставки, состоящія изъ жгутовъ и плетенья въ прямоугольныхъ рамахъ, отчасти выраженныхъ, отчасти невыраженныхъ. Это плетенье получено отъ древне-христіанскаго искусства, гдѣ оно извѣстно въ рѣзьбѣ и мозаикѣ. Съ XI вѣка количество такихъ плетеныхъ и жгутовыхъ заставокъ у византійцевъ увеличивается. Византійское плетенье въ свою очередь переходитъ къ славянамъ, у коихъ оно въ древнѣйшую эпоху особенно распространено въ глаголическихъ рукописяхъ.

§ 32. Греческій алфавитъ содержитъ геометрическій принципъ, ибо состоитъ изъ сочетаній прямыхъ линій и дугъ, и потому рамы византійскихъ иниціаловъ, какъ и рамы заставокъ, представляютъ основныя архитектурныя формы. Византійскіе иниціалы развиваются одновременно съ большими заставками. И въ иниціалахъ рама можетъ быть выражена и наполнена геометрическими мотивами, растительными мотивами или плетеньемъ, но рама иниціаловъ часто бываетъ невыраженная, а природные мотивы иниціаловъ кромѣ стилизованныхъ растеній очень часто представляютъ реально-художественныя изображенія растеній, животныхъ и человѣка (или ихъ частей) и при томъ въ такихъ комбинаціяхъ, которыя оставляютъ нетронутыми или почти нетронутыми основной рисунокъ буквы, въ чемъ можно убѣдиться, разсматривая такіе иниціалы на разстояніи. Здѣсь слѣдовательно буква является какъ бы каркасомъ для изображеній. Вотъ образцы такихъ буквъ: **А** стволъ дерева, слѣва на стволѣ долбящій дятелъ, иногда со ствола его заглатываетъ змѣя; **В** змѣя на стволѣ дерева: два большихъ извива и стволъ образуютъ букву; у **Є** язычекъ въ видѣ благословляющей руки; **Н М П**—двѣ человѣческія фигуры различно сближенныя оконечностями; **Л, Х** и **Ү** (т. е. υ) съ змѣиными головками на верхнихъ конечностяхъ; **Ү** деревцо, на немъ двѣ птички, головами врозь; **Ү** двѣ змѣи: хвосты сплелись жгутомъ, головы вверху и обращены другъ къ другу; **Ф** въ видѣ колоса съ двумя загнутыми внизъ листками; **Т** въ видѣ лисицы-продавца, несущей на шестѣ двухъ повѣшенныхъ пѣтуховъ; **ѡ** цвѣтокъ, на двухъ боковыхъ вѣтвяхъ—по птичкѣ и др., см. рис. X.

§ 33. Когда византійскій орнаментъ вмѣстѣ съ установленіемъ письменности переходилъ къ славянамъ, въ крупныхъ славянскихъ центрахъ возникали довольно точныя подражанія византійскому стилю, о чемъ свидѣтельствуютъ русскіе списки, восходящіе къ восточно-болгарскимъ рукописямъ X вѣка: Остромірово Евангеліе 1056—57 года и Изборникъ Святослава (собственно—Симеона) 1073 г. Тотъ же византійскій стиль заставокъ и иниціаловъ находимъ въ дотатарскій періодъ въ болѣе позднихъ роскошныхъ рукописяхъ, напр. въ Мстиславовомъ Евангеліи (писано ок. 1115—1117 г.) и др., недатированныхъ

Рис. XI. Заставки и иниціалы Саввиной книги.

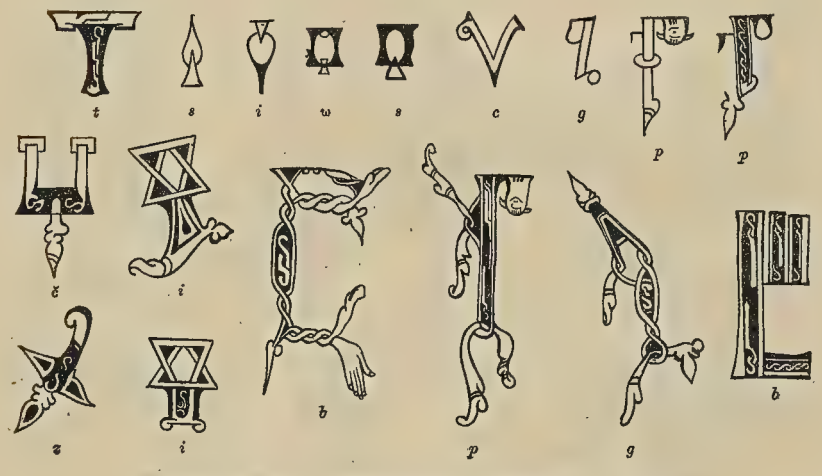


Рис. XII. Иниціалы глаголическаго Синайскаго требника.

русскихъ памятникахъ до нач. XIII вѣка включительно. Но надолго и у всей массы славянскихъ писцовъ и рисовальщиковъ ни основной принципъ византійскаго орнамента, ни его высокая техника не могли удержаться. Народные мастера вообще стояли дальше отъ цареградскихъ оригиналовъ, нежели каллиграфы Преслава, Кіева и Новгорода. Народные мастера *упрощали произведенія цареградскаго стиля*, примѣшивали къ нему *народно-фантастическіе мотивы*, а въ иніціалахъ отчасти нарушали каркасъ; тѣ же явленія встрѣчаются, хотя не часто, и въ *провинціальныхъ византійскихъ рукописяхъ*, которыя своими орнаментами также могли вліять на славянъ (напр. въ монастыряхъ Аѳона и вообще въ сферѣ непосредственнаго вліянія греческой церкви). Это порождало орнаменты упрощеннаго и огрубѣвшаго, но въ принципѣ все еще византійскаго стиля, т. к. всѣ мотивы были византійскаго происхожденія, нарушенія каркаса были не слишкомъ значительны, и какой нибудь новый общій принципъ не возникалъ изъ указанныхъ перемѣнъ. Орнаментъ этого рода называютъ *варварской разновидностью византійскаго стиля*, а также *переходной манерой*. Эта манера называется такъ потому, что не представляя самостоятельнаго стиля, она въ то же время составляетъ переходъ отъ стиля византійскаго къ стилю тератологическому, о коемъ ниже. Древнеболгарская *Саввина книга* XI вѣка—характерный памятникъ этой варварской манеры: грубо рисованныя и небольшія заставки Саввиной книги состоятъ изъ узкихъ полосокъ жгута или простѣйшихъ геометрическихъ мотивовъ, иногда съ края такой заставки вмѣсто вѣтки находимъ ушастую морду, а иніціалы той же рукописи содержатъ фантастическое животное и фантастическое растеніе (см. рис. XI, иніціалы **Р** и **В**). Нѣсколько причинъ вызывало эту „варварскую“ манеру: простое непониманіе деталей византійскаго мотива, огрубѣніе рисунка при копировкѣ, наклонность обращать растительныя формы въ звѣриныя: простѣйшій народный пріемъ, состоящій въ пририсовкѣ глаза, ушей, хвоста, обращалъ плетенье въ змѣю, а вѣтку—въ звѣря. Глаголическія рукописи XI вѣка изобилуютъ жгутами и плетеньемъ, а глаголическіе иніціалы своими странными очерками прямо вносили смутно-фантастическія представленія (рис. XII). То и другое переходило въ кирилловскія копіи. Эта „варварская“ манера должна была существовать въ болгарскихъ областяхъ уже въ X вѣкѣ, ибо мы находимъ ее въ „XIII словахъ Григорія Богослова“—русскомъ спискѣ XI вѣка съ древнеболгарскаго оригинала; несомнѣнно, что орнаменты этой рукописи только перерисованы въ Россіи, ибо самостоятельное развитіе варварской манеры начинается въ Россіи въ XII вѣкѣ. Эта „варварская манера“ въ Россіи XII вѣка не представляетъ явленій столь грубаго народнаго характера, какой мы находимъ напр. въ старославянской Саввиной книгѣ XI вѣка.

§ 34. **А.** Тератологическій стиль,[1]) сложился въ иниціалѣ и здѣсь долженъ быть изучаемъ въ своихъ свойствахъ. Тератологическій иниціалъ принципіально отличается отъ византійскаго отрицаніемъ геометрическихъ рамъ и каркасовъ. Это—первый существенный признакъ тератологіи. Переходная манера еще сохраняла то и другое, отличаясь отъ византійскаго стиля главнымъ образомъ начавшейся переработкой мотивовъ. Тератологическій иниціалъ, наслѣдовавъ и развивъ далѣе мотивы переходной эпохи, далъ мотиву „живаго существа“ (змѣя, птица, четвероногое, позднѣе—человѣкъ) не только вполнѣ свободное, но прямо самостоятельное значеніе, т.-е. обратился въ извѣстнаго рода миніатюру, вслѣдствіе чего буква даже на разстояніи является неузнаваемой или узнается съ трудомъ. Эта нечеткость иниціала вызвала къ жизни новый пріемъ: новгородскіе тератологическіе иниціалы XIV вѣка нерѣдко изображаютъ контуръ буквы не самымъ рисункомъ, а его фономъ напр. голубое пятно **В** и на немъ тератологическая фигура. Второй существенный признакъ тератологіи состоитъ въ томъ, что старые мотивы „живаго существа“, „плетенья“ и „растенія“ ранѣе раздѣльные, теперь слились неразрывно, образуя фантастическій образъ. Пояснимъ это примѣромъ.—Византійскій иниціалъ **Р** состоялъ изъ столбика и полукруга; рама могла быть выраженной и невыраженной; въ первомъ случаѣ въ столбикъ могла быть вписана полоска жгута или листвы, въ полукругъ—человѣческое лицо; во второмъ случаѣ вся буква могла быть изображена въ видѣ змѣи, поднявшейся вверхъ и изогнувшей голову полукругомъ; или столбикъ могъ быть сохраненъ, а головка буквы изображена въ видѣ загнувшейся вѣтки. Переходный иниціалъ **Р** состоялъ изъ столбика, а вѣтка вверху, получивъ глазъ и уши, обращалась въ звѣриную морду. Тератологическій иниціалъ изображаетъ **Р** въ видѣ стоящаго чудовища съ хвостомъ въ видѣ вѣтки, съ плетенымъ жгутовымъ тѣломъ и съ небольшой головкой; такое **Р** неотличимо отъ **І**. Или тератологическій иниціалъ изображаетъ **Р** въ видѣ чудовищной птицы: крыло и хвостъ ея—внизу и направлены влѣво; невѣроятно длинная шея идетъ вверхъ и, выпустивъ вѣтку, дѣлаетъ петлю вправо: чудовищная морда обратившись назадъ пытается перегрызть собственную шею.[2])

В. Тератологія всего ранѣе сложилась у болгаръ и, по историческимъ условіямъ, здѣсь образовались два областныхъ разряда,—тератологія на-

---

[1]) ср. греческое téras „чудовище“; терминъ „тератологическій стиль“ введенъ въ исторію искусства Буслаевымъ.

[2]) Отдѣльные тератологическіе мотивы (т. е. отдѣльные случаи неразрывнаго сочетанія мотивовъ живаго существа, растенія и плетенья) находимъ въ Россіи еще въ XII вѣкѣ. Но эти рѣдкія новообразованія еще не дѣлаютъ въ орнаментѣ стиля, т. е. общаго принципа.

родная и техническая. Оба разряда возникли вѣроятно въ XII вѣкѣ, процвѣтали въ XIII и начали падать въ XIV-мъ. Тератологія народная возникла въ Македоніи, гдѣ славянская письменность въ XII—XIV вѣкѣ была лишена постояннаго и крупнаго центра. Тератологія техническая возникла въ Восточной Болгаріи и оттуда съ начала XIII вѣка стала переходить въ Россію, не вытѣсняя ни византійскаго стиля ни переходной манеры. Оба разряда болгарской тератологіи сходятся въ отрицаніи рамъ и каркасовъ, а равно въ спайкѣ мотивовъ, но рѣзко различаются между собою по содержанію мотивовъ. Народная тератологія основана на народныхъ рисункахъ переходной манеры: мотивѣ глаза, ушей и хвоста, коими плетенье обращено въ змѣю, а вѣтка въ ушастую морду. Мотивъ змѣи господствующій: онъ образуетъ кромѣ иниціаловъ также заставки. Только во второй половинѣ XIII вѣка въ иниціалѣ народной тератологіи появляется (въ огрубѣвшемъ видѣ) птица, заимствованная у тератологіи технической, или восточно-болгарской. Техническая тератологія основана на иниціалахъ, содержавшихъ мотивы плетеные, растительные и животные, причемъ стиль выработался главнымъ образомъ на иниціалахъ **Б**, **В**, **Г**, **Р**, всего чаще встрѣчаемыхъ въ славянскихъ украшаемыхъ церковныхъ книгахъ (Евангеліи, Апостолѣ, Псалтыри). Въ отличіе отъ византійскаго стиля и переходной манеры, употребляющихъ свои мотивы раздѣльно и умѣренно, техническая тератологія употребляетъ ихъ въ неразрывныхъ и сложныхъ комбинаціяхъ. Типичный иниціалъ технической тератологіи представляетъ птицу или звѣря (четвероногое), выбрасывающихъ изо рта листву и опутанныхъ плетеньемъ, исходящимъ изъ хвоста (или, у птицы,—также изъ крыла). Тератологическая заставка техническаго разряда сложилась изъ симметричнаго соединенія двухъ такихъ иниціаловъ, получившихъ общую прямоугольную раму съ плетеными узлами по концамъ и по срединѣ верха. Эта техническая тератологія предполагаетъ болѣе умѣлыхъ рисовальщиковъ и слѣдовательно—болѣе роскошныя рукописи и болѣе крупные культурные центры, что вмѣстѣ взятое находимъ вновь только въ Восточной Болгаріи съ самаго конца XII вѣка (второе болгарское царство). Но восточно-болгарскія рукописи этой эпохи не дошли до насъ. Мы судимъ о восточно-болгарской технической тератологіи по копіямъ: по русскимъ рукописямъ XIII вѣка и по македонской Болонской псалтыри, писанной въ Охридѣ въ такое время (1230—1241), когда этимъ городомъ владѣлъ царь Восточной Болгаріи Іоаннъ Асѣнь II. Эти копіи близко сходятся не только въ мотивахъ и общихъ схемахъ иниціаловъ и заставокъ, но также въ краскахъ: употребляются краски красная, зеленая, желтая—отчасти врозь, отчасти двѣ и три одновременно. Въ XIV вѣкѣ въ Восточной Болгаріи одновременно распространяются два стиля: при дворѣ—стиль неовизантійскій, у

всей массы провинціальныхъ и народныхъ каллиграфовъ—такъ называемый балканскій или плетеный стиль; оба эти стиля получены изъ Византіи, гдѣ они стали модными въ XIII вѣкѣ. Объ этихъ стиляхъ говорится нѣсколько ниже, по поводу ихъ перехода въ Россію. Въ срединѣ XIV вѣка при дворѣ царя-книголюбца Іоанна Александра возникли (сохранившіяся и до нашихъ дней) роскошныя лицевыя рукописи, изъ коихъ одна, такъ называемая Псалтырь Томича, содержитъ также орнаменты: въ заставкахъ ея уже господствуетъ ново-византійскій стиль (чистый и съ болгарскою примѣсью), въ инціалахъ-же проходятъ, чередуясь, два стиля: ново-византійскій и другой высокохудожественный стиль, объединяющій элементы византійскіе и западные съ единственнымъ тератологическимъ пережиткомъ: мотивомъ красивой змѣиной головки съ вѣткою въ пасти.

§ 35. Россія XIII вѣка живетъ преимущественно болгарской технической тератологіей въ мотивахъ и колоритѣ, и т. о. господствующей краской является красная, желтая и зеленая (одновременно или порознь). Но съ конца XIII вѣка[1]) въ Россіи появляется иная, болѣе гармоничная раскраска: безцвѣтныя (какъ и ранѣе) изображенія въ красныхъ (киноварныхъ) контурахъ съ легкой оттѣнкой желтыми черточками, выступаютъ на голубовато-зеленомъ, ярко-голубомъ, а съ XIV вѣка на спокойномъ сѣро-голубомъ фонѣ. Этотъ послѣдній колоритъ справедливо считается господствующей особенностью рукописей Новгородской области XIV вѣка; рукописи Псковскія, западно-русскія XIV вѣка, а равно Московское Евангеліе 1339 года (Сійское) представляютъ борьбу стараго болгарскаго колорита съ новымъ новгородскимъ, а напр. рязанскія рукописи съ тератологическимъ орнаментомъ совсѣмъ не имѣютъ сѣро-голубого фона, а по большей части, только зеленый. Рязанская область ещё замѣчательна и тѣмъ, что въ ней тератологическій орнаментъ употребляется еще и въ XV и XVI вѣкахъ, между тѣмъ какъ сѣвернѣе и западнѣе онъ (кромѣ незначительныхъ переживаній) исчезаетъ еще въ началѣ XV вѣка подъ напоромъ югославянскихъ вліяній. Съ начала XIV вѣка—въ инціалахъ, а потомъ и въ заставкахъ, русскихъ рукописей появляются цѣльныя (т.-е. съ оконечностями) профильныя человѣческія фигуры тератологическаго стиля; это новый мотивъ, какого не имѣла болгарская техническая тератологія. Въ византійскомъ орнаментѣ и въ переходной манерѣ встрѣ-

---

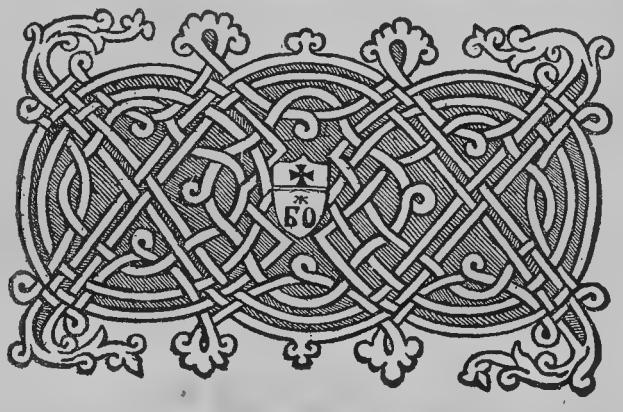
[1]) Румянцовская (№ 105) Псалтырь 1270-го года рисункомъ и красками своего орнамента близко сходится съ болгарскою Болонской псалтырью 13 вѣка, но въ то-же время этою Псалтырью 1270 г. впервые точно датируются слѣдующія явленія въ инціалѣ русской тератологіи: 1) мотивъ птицы съ профильною человѣческою головою, 2) фономъ, а не рисункомъ инціала обозначается иногда контуръ буквы, 3) голубая краска кое-гдѣ встрѣчается въ инціалахъ.

Заставка и инициалы Болонской псалтыри XIII в.

Иниціалы Болонской псалтыри XIII в.

чались иниціалы съ человѣческимъ лицомъ въ петлѣ буквы или съ цѣльными, но свободными человѣческими фигурами. Въ тератологіи несвободныя человѣческія фигуры (неразрывно связанныя съ плетеньемъ) появляются только въ Россіи съ начала XIV вѣка.

§ 36. Югославянское вліяніе вытѣсняетъ тератологію въ западно-русскомъ, Московскомъ и Новгородскомъ государствѣ съ начала XV вѣка; взамѣнъ того распространяются орнаменты двухъ стилей: нововизантійскій и балканскій. Въ Новгородѣ, Москвѣ и др. крупныхъ центрахъ великорусской жизни постепенно прививается византійскій орнаментъ, состоящій изъ стилизованныхъ растеній на золотомъ фонѣ въ рамкахъ геометрическаго характера. Этотъ орнаментъ, переносимый изъ Болгаріи и Византіи, въ подробностяхъ нѣсколько отличается отъ болѣе древняго византійскаго орнамента того же характера (такъ напр. внутреннее расчлененіе рамки бываетъ теперь сложнѣе, а въ Россіи при этомъ сказывается нерѣдко также вліяніе новаго западнаго циркульнаго черченія) и называется обыкновенно нео-византійскимъ орнаментомъ. Изъ XV вѣка сохранилось очень мало русскихъ рукописей этого стиля, но въ XVI вѣкѣ онъ господствуетъ въ роскошныхъ рукописяхъ Московскаго государства: въ эпоху Грознаго нововизантійскій стиль въ Москвѣ и Новгородѣ остается орнаментомъ высшихъ классовъ.



Балканскій стиль орнамента.

Рис. XIV. Служебникъ Божидара Вуковича, старопечатный, сербскаго извода, Венеція 1519 и 1554.

§ 37. Въ Западной и Юго-западной Руси и въ самомъ Московскомъ государствѣ господствуетъ въ XV-омъ вѣкѣ главнымъ образомъ жгутовой и плетеный орнаментъ, который, въ виду своего широкаго распро-

страненія у южныхъ славянъ и у румынъ въ XIV—XV вѣкахъ, называется также балканскимъ орнаментомъ. Мотивы этого орнамента: жгуты, плетенье въ прямую клѣтку, плетеныя ленты, плетенье изъ круговъ, безконечная восьмерка и др.; иногда ремни этихъ плетеній изображены реальнѣе, иногда геометричнѣе. Въ простыхъ рукописяхъ это контурные узоры, выведенные киноварью, въ болѣе роскошныхъ—господствуетъ очень пестрая раскраска съ преобладаніемъ болгарскихъ тоновъ—краснаго, желтаго, зеленаго. Какъ сказано, въ XV вѣкѣ этотъ стиль всего болѣе распространенъ и въ великорусскихъ рукописяхъ, м. т. к. неовизантійскій стиль только еще прививается, сначала—въ своемъ болгарскомъ варіантѣ, потомъ въ болѣе строгихъ образцахъ, идущихъ изъ Византіи.

Въ рукописяхъ западной и юго-западной Руси балканскій стиль господствуетъ и въ XVI вѣкѣ, при чемъ въ зап. и югозап. роскошныхъ рукописяхъ находимъ болѣе красивое, на золотомъ фонѣ, плетенье румынскаго происхожденія, а не народное болгарское. Въ XVI вѣкѣ въ югозападныхъ рукописяхъ появляется иногда чисто италіанскій орнаментъ „Высокаго Возрожденія“.

§ 38. Въ Московскомъ государствѣ подъ вліяніемъ орнаментовъ Московскихъ печатныхъ книгъ XVI вѣка внутри нео-византійской заставки появляются „клейма“ (узорныя рамки) старопечатнаго стиля, т.-е. содержащія какъ главный мотивъ крупныя травы, иногда съ стилизованными плодами или цвѣтами, исполненныя черной краской. По стилю эти травы относятся къ орнаменту нѣмецкаго Возрожденія. При Грозномъ, съ конца 60-хъ годовъ, такъ украшаются рѣдкіе роскошные или любительскіе экземляры. Но по возстановленіи книгопечатанія въ Москвѣ, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ нововизантійская заставка съ старопечатными клеймами становится довольно распространенной модой.

§ 39. **А.** Послѣ смутнаго времени византійскій стиль быстро исчезаетъ, а старопечатный стиль начинаетъ господствовать какъ въ заставкахъ, такъ и въ иниціалахъ. Старопечатный стиль есть главный стиль русскаго XVII-го вѣка; при этомъ находимъ раскраску двухъ родовъ: 1) травы бѣлыя въ черномъ полѣ исполнены въ гравюрной манерѣ, т. е. съ легкою штриховкой, а иногда съ немногими золотыми или киноварными линіями; или же наоборотъ поле бѣлое съ черными травами; въ обоихъ случаяхъ, какъ въ старопечатныхъ книгахъ, одна главная краска—черная, а бѣлыя части рисунка образуетъ некрашеная поверхность бумаги. 2) Тѣ же травы старопечатнаго характера являются въ бѣломъ, черномъ золотомъ или красочномъ полѣ, а сами онѣ слегка или сплошь расцвѣчены разными красками. Оба вида раскраски переходятъ и въ XVIII вѣкъ, но раскраска разноцвѣтная въ XVIII вѣкѣ преобладаетъ.

Рис. XV. Апостолъ старопечатный, Москва 1638 г., 1°.

Рис. XVI. Аѳеологіонъ старопечатный, Москва 1706 г.

Рис. XVII. Апостолъ старопечатный, Москва 1638 г., 1°.

Въ самомъ концѣ XVII вѣка и началѣ XVIII-го въ Москвѣ печатались на особыхъ листахъ и продавались заставки-рамки (въ листъ и въ четвертку) мелко-травнаго рисунка того же старопечатнаго стиля: такіе листы вклеивались въ рукописи въ качествѣ заглавныхъ листовъ.

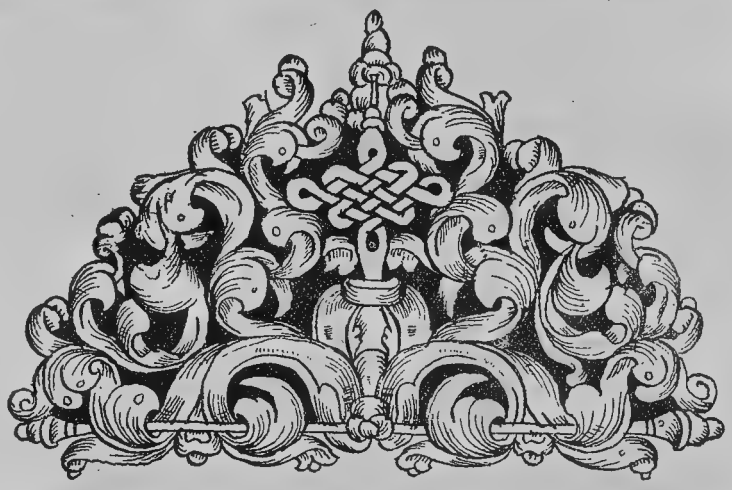


Рис. XVIII. Изъ русской рукописи 2-ой половины XVII в. (Собр. Барсова II. 5) Старопечатный стиль съ пережиткомъ балканскаго плетенья.

Въ старопечатныхъ книгахъ, коихъ орнаменты служили образцами для рукописей, заставки главныхъ отдѣловъ имѣли прямоугольную раму, а заставки отдѣловъ второстепенныхъ часто состояли изъ травъ, свободно поднимающихся вверхъ съ горизонтальной черты, служащей имъ основаніемъ. Съ середины XVII вѣка въ русскихъ рукописяхъ свободныя травы, безъ рамы, являются и въ видѣ главной заставки (ср. рис. XVIII).

§ 39. **В.** Но на ряду съ старопечатными травами со второй половины XVII вѣка въ заставкахъ и иниціалахъ Московскаго государства появляется орнаментъ стиля барокко, т.-е. западный орнаментъ XVII вѣка. Этотъ стиль зарождается въ Италіи еще въ XVI вѣкѣ (ср. рис. XVIII, XIX), но приходитъ къ намъ въ своемъ нѣмецкомъ и польскомъ варіантахъ и во второй половинѣ XVII вѣка становится моднымъ при Московскомъ дворѣ и у патріарха, т. е. представленъ въ немногихъ роскошныхъ рукописяхъ, украшенныхъ иноземцами или ихъ русскими учениками. Барокко можетъ заключать въ себѣ разные растительные мотивы и между прочимъ изображенія реальныхъ растеній—листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ, но только въ неразрывномъ сочетаніи съ мотивами

высшей (аналитической) геометріи: элипсисомъ, спиралью, а равно ихъ частями, съ излюбленными ломанными поворотами. Съ практической точки зрѣнія это—узоры, сущность которыхъ составляютъ кривыя и ломанныя линіи, найденныя на лекалѣ (лекала есть особая узорная линейка, которою пользуются и современные техническіе рисовальщики); это тѣ узоры, которые на западѣ съ конца XVI и въ теченіе всего XVII вѣка появляются въ украшеніи архитектурныхъ деталей—фронтоновъ, карнизовъ, наличниковъ, а равно во всѣхъ отрасляхъ художественной промышленности—въ лѣпкѣ, рѣзьбѣ, прорѣзи, чеканкѣ и т. д. Барокко въ теченіе XVII вѣка господствуетъ въ предѣлахъ Польши, въ южно-русскихъ и западно-русскихъ старопечатныхъ изданіяхъ. Въ Москвѣ чистый, или западный барокко, появившись въ срединѣ XVII вѣка,

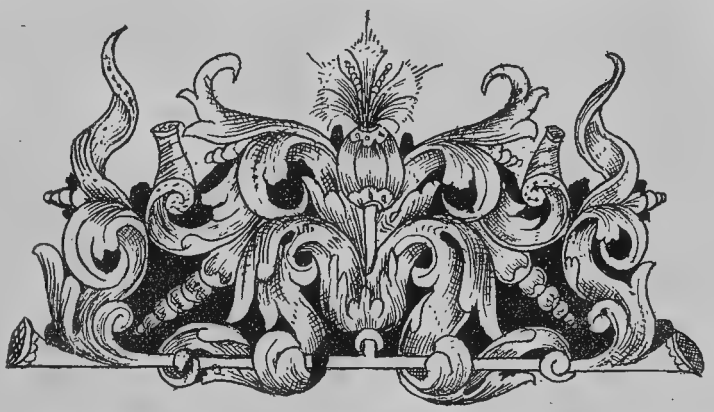


Рис. XIX. Изъ русской рукописи 2-ой половины XVII в. (собр. Барсова II. 5) Старопечатный стиль съ элементами барокко.

оставался новою модою верховъ. Отъ чистаго, или западнаго барокко слѣдуетъ однако отличать барокко московскій или смѣшанный: какъ, съ начала московскаго книгопечатанія, въ нововизантійскую заставку врываются клейма старопечатныхъ травъ, такъ съ середины XVII вѣка въ Москвѣ отдѣльные мотивы барокко проникаютъ въ старопечатную травную заставку. Сначала это наблюдается въ московскихъ печатныхъ изданіяхъ: въ травной заставкѣ этихъ изданій появляются священныя изображенія въ элиптическихъ или узорныхъ клеймахъ стиля барокко, или-же вычурныя линіи стиля барокко сплетаются съ травами заставокъ. Подъ конецъ вѣка такое смѣшеніе вообще распространено въ великорусскихъ рукописяхъ. Въ царскихъ и патріаршихъ рукописяхъ второй половины XVII вѣка этотъ смѣшанный, или Московскій барокко даетъ

Рис. XX. Италіанскій заглавный листъ средины XVI в., гравировалъ Себастіано Серліо († 1552).

Рис. XXI. Зосима и Савватій съ дѣяніемъ, русская гравюра средины XVIII в., грубый барокко голландскаго происхожденія.

Рис. XXII. Русская гравюра к. XVII—нач. XVIII в.—образецъ Московскаго роскошнаго барокко той эпохи.

роскошный варіантъ: къ черной и цвѣтнымъ краскамъ присоединяется золото: въ одной и той-же заставкѣ, раздѣленной на поля вычурными линіями барокко и имѣющей въ центрѣ узорное клеймо, находимъ травы бѣлыя или разноцвѣтныя въ золотомъ полѣ, или травы золотыя и черныя въ полѣ бѣломъ или красномъ. Непосредственно изъ этого раскошнаго варіанта московскаго барокко вырабатывается нѣсколько упрощенный, но очень близкій къ нему поморскій стиль орнамента, который процвѣтаетъ въ старообрядческой каллиграфіи всего сѣвера и востока Россіи въ теченіе XVIII-го и XIX вѣка. Поморскому стилю свойственны: золотой фонъ и бѣлыя или разноцвѣтныя травы, пересѣченныя вычурными линіями. Наряду съ поморскимъ стилемъ въ XVIII вѣкѣ продолжаетъ жить простой московскій барокко. Вообще барокко въ теченіе всего XVIII вѣка болѣе любимъ въ русскихъ рукописяхъ, нежели чистый старопечатный стиль. Наряду съ стилизованными старопечатными травами въ XVIII вѣкѣ появляются въ Россіи болѣе реальныя нѣмецкія травы XVIII вѣка, отчасти крупныя и пушистыя, отчасти мелколистныя. Вкусъ къ стилю барокко поддерживается въ Россіи XVIII вѣка многочисленными произведеніями церковной печати, расходящимися по всей странѣ.

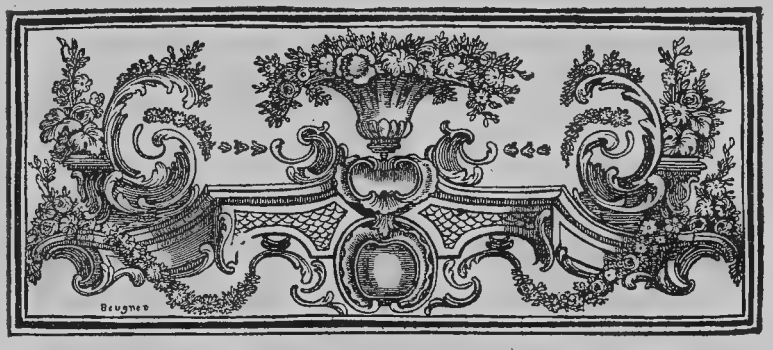


Рис. XXIII. Изъ книги M. Le Clerc, Histoire de la Russie ancienne, 1783. переходъ отъ роккоко къ стилю Людовика XVI (та-же заставка и въ др. франц. книгахъ к. XVIII в.).

§ 40. Въ XVIII вѣкѣ богатое орнаментальное творчество проявляетъ Франція. Французскіе стили орнамента называются обыкновенно по эпохамъ правленія; къ XVIII вѣку относятся: стиль Регентства, стиль Людовика XV, стиль Людовика XVI. Послѣднимъ оригинальнымъ французскимъ стилемъ былъ Empire, или стиль имперіи Наполеона I. Французскіе стили орнамента, проникая въ высшіе классы русскаго общества,

сравнительно мало отражаются въ тѣхъ рукописяхъ, которыя служатъ только необразованнымъ классамъ. Къ французскимъ стилямъ XVIII вѣка принадлежитъ также „роккоко.“ Роккоко состоитъ изъ разнообразныхъ сочетаній только одного мотива, который восходитъ къ раковинѣ, взятой въ профиль, и общей схемою напоминаетъ человѣческое ухо[1]). Роккоко не имѣетъ выраженной рамы и лишь нехотя, подобно стелющимся растеніямъ, придерживается естественныхъ границъ поверхностей (книжныхъ листовъ, оконъ, дверей и воротъ, контуровъ всевозможной мебели и утвари), образуя несимметричныя клейма элиптической, овальной, грушевидной формы. Въ Россіи стиль роккоко появляется съ Елизаветы Петровны (1741—1761) въ бытовой обстановкѣ высшаго общества. Роккоко распространено еще и при Екатеринѣ II и въ эту эпоху проникаетъ между прочимъ въ книги церковной печати, гдѣ оно сначала соединяется съ предыдущими стадіями орнамента: старопечатными травами и линіями стиля барокко (рис. XXVI). Нѣсколько позднѣе роккоко является въ церковной печати въ чистомъ, но довольно грубомъ видѣ, который указываетъ на нѣмецкій источникъ (рис. XXVII).

Орнаментъ Людовика XVI-го есть кратковременное возвращеніе къ роскошнымъ, и въ то-же время простымъ, мотивамъ Высокаго италіанскаго Возрожденія (нач. XVI вѣка). Орнаментъ Empire есть воскрешеніе римскаго орнамента императорской эпохи. Естественно, что въ томъ и другомъ стилѣ является и нѣчто оригинальное, отличающее его отъ источника. Оба стиля заключаютъ въ себѣ огромное количество мотивовъ и кромѣ того, восходя къ родственнымъ источникамъ, имѣютъ много мотивовъ общихъ. Различеніе стилей Людовика XVI и Empire возможно на основаніи нѣкоторыхъ любимыхъ мотивовъ того и другого, но точное опредѣленіе обоихъ стилей возможно лишь по ихъ общей тенденціи.

Въ выборѣ и комбинаціи мотивовъ ясно сказывается совершенно различная цѣль обоихъ стилей: стиль Людовика XVI есть орнаментъ частной жизни, стиль Empire—орнаментъ оффиціальный. Стиль Людовика XVI есть спокойная и красивая роскошь старой аристократіи, стиль Empire—холодная помпа новой имперіи и выдвинутаго ею новаго общественнаго класса. Орнаментъ Людовика XVI реально-жизнерадостный, чуждый всякой символики: какъ въ жизни, такъ и въ книгѣ онъ изображаетъ роскошную частную обстановку и при томъ обстановку пирше-

[1]) Этотъ мотивъ ясно выступаетъ въ стилѣ Регентства и (особенно) въ стилѣ Людовика XV. Основнымъ этотъ мотивъ становится подъ рукою такихъ мастеровъ, какъ ювелиръ и декораторъ Juste Aurelle Meissonier († 1750), котораго современники считали изобрѣтателемъ стиля роккоко. Сложившійся стиль роккоко въ менѣе художественномъ, но типичномъ видѣ особенно широко распространился въ Германіи.

ELISABETHA PETROWNA
Rufsorum Imperatrix.
nat: d. 29. Dec. 1709.

Рис. XXIV. Аугсбургская гравюра средины XVIII в.

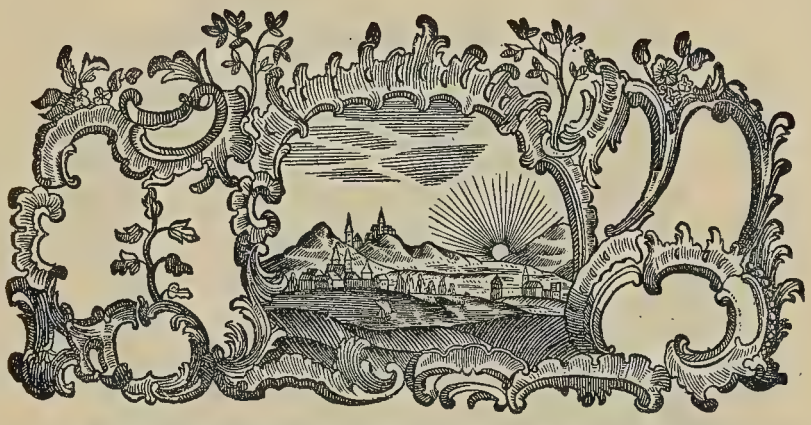


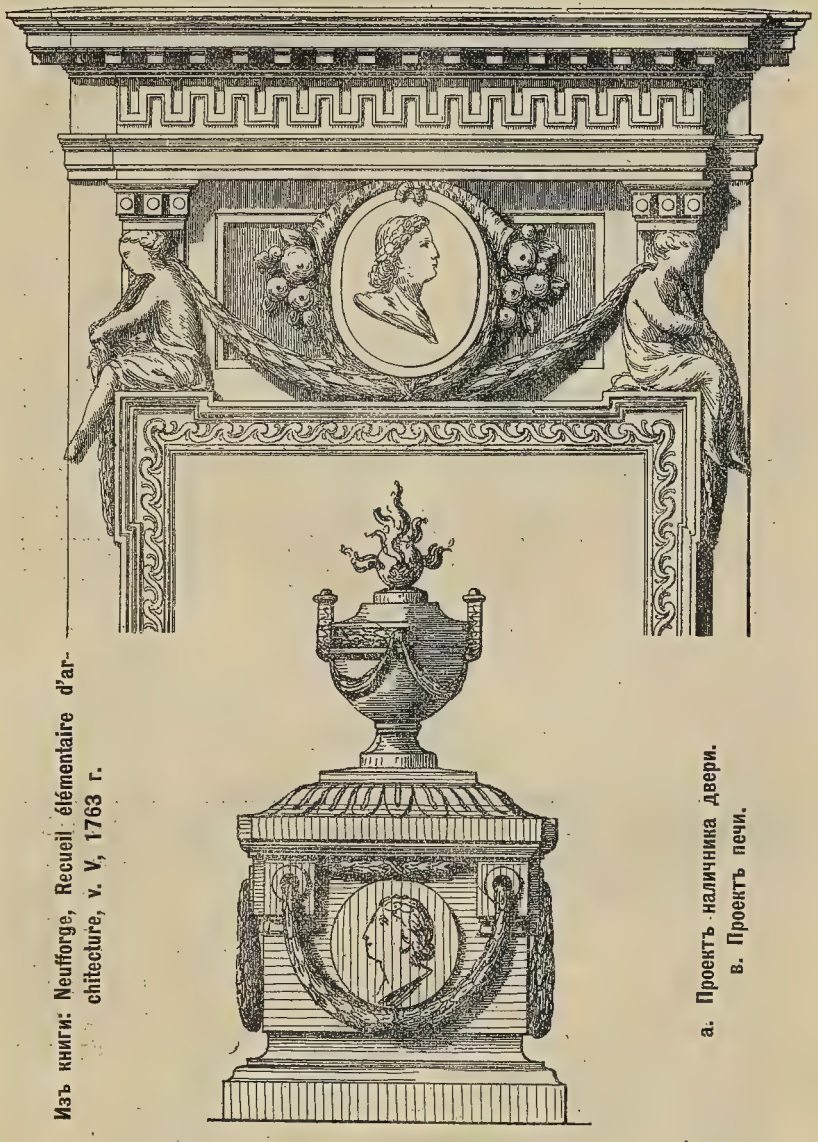
Рис. XXV. Изъ книги „Georg Rumphs, Amboinische Raritätenkammer“, Вѣна 1766 г.

Рис. XXVI. Изъ Служебника 1767 года, Москва, 4º.

Рис. XXVII. Изъ книги церк. печати: Соч. Дм. Ростовскаго ч. IV, Москва 1786 г., 4º.

ственную: желобчатыя колонны и пилястры съ роскошными капителями коринѳскаго остролистника; античные меандры по архитектурнымъ линіямъ; легкія балюстрады по карнизамъ и между окнами; каріатиды; статуи и вазы расположенныя по карнизамъ, въ нишахъ, простѣнкахъ, у подножія колоннъ; вѣнки и гирлянды изъ лавра и розъ; рога изобилія и корзины, полныя плодовъ и цвѣтовъ. Въ книжномъ орнаментѣ вазы, гирлянды и цвѣты (особенно—розы) являются любимыми мотивами стиля Людовика XVI. Въ годы великой революціи французскій орнаментъ становится символическимъ: онъ черпаетъ изъ римскаго орнамента его политическія и военныя эмблемы. Изъ стиля Революціи прямо вытекаетъ стиль Имперіи: республиканскіе символы смѣняются императорскими (напр. фригійская шапка—орломъ); военные символы остаются, принимая главнымъ образомъ побѣдный характеръ; возникаетъ цѣлая система символовъ государственной, общественной, церковной, торговой, промышленной, научной и художественной дѣятельности и природныхъ явленій. Преобладаютъ однако эмблемы государственныя и военныя. Архитектура стиля Empire, простая и холодная, воспроизводитъ основныя формы античнаго храма съ дорическими колоннами. Стилю Имперіи свойственно монотонное, почти скупое примѣненіе неисчерпаемыхъ декоративныхъ мотивовъ начала Римской имперіи и отчасти греческихъ. Полоски остролистника, пальметки, скромные вѣнки и гирлянды изъ дубовой или лавровой листвы, изображеніе античныхъ доспѣховъ и оружія, медальоны со сценами, заимствованными съ античныхъ барельефовъ или вазъ, грифоны, сфинксы—вотъ любимые мотивы стиля Empire; рама стиля Empire—всегда простая и строго архитектурная; мотивы разбросаны въ ней не свободно, а въ строгой и простой симметріи.

Всѣ эти французскіе стили рѣдки въ народныхъ рукописяхъ уже потому, что они требовали большаго художественнаго навыка. Но всѣ эти французскіе стили можно встрѣтить въ альбомахъ, сборникахъ стиховъ и др. рукописяхъ, служившихъ культурному классу. Что касается русской архитектуры и бытовой обстановки высшихъ классовъ, то здѣсь знакомство съ французскими стилями имѣетъ существенную важность: стиль Людовика XVI широко распространяется въ этихъ областяхъ при Екатеринѣ II, стиль Имперіи при Александрѣ I. Слѣдуетъ помнить, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, мы имѣемъ лишь начальныя, или отправныя даты; такъ напр. роккоко, появившись въ срединѣ XVIII вѣка, не исчезало у насъ цѣлыхъ сто лѣтъ, продолжая жить наряду съ стилями, появившимися позднѣе, и отчасти вступая съ ними въ сложныя комбинаціи. Равнымъ образомъ стиль Имперіи продолжаетъ господствовать въ Россіи и при Николаѣ I. Эти поздніе варіанты стилей роккоко и Имперіи имѣютъ, разумѣется, свои особенности.



Изъ книги: Neufforge, Recueil élémentaire d'architecture, v. V, 1763 г.

а. Проектъ наличника двери.
в. Проектъ печи.

Рис. XXVIII. Стиль Людовика XVI.

СТИЛЬ EMPIRE.

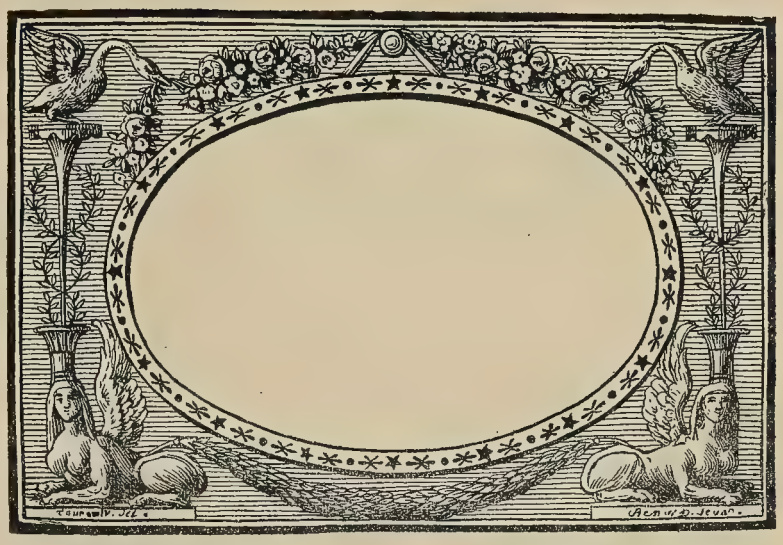


Рис. XXIX.

Рис. XXX.
Изъ книги типографа Gillé: Épreuves des vignettes ef fleurons. Парижъ 1808.

СТИЛЬ EMPIRE.

Рис. XXXI.

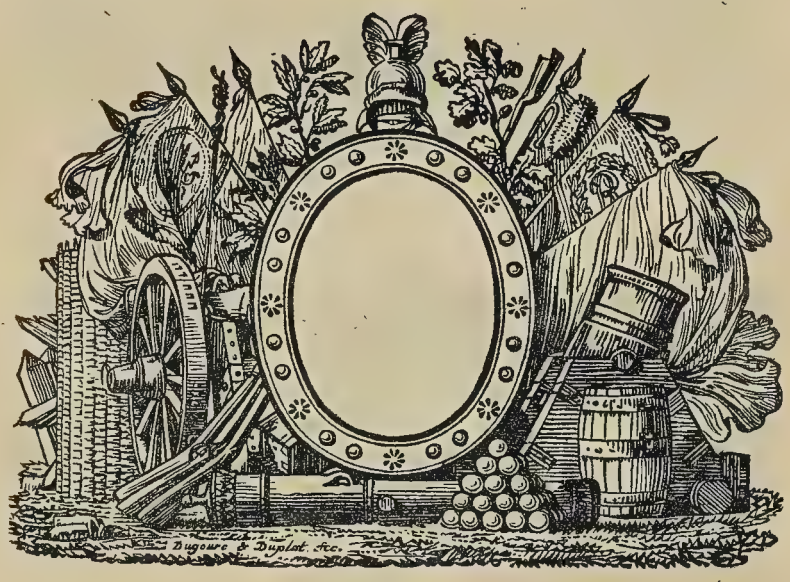


Рис. XXXII.
Изъ книги типографа Gillé: Épreuves des vignettes et fleurons. Парижъ 1808.

Миніатюра.

§ 41. Собирательное „миніатюра“ и множественное „миніатюры“ обозначаетъ картинки въ письменныхъ памятникахъ, сдѣланныя въ краскахъ и отъ руки.

Слово миніатюра заимствовано русскимъ языкомъ чрезъ посредство французскаго языка изъ италіанскаго. Слово miniatura произведено отъ глагола miniare, который самъ произведенъ отъ minium „сурикъ“ и т. о. miniatura первоначально обозначало письмо или разрисовку красною

Рис. XXXIII. Менологій Василія, 3 декабря, память св. Θеодула.

краской, затѣмъ оно стало обозначать „росписной иниціалъ“ и „картинку въ рукописи“, еще позднѣе — „картинку (въ краскахъ) очень малаго размѣра“ и наконецъ понятіе „малый размѣръ“. Два первоначальныя значенія слова исчезли, три остальныхъ сохранились. Въ Россіи изстари употреблялись свои термины: рукопись украшенная (сряженная, обряженная) и рукопись лицевая. Первый терминъ относился къ переплету и орнаменту, послѣдній къ изображеніямъ лицъ, т.-е. къ тому роду миніатюры, который господствовалъ какъ въ древне-русской, такъ равно въ югославянской и византійской письменности; т. о. для старой греко-славянской культуры терминъ „лицевой“ является точнымъ синонимомъ термина „иллюстрованный“.

§ 42. Главнымъ видомъ живописнаго искусства въ Византіи и у православныхъ славянъ была иконописъ, т.-е. религіозная живопись съ общимъ созерцательнымъ настроеніемъ и опредѣленнымъ стилемъ, вызывавшимъ это настроеніе. Миніатюра, особенно русская, находилась въ зависимости отъ иконописи уже по своему преимущественно религіозному содержанію, а также и потому, что иного стиля живописи кромѣ иконописнаго на русской территоріи долгое время совсѣмъ не существовало. Впрочемъ, въ иконописи стиль всегда выдержанъ строже и послѣдовательнѣе, почему она служитъ мѣриломъ для оцѣнки стиля миніатюры и его измѣненій. Съ другой стороны миніатюра содержитъ несравненно больше точныхъ хронологическихъ датъ, нежели иконопись, и потому миніатюрою можно пользоваться для датировки иконъ. Не всѣ особенности иконописи одинаково полно выражены въ миніатюрѣ: такъ, въ миніатюрѣ труднѣе, въ виду ея размѣровъ, наблюдать измѣненіе выраженія ликовъ, а равно измѣненія въ техникѣ и колоритѣ раскраски ликовъ; эти двѣ стороны изображенія вообще недоразвиты въ миніатюрѣ. Напротивъ того, въ миніатюрѣ можно слѣдить хронологическія различія въ рисункѣ фигуръ, ландшафта и зданій, а равно хронологическія различія въ употребленіи и сочетаніи различныхъ цѣльныхъ красокъ. Въ виду большой рѣдкости памятниковъ югославянской миніатюры и большой распространенности русскихъ лицевыхъ рукописей, въ этомъ очеркѣ говорится преимущественно о палеографическихъ датахъ русской миніатюры.

§ 43. Общая эволюція русской миніатюры состоитъ въ частичной утратѣ различныхъ чертъ византійскаго искусства и частичномъ пріобрѣтеніи различныхъ чертъ искусства западнаго, первоначально—главнымъ образомъ чрезъ нѣмецкое посредство. Ландшафтъ на миніатюрѣ изображался горный, съ рѣдкою растительностью. Горы въ основѣ изображались реальныя, одного опредѣленнаго типа—уступчатаго или лѣствичнаго, который въ географіи носитъ названіе сбросовыхъ горъ. Въ XIV вѣкѣ у насъ и у южныхъ славянъ изображались большіе, расчлененные глубокими ущельями массивы въ нѣсколько крупныхъ ступеней; иногда изображался одинъ такой массивъ. Въ XV вѣкѣ этотъ почти архитектурный шаблонъ сбросовыхъ горъ становится реальнѣе: рисуются массивы завалившіеся назадъ или нависшіе, а отдѣльныя площадки ступеней не такъ правильны. Въ XVI вѣкѣ рисунокъ горъ становится снова геометричнѣе и въ то же время орнаментальнѣе: массивы опять вертикальны, площадки правильны и при томъ мелки, а самыя верхнія изъ нихъ сзади оканчиваются полукружіями; крутизна ступеней очень различна. Въ томъ же XVI вѣкѣ, но гораздо рѣже, встрѣчаются горные массивы съ манерно искаженнымъ рисункомъ: уступы горъ вообще изображались въ три четверти, и слѣдовательно въ одну сторону (обыкновенно—влѣво) массивъ

оканчивается рядомъ угловъ; искаженіе рисунка состоитъ въ томъ, что углы изображаются въ видѣ какихъ-то корабельныхъ или птичьихъ носовъ, а площадки, лежащія вправо, вовсе не изображаются; эта манера древнѣе русскаго XVI вѣка и была вѣроятно принесена въ Москву изъ Византіи еще въ XIV вѣкѣ при зарожденіи Московской иконописи; прототипъ этихъ горъ встрѣчается въ византійской миніатюрѣ еще въ XII—XIII вѣкѣ, а въ Италіи эта горная схема была получена не позднѣе XV вѣка. Въ XVII вѣкѣ лѣствичная схема изображается рѣдко и очень шаблонно, обыкновенно же въ XVII вѣкѣ гора рисуется лишь въ общемъ силуэтѣ, съ нѣкоторой оттѣнкой тѣневыхъ частей и неровностей горной поверхности, при чемъ обычнымъ силуэтомъ горъ въ XVII вѣкѣ является «сѣдловина» т. е. впадина съ двумя холмами по сторонамъ; холмы склонились къ краямъ рисунка. Въ иконописи лѣствичная схема изображалась въ XVII вѣкѣ только въ самыхъ лучшихъ каллиграфическихъ иконахъ, причемъ во второй половинѣ XVII вѣка ступени обратились въ рядъ какихъ-то мелкихъ стелющихся вѣтвей, или-же вся гора обращается въ какое-то кустистое растеніе. Эта манера переходитъ и въ XVIII в., но въ миніатюрѣ она обыкновенно не встрѣчается. Въ миніатюрѣ русской XVIII вѣка ландшафтъ, если изображается, то реальный западнаго происхожденія, состоящій изъ деревьевъ и травъ.

§ 44. Зданія, или по старой терминологіи палаты, палатное письмо, до средины XVI вѣка изображались на русскихъ иконахъ почти такія-же, какъ на византійскихъ иконахъ и миніатюрахъ, только палатное письмо русскихъ иконъ по б. ч. бѣднѣе и проще. Что касается русской миніатюры, то она только до средины XV вѣка носила иконописный характеръ[1]). Со второй половины XV вѣка въ русской миніа-

[1]) Для пониманія древней славянской миніатюры очень важенъ Менологій, или лицевой мѣсяцесловъ, написанный около 1000-го года для византійскаго императора Василія II (шурина Владиміра Святаго); это рукопись той эпохи, когда византійское искусство переносилось на Русь. (Оригиналъ хранится въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ. Рисунки воспроизведены гравюрой въ изданіи кардинала Албани: Menologium Graecorum., Урбино 1727.) Если исключить роскошные архитектурные фасады и портики, на фонѣ которыхъ въ Менологіи изображены обыкновенно апостолы, пророки, епископы, игумны монастырей, служители церквей, то остальная архитектура Менологія окажется довольно простой и въ своихъ типахъ однообразной; съ дальнѣйшими упрощеніями и отчасти съ искаженіями тѣ-же типы воспроизводились югославянскими и русскими рукописями. Рукописи до середины XV вѣка содержатъ слѣдующіе типы: колонна; башня, квадратная въ планѣ, съ плоской крышей, иногда открытой, нерѣдко съ расширеннымъ карнизомъ; такая-же башня, крытая на одинъ скатъ, рѣдко—на четыре; восьмиугольный или круглый храмъ, крытый шатромъ, но сокращенный до типа башни; прямоугольный храмъ, крытый двускатно (нерѣдко съ сокращеніемъ въ башню), рѣдко—крытый полуцилинд-

тюрѣ сказывается вліяніе западныхъ рисовальщиковъ: рисунокъ становится бойче, перспектива лучше и разнообразнѣе; иноземцы съ натуры изображаютъ реальныя русскія зданія Новгородско-Псковской, Владиміро-Суздальской и Московской архитектуры, между прочимъ появляется изображеніе Московскаго Успенскаго собора; куполамъ вмѣсто старой византійской формы (полусферической) придается русская, луковичная форма. Одновременно старые архитектурные типы комбинируются въ болѣе сложныя

Рис. XXXIV. Менологій Василія, 25 октября, мученіе свв. Маркіана и Мартирія.

ромъ; прямоугольный храмъ, крытый двускатно, съ двумя односкатно покрытыми крыльями, т.-е.—реальная базилика въ три нефа; (гораздо чаще—сокращеніе: съ однимъ боковымъ нефомъ); киворій, или надпрестольная сѣнь, разныхъ видовъ. Всѣ перечисленные типы изображаютъ реальную архитектуру древне-христіанской эпохи; изъ типовъ византійской эпохи изображались: круглый храмъ съ куполомъ на тамбурѣ; квадратный храмъ съ куполомъ на тамбурѣ; рѣдко—пятиглавые храмы того-же типа. Кокошники фасадовъ въ реальной византійской архитектурѣ были полукруглые, но на миніатюрѣ они изображались полукругло, двускатно и узорно: въ видѣ полукружія съ подостреніемъ и въ видѣ трехлепестной арки. Двускатные и узорные кокошники заимствованы миніатюрой непосредственно изъ изображеній аркадъ (портиковъ) и дверей, при чемъ узорныя аркады появляются въ византійской миніатюрѣ еще въ XII вѣкѣ. Всѣ перечисленные типы еще въ Византійской миніатюрѣ вступали въ комбинаціи, т.-е. составляли архитектурныя группы; самую сложную изъ нихъ

группы. Лицевыхъ рукописей XV вѣка дошло до насъ немного, но всѣ указанныя новшества продолжаютъ жить и въ болѣе многочисленной русской миніатюрѣ XVI вѣка, въ которой являются двѣ замѣчательныя школы: Новгородскаго архіепископа Макарія въ первой половинѣ вѣка, школа Грознаго—во второй. Миніатюристы Макарія, изображая райскія и сказочныя палаты, доводили порою комбинаціи традиціонныхъ типовъ до очень сложныхъ архитектурныхъ нагроможденій, которыя должны быть названы фантастическими въ томъ смыслѣ, что совершенно неисполнимы въ реальности и грозятъ паденіемъ. Среди новгородскихъ мастеровъ уже могли встрѣчаться пришельцы съ Запада, но западное вліяніе вообще еще не сказывалось въ строго-церковной миніатюрѣ Макарія. Съ переходомъ Макарія на Московскую митрополичью каѳедру, мастера его слѣдуютъ за нимъ въ Москву и повидимому здѣсь начинаютъ вносить въ свое палатное письмо схематическія изображенія реальныхъ храмовъ Владиміро-Суздальской и Московской архитектуры, въ томъ числѣ церквей съ кокошниками крыши, образующими нѣсколько рядовъ. Реальные храмы Новгородско-Псковскаго типа, съ восьмискатнымъ покрытіемъ (по два ската на каждомъ фасадѣ) всего менѣе проникли въ русскую икону и въ русскую миніатюру.

§ 45. Послѣ великаго Московскаго пожара 1547 года мастера Макарія, для возстановленія церковной стѣнописи, иконостасовъ и иконъ, соединяются въ одну группу съ различными другими дружинами мастеровъ и изъ взаимодѣйствія разныхъ манеръ письма возникаетъ царская школа. Во второй половинѣ XVI вѣка миніатюристы Грознаго (его „мастерская палата“), работаютъ между прочимъ надъ такъ называемымъ „лицевымъ лѣтописнымъ сводомъ“—огромной лицевой лѣтописью, доведенной отъ сотворенія міра до конца царствованія Грознаго (почти всѣ томы этого труда дошли до насъ). Кромѣ новгородской традиціи XVI вѣка, мастера Грознаго пользуются также западными гравюрами и вѣроятно имѣютъ въ своей средѣ и западныхъ выходцевъ. Въ изображеніяхъ царскихъ дворцовъ и

составляло изображеніе города: круглая высокая стѣна съ башнями квадратнаго плана; внутри стѣнъ тѣснятся зданія различнаго вида. Византійская миніатюра въ перспективномъ отношеніи имѣла различные пріемы палатнаго письма: 1) изображеніе фасадное, по возможности совершенно избѣгающее перспективныхъ задачъ; 2) изображеніе съ угла: горизонтъ (линія глазъ), проходитъ по срединѣ изображаемаго, зрительный центръ (линія переносицы) проходитъ чрезъ уголъ зданія; 3) изображеніе съ птичьяго полета: горизонтъ лежитъ выше средины изображаемаго, 4) изображеніе снизу: горизонтъ лежитъ ниже средины изображаемаго, въ этомъ послѣднемъ пріемѣ у византійцевъ всего больше ошибокъ противъ перспективы. Всѣ четыре пріема переходятъ въ славянскую миніатюру, но изображенія съ птичьяго полета и фасадныя преобладаютъ.

внутреннихъ видовъ большихъ городовъ мастера Грознаго создаютъ палатное письмо необычайно роскошное и богатое мотивами, куда между прочимъ входятъ и нѣкоторые западные типы, ранѣе въ русской миніатюрѣ не встрѣчаемые; главный изъ нихъ—внѣшній ступеньчатый наличникъ двускатнаго фронтона[1]) (рис. XXXV).

Рис. XXXV. Изъ „Лицеваго лѣтописнаго свода“ (работы мастерской палаты Грознаго). Собр. Ист. Муз. № 354.

Въ XVII вѣкѣ палатное письмо русскихъ миніатюръ очень просто и ограничивается по большей части нѣсколькими шаблонными типами; ступеньчатый фронтонъ очень рѣдокъ. Съ середины XVII вѣка въ палатахъ сказывается, постепенно усиливаясь, западное вліяніе чрезъ посредство гравюръ библейскаго содержанія, нѣмецкой и голландской[2]).

Въ лучшихъ произведеніяхъ московской иконописи второй половины XVII вѣка (иконы царскаго иконописца Симона Ушакова и его учениковъ) палатное письмо роскошно и сложно, оно пользуется всѣми архитектурными эффектами западнаго Возрожденія, унаслѣдованнаго палатнаго письма русскихъ иконъ, и отчасти реальной архитектурой Москвы; это виртуозное палатное письмо перешло въ

---

[1]) Такой наличникъ хорошо извѣстенъ какъ въ свѣтской архитектурѣ поздняго готическаго стиля, такъ и въ нѣмецкой миніатюрѣ той-же эпохи. Онъ долженъ быть отличаемъ отъ ступеньчатаго внутренняго украшенія двускатныхъ фронтоновъ, каковое встрѣчается на византійской миніатюрѣ и получено ею отъ христіанскаго искусства, ср. ступеньчатые узоры вписанные въ квадратъ на христіанскихъ мозаикахъ.

[2]) Особенно вліяла въ эту эпоху гравированная Библія Пискатора, извѣстная въ Москвѣ по крайней мѣрѣ съ середины XVII вѣка.

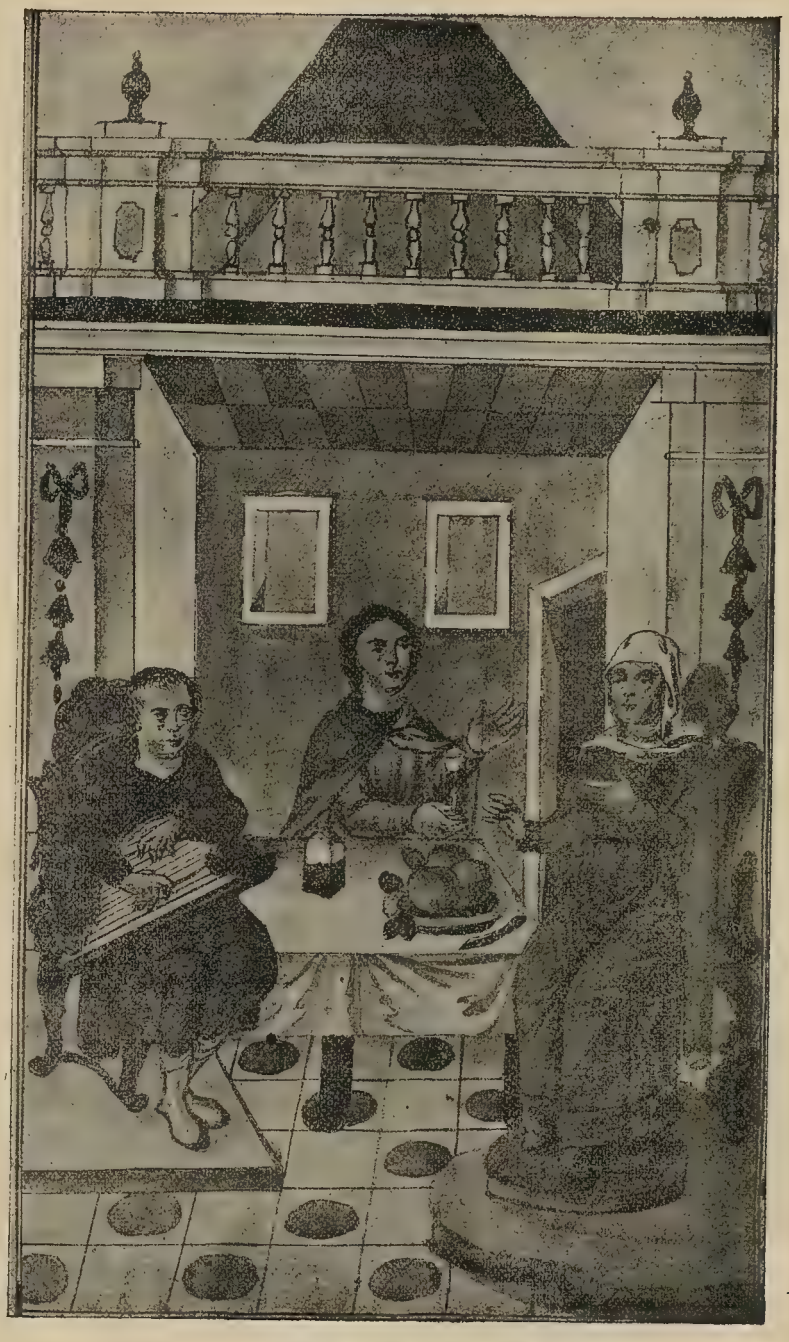


Рис. XXXVI. Цвѣтникъ XVIII вѣка (Собр. Ист. Муз.).

лучшія Палеховскія иконы XVIII и нач. XIX вѣка и вообще къ иконописцамъ, но не проникло въ рукопись въ виду своей сложности. Палатное письмо русскихъ рукописей XVIII вѣка продолжаетъ жить шаблонами XVII вѣка, прибавляя къ нимъ нѣкоторые (немногіе) западные типы. При изображеніи внутренней обстановки (троновъ, балдахиновъ, мебели, лѣпныхъ украшеній) въ рукописяхъ XVIII вѣка (второй половины) нерѣдко является рококо, рѣже—стиль Людовика XVI, ср. рис. XXXVI на стр. 79—миніатюра изъ Цвѣтника XVIII в. (Собр. Ист. Муз.).

§ 46. Употребленіе красокъ мѣнялось по эпохамъ. Въ эпоху пергаменныхъ рукописей миніатюры сильно грунтовались бѣлилomъ (свинцовымъ) и на бѣлилѣ же мѣшались краски, которыя накладывались сильными мазками, что давало эффектъ пластичности. Эта византійская, но сильно огрубѣвшая въ Россіи, техника миніатюры исчезаетъ въ эпоху бумажныхъ рукописей: бумага допускала болѣе легкую технику акварельнаго характера, которая, не безъ вліянія западныхъ мастеровъ, распространилась въ нѣсколькихъ варіантахъ. Если и встрѣчаются немногочисленныя бумажныя рукописи (даже въ XVI вѣкѣ), миніатюры коихъ сильно грунтованы и писаны густыми красками, то это рѣдкія непосредственныя копіи съ миніатюръ на пергаментѣ; такова лицевая Уваровская Палея XVI в., писанная для окружающихъ Грознаго съ лицевой пергаменной Палеи XIV вѣка, которая дошла до насъ и хранится въ библіотекѣ Александро-Невской Лавры. На обычной, легко промокающей бумагѣ, эта техника не даетъ хорошаго рельефа. Въ миніатюрахъ XVI вѣка краски болѣе разнообразны и богаты оттѣнками вслѣдствіе умѣлаго смѣшенія; золото употребляется только въ миніатюрахъ иконнаго характера (напр. въ большихъ изображеніяхъ Евангелистовъ въ Евангеліи) и то почти только для „свѣта“ (т.-е. фона) и вѣнцовъ (сіяній, ореола). Въ XVII вѣкѣ краски немногочисленны и просты, т.-е. являются по большей части лишь въ основныхъ, несмѣшанныхъ тонахъ. Во второй половинѣ XVII вѣка въ рукописяхъ болѣе роскошныхъ (не говоря уже о царской мастерской палатѣ, гдѣ тогда работали и иностранцы) наряду съ красками иногда въ излишествѣ встрѣчаются золото и (рѣже) серебро (что не исключаетъ грубости или сухости рисунка и бѣдности композицій). Съ другой стороны во 2-ой половинѣ XVII в. очень распространена раскраска, довольствующаяся тремя красками: желтой, красной, зеленой въ простыхъ, основныхъ тонахъ; четвертая краска—чернило, исполняетъ контуры и иногда глубины (адскую бездну или внутренность зданій, видимую въ окна и двери); комбинація этихъ простыхъ тоновъ такъ находчива и спокойна, что мысль о бѣдности цвѣтовыхъ средствъ совершенно не возникаетъ у наблюдателя. Эта „манера въ три краски“ пере-

ходитъ и въ XVIII вѣкъ. Въ теченіе XVIII вѣка наступаетъ новое осложненіе цвѣтовой гаммы: не говоря о появленіи красокъ иного состава и потому новаго оттѣнка, смѣнявшихъ старую киноварь, празелень и охру, въ миніатюрѣ подъ конецъ XVIII вѣка и въ XIX-мъ появляются совершенно новые основные цвѣта: ярко лиловый и малиновый (карминъ), совершенно чуждые старой русской миніатюрѣ.

§ 47. Рисунокъ фигуръ, обыкновенно скрытыхъ одеждами, въ эпоху пергаменныхъ рукописей, т.-е. въ эпоху господства византійскаго стиля, носитъ скульптурный характеръ: рѣзкими контрастами свѣтлыхъ и темныхъ тоновъ обозначаются наибольшія выпуклости и впадины; складки одеждъ крупны и довольно прямы, какъ на толстыхъ шерстяныхъ матеріяхъ; все это въ концѣ концовъ наслѣдіе формъ, найденныхъ античной скульптурой. Въ XV вѣкѣ русская миніатюра восприняла (чрезъ гравюру и непосредственно) вліянія западной живописи, которыя, какъ мы видѣли, выразились и въ переходѣ къ болѣе легкой, акварельной манерѣ. Въ этой манерѣ фигуры обнаруживались менѣе пластично, но въ то же время детальнѣе; позы и жесты стали менѣе общи и драматичнѣе. Однако всѣ эти заимствованія не создали новаго направленія: они остались болѣе или менѣе случайными и не поколебали основъ византійскаго иконописнаго стиля. Въ XVI вѣкѣ такъ называемая Новгородская манера, которая была господствующей и лучшей, представляетъ своего рода регламентацію византійскаго рисунка фигуръ съ установленіемъ прямыхъ и рѣзкихъ линій. Въ миніатюрѣ Грознаго рисунокъ въ общемъ тотъ же, но съ примѣсью нѣкотораго ремесленнаго и отчасти манернаго (западнаго) реализма въ обработкѣ складокъ одеждъ. XVII вѣкъ вообще имѣетъ болѣе плохой рисунокъ: господствуютъ унаслѣдованныя прямыя и простыя линіи, но онѣ исполняются лишь по рутинѣ, безъ представленій о формахъ скрытаго тѣла, и потому фигуры не вырисовываются подъ одеждами, не имѣютъ рельефа и нерѣдко плохо стоятъ. Фрязь (т. е. западныя живописныя манеры, главнымъ образомъ барокко, вторгающійся въ иконопись со 2-ой половины XVII вѣка) въ сферѣ рисунка мало проникаетъ въ миніатюру, ибо рисунокъ фрязи слишкомъ сложенъ и бравуренъ для народныхъ миніатюристовъ, но иногда и въ миніатюрѣ конецъ XVII вѣка сказывается обиліемъ мелкихъ и сложныхъ складокъ въ одеждахъ, какъ бы изображеніемъ болѣе легкихъ шелковыхъ матерій; складки барокко являются и въ оригинальной иконописной обработкѣ — на подобіе облаковъ и крыльевъ ангельскихъ (рис. XXXVII). Фрязь переходитъ и въ XVIII вѣкъ. Въ сферѣ лицовъ фрязь даетъ многочисленныя портретныя и жанровыя изображенія и т. о. отражаетъ русскую дѣйствительность.

Рис. XXXVII. Сивилла, изъ Сборника XVII в. (Собр. Барсова).

Водяные знаки.

§ 48. А. Водяными знаками, или филигранями называются тѣ прозрачные знаки, которые видны на бумагѣ, на свѣтъ. Водяными знаками они называются по большей прозрачности, полученной какъ бы отъ промоканія бумаги, а филигранями—по своему линейному характеру, напоминающему ажурные узоры изъ тонкой серебряной и золотой проволоки (называемые филигранной работой).

Водяные знаки были различны по мѣсту изготовленія бумаги и мѣнялись во времени. Бумага есть древнее восточное изобрѣтеніе и ея русское названіе есть восточное слово, происхожденіе котораго впрочемъ въ точности не установлено. Западныя названія бумаги перешли на нее съ болѣе раннихъ матеріаловъ письма—пергамента (позднее латинское carta, charta) и папируса (франц. papier).

Оставляя въ сторонѣ древнѣйшую, еще неясную, исторію бумаги, замѣтимъ, что арабскія рукописи писались почти исключительно на бумагѣ; бумага распространялась и во всѣхъ странахъ арабскаго владычества. Съ начала XII вѣка она стала входить въ употребленіе въ Византіи, Италіи и Испаніи. Бумага не сразу стала употребляться для документовъ и актовъ, ибо довольно долго считалась непрочнымъ матеріаломъ. Распространеніе бумаги явилось первымъ крупнымъ событіемъ въ судьбахъ письменности: бумага содѣйствовала ея чрезвычайному удешевленію. Понятно, что одно книгопечатаніе, безъ бумаги, не могло бы произвести окончательнаго переворота, ибо механическое размноженіе отдѣльныхъ памятниковъ письменности было бы немыслимо безъ дешеваго и въ техническомъ отношеніи благодарнаго матеріала.

До послѣднихъ десятилѣтій палеографами различались два вида бумаги: бомбицина и собственная бумага. Предполагалось, главнымъ образомъ на основаніи внѣшняго вида, что бомбицина изготовлена изъ хлопка, бумага—изъ пеньковаго или льнянаго тряпья. Бомбицина толста, желтовата, иногда сильно выглажена, волокниста въ разрывѣ. Настоящая бумага не имѣетъ этихъ качествъ въ такой мѣрѣ. Восточная и древнѣйшая европейская бумага была именно бомбициной. Такимъ образомъ, предполагалось, что съ Востока принесена въ Европу только техника бумаги изъ хлопка, и что бумага изъ льнянаго и пеньковаго тряпья—изобрѣтеніе Европы. Микроскопическій анализъ показалъ съ тѣхъ поръ, что предполагаемая бомбицина изготовлена вовсе не изъ хлопка, а изъ тряпокъ (пеньки или льна), какъ и всякая другая бумага.

В. Бомбицина, названіе которой сохраняется теперь условно, есть не болѣе, какъ древнѣйшая бумага (восточная и западная) несовершенной техники; она легко узнается по внѣшнему виду, безъ особаго труда

отличается отъ грубыхъ сортовъ бумаги позднѣйшаго времени и благодаря этому содержитъ хронологическую дату. Бомбицина характеризуется толщиной, волокнистостью, неравномѣрною плотностью: плохо измельченная масса пестритъ на свѣтъ темными пятнами, которыя иногда имѣютъ видъ хлопьевъ; кусочки тряпокъ были находимы цѣликомъ въ листахъ бомбицины; они и рѣшили вопросъ объ ея матеріалѣ. Поверхность бомбицины, то шероховатая и грубая, то напротивъ лоснится отъ сильной проклейки и тщательнаго разглаживанія зубомъ, который нерѣдко оставлялъ ясные слѣды (полосы). Эта древнѣйшая бумага постепенно дѣлается тоньше, яснѣе на свѣтъ, и мало по малу переходитъ въ бумагу обычнаго вида. Бомбицина въ западно-европейскихъ рукописяхъ есть признакъ XIII вѣка, въ Византіи же мы встрѣчаемъ эту древнюю бумагу вплоть до половины XIV вѣка. Славянскихъ рукописей, писанныхъ на этой древнѣйшей бумагѣ, до сихъ поръ не встрѣчено. Но есть югославянскія рукописи, писанныя на византійской бумагѣ, составляющей переходъ отъ древнѣйшей техники къ позднѣйшей; отличіе этой византійской бумаги, составляютъ вертикальныя линія, расположенныя полосками—по три линіи въ рядъ. Общею особенностью бомбицины, или точнѣе—древнѣйшей бумаги является отсутствіе въ ней спеціальныхъ водяныхъ знаковъ и неясность или грубость водяныхъ линій горизонтальныхъ (vergeures) и вертикальныхъ (pontuseaux), а иногда особое расположеніе этихъ послѣднихъ.

С. Съ начала XIV вѣка италіанская усовершенствованная бумага съ водяными знаками начинаетъ вытѣснять на Балканскомъ полуостровѣ восточную бумагу и уже въ срединѣ XIV вѣка встрѣчается въ балканскихъ рукописяхъ. Въ теченіе XIV вѣка исключительно, а въ теченіе XV преимущественно—вся Европа пользуется италіанской бумагой. Только въ XV вѣкѣ Франція начинаетъ распространять свою бумагу въ Европѣ. Въ XVI вѣкѣ Европа какъ бы разграничена на двѣ половины: южная пишетъ почти исключительно на италіанской бумагѣ, сѣверная—преимущественно на французской. Однако еще въ XVI вѣкѣ на Балканскомъ полуостровѣ появляется также нѣмецкая бумага, а въ Россіи—нѣмецкая и польская. Голландская бумага появляется на международномъ рынкѣ, въ томъ числѣ въ Россіи, во второй половинѣ XVII вѣка и остается на немъ въ XVIII-омъ. Въ Россіи голландская бумага замѣчательно быстро вытѣсняетъ всякую другую. Во второй половинѣ XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ работали и собственныя бумажныя мельницы; историческія свѣдѣнія о нихъ имѣемъ съ 60-хъ г.г. XVII в.; но сама бумага русскаго производства дошла до насъ только съ нач. XVIII вѣка; въ своихъ водяныхъ знакахъ она имѣетъ двуглаваго орла и подражанія голландскимъ знакамъ.

§ 49. Съ XIII вѣка въ западной бумагѣ устанавливаются два постоянныхъ размѣра листовъ: одинъ приблизительно соотвѣтствуетъ нашему писчему листу, другой—вдвое больше его. Болѣе разнообразные размѣры появляются въ связи съ книгопечатаніемъ только въ XVI вѣкѣ. Различеніе форматовъ даже переплетенныхъ рукописей производится легко на основаніи мѣста водянаго знака. Листъ бумаги (не для печатанія) поступалъ въ продажу сложенный вдвое, и водяной знакъ на листѣ помѣщался съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ пришелся на первой страницѣ согнутаго листа, посрединѣ ея. Иногда меньшій водяной знакъ (контрамарка) помѣщался на второй страницѣ. Листъ или исписывался въ томъ видѣ, какъ поступалъ къ писцу, или сгибался писцемъ во второй, третій, четвертый разъ для полученія меньшихъ форматовъ, или наоборотъ раскрывался—для полученія двойнаго формата. Такимъ образомъ рукопись писанная въ раскрытый листъ, имѣетъ на каждомъ своемъ листѣ главный водяной знакъ (о контрамаркѣ далѣе не говоримъ) въ верхней или въ нижней половинѣ листа и кромѣ того на каждой страницѣ имѣется поперечный слѣдъ сгиба. Рукопись листового формата имѣетъ водяной знакъ по срединѣ страницы, но не на каждомъ листѣ своемъ: если рукопись писана и переплетена отдѣльными вдвое согнутыми листами, водяной знакъ въ рукописи окажется черезъ листъ; если рукопись писана и переплетена цѣлыми тетрадями, водяной знакъ окажется на нѣсколькихъ листахъ ея подъ рядъ, затѣмъ окажется столько же листовъ рукописи безъ водянаго знака, затѣмъ столько же съ водянымъ знакомъ и т. д. поперемѣнно. Рукопись въ четвертку состоитъ изъ листовъ вторично согнутыхъ пополамъ, и новый сгибъ, поступающій въ корешокъ, слѣдовательно, проходитъ чрезъ водяной знакъ, который окажется у корешка по срединѣ страницы, при томъ въ половинномъ видѣ и не на каждомъ листкѣ рукописи. Если рукопись въ восьмушку, водяные знаки окажутся у корешка вверху или внизу, если въ 16-ю долю—у внѣшнихъ угловъ обрѣза вверху или внизу, при томъ въ четвертованномъ видѣ. При форматахъ болѣе мелкихъ (32°, 64°) положеніе водянаго знака не мѣняется. Во всемъ этомъ можно наглядно убѣдиться, если мы нарисуемъ на первой страницѣ листа писчей бумаги какой-нибудь знакъ и станемъ затѣмъ производить послѣдовательные сгибы и отыскивать, куда попали части нашего знака.

Форматъ можно опредѣлять также по направленію вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій. Въ согнутомъ листѣ, въ восьмушкѣ, въ 32-ой долѣ вертикальныя линіи рѣдки, горизонтальныя—часты. Въ раскрытомъ листѣ, четверткѣ, 16-ой долѣ дѣло обстоитъ наоборотъ. Слѣдуетъ помнить, что рукопись можетъ быть и смѣшаннаго формата, такъ напр. могутъ чередоваться листы обычные съ листами раскрытыми сильно обрѣ-

занными. Кромѣ того существуетъ такъ называемая длинная четвертка, для коей листъ сгибается не поперекъ, а вдоль. Въ такой четверткѣ линіи расположены какъ въ листѣ, а водяной знакъ—въ половинномъ видѣ, но не у корешка по срединѣ, а у верхняго или нижняго обрѣза по срединѣ. Понятіе «форматъ» на письмѣ и въ печати обозначается небольшимъ кружкомъ послѣ цифры вверху: 1^0, 4^0, 8^0, 16^0, 32^0.

Названія форматовъ въ старой русской письменности были иныя, чѣмъ теперь. Форматъ листовой назывался „въ десть“, (десть есть извѣстное количество листовъ), наша четвертка, или кварть назывался „въ полдесть“, наша восьмушка, или октавъ назывался „въ четверть“. Форматъ въ раскрытый листъ назывался „въ дестный листъ“. Терминъ листъ обозначаетъ также отдѣльные листки рукописи любого размѣра и формата.

О форматѣ пергаменныхъ рукописей говорятъ условно, имѣя въ виду нормальные размѣры, свойственные тому или другому формату бумажной рукописи. Надо помнить однако, что форматъ бумажной рукописи можетъ получать и ненормальные размѣры: можетъ быть листовой форматъ сильно обрѣзанный, походящій размѣромъ на четвертку; можетъ быть четвертка, размѣромъ подобная листовому формату, если въ четвертку сложенъ большой, или такъ называемый александрійскій листъ.

§ 50. Бумага до установленія машиннаго способа производства изготовлялась ручнымъ способомъ: изъ чана при помощи формы, или прямоугольной рамки съ проволочною сѣтью, черпалась жидкая бумажная масса, при чемъ вода стекала, а масса задерживалась проволочной сѣтью. Въ эпоху усовершенствованной бумаги, т.-е.—на западѣ съ XIV—XV вѣка, на днѣ формы не только располагалась сѣть изъ тонкихъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ проволокъ, но кромѣ того выводился изъ тонкой проволоки какой-нибудь линейный рисунокъ (филигранъ). На всѣ эти проволоки, натянутыя въ формѣ, бумажная масса ложилась слоемъ болѣе тонкимъ, вслѣдствіе чего въ готовомъ листѣ эти мѣста оказываются прозрачнѣе; такова техника водяныхъ линій и знаковъ. Разнообразіе водяныхъ знаковъ объясняется тѣмъ, что эти знаки являлись не только фабричными марками, но также удобнымъ средствомъ различать сорта бумаги, ея форматы и работу отдѣльныхъ мастеровъ. Вотъ почему бумага одного достоинства, выпущенная въ тѣ-же годы и тою-же фабрикой, могла имѣть различные, хотя часто родственные знаки. Но кромѣ крупныхъ различій въ знакахъ, которыя зависѣли отъ свободнаго выбора, наблюдаются болѣе мелкіе варіанты однихъ и тѣхъ же основныхъ знаковъ. Это объясняется разными причинами: 1. Водяной знакъ есть въ сущности знакъ одной формы: если одинъ сортъ бумаги съ однимъ знакомъ вырабатывается

напр. въ сотнѣ формъ, то въ каждой формѣ этотъ общій знакъ имѣетъ непреднамѣренныя незначительныя отличія. 2. Сѣть металлическихъ нитей, наполнявшихъ форму, страдала непрочностью; подъ давленіемъ бумажной массы нити перемѣщались и знакъ искажался. Вѣроятно, частичныя поправки формы были необходимы безпрестанно. Въ концѣ концовъ проволочныя нити все таки сбивались; при наилучшихъ условіяхъ рисунокъ не выдерживалъ долѣе нѣсколькихъ лѣтъ, а обыкновенно мѣнялся черезъ годъ или два. Тогда, даже при точномъ воспроизведеніи старой сѣти, возникалъ непреднамѣренный варіантъ. 3. При продолжительномъ сохраненіи одного и того-же основнаго рисунка систематически являлся импульсъ къ незначительному сознательному измѣненію знака, при чемъ, какъ убѣждаетъ матеріалъ, измѣненіе состояло въ постепенномъ осложненіи знака.

Сравнивая два водяныхъ знака, напр. знакъ найденный нами въ рукописи, съ подобнымъ знакомъ, изданнымъ въ какомъ-нибудь альбомѣ филиграней, необходимо спрашивать себя, на чемъ могутъ быть основаны находимыя нами незначительныя различія двухъ знаковъ: причина различія 1-я не содержитъ новой даты, 2-я содержитъ новую дату, но близкую къ старой. Причина 3-я, или импульсъ къ усложняющей эволюціи, создаетъ во первыхъ варіанты, легко различимые, во вторыхъ она-же создаетъ новыя даты, отстоящія отъ предыдущихъ датъ на 10, 15, 20 и болѣе лѣтъ. Ниже на водяномъ знакѣ «Медвѣдь» дается образецъ подобной усложняющей эволюціи. Успѣшное рѣшеніе вопроса о происхожденіи варіанта зависитъ прежде всего отъ практическаго знакомства съ матеріаломъ и съ его постепенными измѣненіями.

§ 51. Водяные знаки, какъ и всѣ другіе знаки, изучаемые палеографіей, эволюціонировали различно и содержатъ поэтому палеографическія даты различной цѣнности. Нѣкоторые водяные знаки имѣли несложныя очертанія, употреблялись очень долго, измѣнялись незначительно и потому плохо поддаются дѣленію на смежные хронологическіе варіанты. Другіе знаки напротивъ того или употреблялись недолго или подвергались болѣе быстрымъ перемѣнамъ и т. о. точно датируютъ небольшіе отдѣлы времени. Здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ палеографіи, самые спеціальные факты являются самыми доказательными. Такъ напр. самую точную дату содержитъ водяной знакъ съ цифрами опредѣленнаго года. Такая бумага встрѣчается въ Россіи: иностранная—въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка (кувшинчикъ съ датой); о русской датированной бумагѣ см. ниже. Слѣдующую по точности дату составляютъ имена фабрикантовъ. Такъ напр. извѣстное количество русскихъ рукописей XVI вѣка писано на французской бумагѣ, знаки коей содержатъ имена (часто съ искаженіемъ) фабрикантовъ Edmond

Denise, Jaques Lebé, Nicolas Lebé, Jean Nivelle, Syméon Nivelle. Бумага этихъ фабрикантовъ хорошо датируется французскими документами и печатными изданіями. Другіе знаки датируются опредѣленными потребителями или опредѣленнымъ временемъ потребленія въ той или другой странѣ. Такъ напр. роскошныя лицевыя рукописи Грознаго писаны на французской бумагѣ съ различными мелкими знаками, состоящими изъ сочетаній латинскихъ буквъ (по двѣ или по три) съ коронкой, французской лиліей, трилистникомъ или простой розеткой. По французскимъ документамъ эти знаки датируются второй половиной царствованія Грознаго. Рукописи школы Макарія часто имѣютъ знакъ перчатку. Годуновскія лицевыя псалтыри писаны на бумагѣ съ именемъ Guillaume Tourne съ примѣсью бумаги лицевыхъ рукописей Грознаго. Съ другой стороны голландская бумага съ головой шута въ зубчатомъ воротникѣ указываетъ въ русской рукописи на вторую половину XVII вѣка, съ гербомъ Амстердама[1])—на послѣднюю четверть XVII и первую четверть XVIII в., съ аллегорической сценой[2]) и надписью Pro patria—на разныя десятилѣтія XVIII вѣка, а въ русскихъ подражаніяхъ и искаженіяхъ — на разныя десятилѣтія XIX вѣка.

§ 52. Въ палеографіи ставился вопросъ, сколько времени проходило отъ изготовленія бумаги до написанія рукописи. Здѣсь конечно важно установить minimum, которое составило бы необходимую поправку къ показаніямъ водяныхъ знаковъ. Изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій теоретически свели эту поправку на нѣтъ. Были сдѣланы наблюденія, что даже въ далекія страны потребленія бумага доставлялась быстро и въ нихъ, вообще говоря, не залеживалась; съ другой стороны въ самихъ странахъ производства при случаѣ могла употребляться залежная бумага ближайшихъ предшествующихъ годовъ. Т. о. теоретически возможенъ такой случай: два документа датированы однимъ и тѣмъ-же годомъ; изъ нихъ документъ, возникшій въ странѣ производства, писанъ на бумагѣ, вышедшей съ фабрики три четыре года тому назадъ, а документъ, возникшій въ далекой странѣ сбыта, писанъ на бумагѣ, вышедшей съ фабрики годъ тому назадъ. Этотъ случай могъ напр. имѣть мѣсто тогда, когда въ одномъ и томъ-же году документъ писался на французской бумагѣ съ одной стороны въ Новгородѣ, съ другой—въ какомъ-нибудь бѣдномъ и отдаленномъ монастырѣ Франціи. Кромѣ того, если въ странѣ производства какой-нибудь водяной знакъ датируется документами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ,

[1]) Два льва стоящихъ держатъ гербовый, подъ большою короною, щитъ, на немъ одинъ подъ другимъ три косые креста.

[2]) Сидящая въ оградѣ женская со скипетромъ фигура посылаетъ на бой льва, вооруженнаго мечемъ.

мы не можемъ ручаться, что въ странѣ сбыта бумага съ этимъ знакомъ получалась только въ послѣднее время его фабричнаго употребленія. Такимъ образомъ, при тождественномъ водяномъ знакѣ русская рукопись, писанная на французской бумагѣ, можетъ оказаться не только моложе, но также и старше французской рукописи. Для старой эпохи, при недостаточномъ количествѣ датированнаго матеріала, обыкновенно нѣтъ возможности рѣшить, съ какаго рода случаемъ имѣемъ мы дѣло. Поэтому на практикѣ принято правило, что одинаковый водяной знакъ повсюду имѣетъ одну и ту же дату. Въ эпоху болѣе позднюю, при наличности обильнаго статистическаго матеріала, можетъ быть установленъ для того или другого района срокъ, протекавшій между выходомъ и потребленіемъ бумаги. Такъ въ эпоху русской датированной бумаги (к. XVIII—н. XIX в.) оффиціальные документы писались по б. ч. на бумагѣ ближайшихъ предшествующихъ годовъ.

Иного рода поправка необходима вслѣдствіе того, что одинъ и тотъ же знакъ съ самыми незначительными варіантами могъ употребляться нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Мы видѣли, что внести хронологію въ варіанты знака можно только тогда, когда эти варіанты представляютъ усложняющую эволюцію. Въ противномъ случаѣ мы можемъ думать объ одновременности или непосредственной смежности варіантовъ, но также о точномъ воспроизведеніи основного типа на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ. Очевидно, этотъ послѣдній случай всегда слѣдуетъ предполагать при палеографическомъ анализѣ въ качествѣ крайняго или наиболѣе неблагопріятнаго случая.

§ 53. И такъ водяной знакъ, датированный какимъ-нибудь однимъ документомъ, можетъ встрѣтиться въ другомъ, недатированномъ памятникѣ нѣсколькими годами ранѣе или позднѣе. Однако изслѣдованіе показываетъ, что нѣкоторые водяные знаки держались безъ существенныхъ перемѣнъ значительно долѣе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ; но это во-первыхъ—менѣе частый случай, во-вторыхъ этотъ случай относится главнымъ образомъ къ древнему періоду бумаги, который мало представленъ въ русскихъ рукописяхъ. Кромѣ того, точность палеографическаго анализа увеличивается тѣмъ, что очень часто въ отдѣльной рукописи находится не одинъ, а нѣсколько водяныхъ знаковъ, что объясняется одновременной наличностью многихъ водяныхъ знаковъ въ одной странѣ, одномъ городѣ, даже на одной и той же фабрикѣ. Но эта одновременность фабричныхъ знаковъ неполная: одни знаки отживающіе, другіе—вновь появившіеся. Т. о., справляясь въ отдѣльности о датѣ распространенія каждаго знака, найденнаго въ рукописи, мы очень часто приходимъ къ выводу, что ихъ сосуществованіе на фабрикѣ или на рынкѣ продолжалось лишь ограниченное число лѣтъ, которымъ рукопись и датируется

болѣе точно. Это лишь частный случай того взаимоограниченія палеографическихъ примѣтъ, о коемъ говорено выше. Наблюденіемъ установлено, что водяные знаки въ случаѣ взаимоограниченія иногда датируютъ рукопись съ точностью десятилѣтія.

§ 54. Первые опыты по палеографіи филиграней были сдѣланы въ Россіи. Въ 1824 году вологодскій купецъ Иванъ Лаптевъ издалъ свой небольшой „Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ“, а въ 1844 году московскій литографъ Корнилій Тромонинъ выпустилъ въ свѣтъ собственноручное изданіе „Изъясненіе знаковъ видимыхъ на писчей бумагѣ“, въ коемъ перерисовалъ всѣ знаки изданные Жансеномъ (Jansen, Essai sur l'origine de la gravure) и прибавилъ своихъ 113 таблицъ знаковъ, извлеченныхъ изъ русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Сборникъ Тромонина, не имѣя системы, неудобенъ для справокъ, и, кромѣ того, не лишенъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе сборникъ Тромонина имѣлъ большое значеніе: въ эпоху, когда вышелъ этотъ сборникъ, ничего подобнаго не имѣлось и въ западной литературѣ, а по количеству снимковъ этотъ трудъ оставался самымъ большимъ до конца XIX столѣтія. Болѣе полувѣка русскіе словесники и историки пользовались отличною услугой этого безкорыстнаго и скромнаго любителя. Въ 1891 году проф. Н. П. Лихачевъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ археологовъ и лучшій знатокъ русской иконописи, выступилъ съ книгой „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ“. Кромѣ спеціальнаго изслѣдованія о русской бумагѣ эта книга содержала теоретическое изслѣдованіе палеографической цѣнности филиграней и альбомъ, въ которомъ водяные знаки были распредѣлены по странамъ производства. Въ 1899 году вышла въ свѣтъ вторая работа Лихачева „Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ“—три большихъ тома, содержащихъ 1. Теоретическое введеніе, 2. Систематическое описаніе, 3. Альбомъ, заключающій болѣе 4.000 знаковъ. Лихачевъ кратко объединилъ въ альбомѣ и изслѣдованіи итоги, добытые западными и русскими палеографами, исправивъ и дополнивъ этотъ матеріалъ собственнымъ трудомъ, одинаково значительнымъ, какъ по размѣрамъ, такъ и по научной цѣнности. Только въ 1907 году западная литература обогатилась капитальнымъ трудомъ о филиграняхъ, превосходящимъ всѣ предшествующіе: вышла въ свѣтъ давно ожидаемая книга Шарля Брике, женевскаго фабриканта и торговца бумагой, посвятившаго долгіе годы научному изслѣдованію бумажнаго производства—C. M. Briquet, Les Filigranes, Paris 1907. Этотъ трудъ содержитъ болѣе шестнадцати тысячъ водяныхъ знаковъ. Матеріалъ расположенъ очень удобно въ видѣ словаря названій, раздѣленнаго на четыре книги, изъ коихъ каждая содержитъ альбомъ рисунковъ

къ данной части алфавита. Пользованіе этимъ огромнымъ и дорогимъ трудомъ разумѣется мало доступно. При томъ филиграни доведены въ немъ только до 1600-го года.

§ 55. Перечислимъ нѣкоторые водяные знаки часто встрѣчающіеся въ русскихъ рукописяхъ.

Пятнадцатому вѣку свойственны: виноградная вѣтвь, корона, звѣзда подъ короной, якорь, ножницы, дельфинъ, готическое R, готическое M и такъ называемыя „три горы“; кромѣ того, охотничій рогъ (онъ же въ к. 17—нач. 18 вѣка въ гербѣ на голландской бумагѣ!), гербъ съ тремя лиліями (онъ же въ иныхъ сочетаніяхъ—въ 16 вѣкѣ!). Большинство этихъ знаковъ извѣстно (въ иныхъ варіантахъ) еще въ XIV вѣкѣ, въ XV они не перестаютъ давать новые варіанты, и, мѣняясь, заходятъ и въ XVI вѣкъ. Однако большинство варіантовъ приходится на XV вѣкъ.

Шестнадцатому вѣку особенно свойственны: перчатка (она же въ концѣ 15 вѣка!), различные кувшинчики (заходятъ и въ 17 вѣкъ!) знаки съ именами различныхъ французскихъ фабрикантовъ (см. выше), свинья, тіара, многочисленные польскіе гербы.

Семнадцатому вѣку свойственны: во 2-й ½ голова шута въ зубчатой пелеринкѣ, гербъ города Амстердама. Въ 1-й знаки очень разнообразны.

Восемнадцатому вѣку свойственны: Амстердамскій гербъ, аллегорическая сцена съ надписью pro patria, русскій двуглавый орелъ, Ярославскій гербъ (стоящій медвѣдь съ алебардой на плечѣ, заходитъ въ извѣстныхъ варіантахъ и въ начало XIX-го), Ростовскій гербъ (олень), Московскій гербъ (Георгій), буквы **РѲ**, **РФ** (т. е. «русская фабрика») въ различныхъ рамкахъ и др. Съ 1760-хъ годовъ и по 1840-е включительно русская бумага нерѣдко содержитъ водяные знаки въ видѣ датъ (отдѣльно или въ сочетаніи съ водяными знаками фигурными и буквенными[1]). Разсмотримъ нѣсколько знаковъ, державшихся болѣе долгое время: готическое P (съ средины 15 до конца 16 в.), кувшины разные (съ сред. 15 почти до средины 17 в.), бычачья голова (со 2-ой четверти 14 вѣка до 2-ой четверти 16.). Готическое P измѣняется

[1]) Нерѣдко цифры этихъ датъ распредѣлены по двѣ на первой и на второй части согнутаго листа. Если рукопись сложена въ четвертку, эти двѣ части даты не являются на сосѣднихъ листкахъ, а иногда одна часть даты совершенно отсутствуетъ (если нѣкоторые листки не попали въ рукопись или подверглись усиленному обрѣзу). Тогда приходится судить о датѣ по двумъ цифрамъ, помня что даты на поздней русской бумагѣ по б. ч. встрѣчаются въ границахъ 1760—1850. Такъ какъ десятки восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка обыкновенно не совпадаютъ, то послѣднія двѣ цыфры точно опредѣляютъ всю дату. Затрудненіе составляютъ цыфры 17 и 18, изъ коихъ первая можетъ обозначать 1817 или любую дату 18-го вѣка, вторая 1818 годъ и любую другую дату 19-го вѣка.

довольно незначительно, но другіе устойчивые знаки эволюціонируютъ и представлены многочисленными хронологическими варіантами, которые точнѣе датируютъ полустолѣтіе, четверть вѣка, иногда десятилѣтіе. Такъ напр. бычачья голова появилась въ началѣ 14 вѣка въ очень простомъ видѣ, но въ томъ-же вѣкѣ получила между рогами вертикальную черту съ крестикомъ, или звѣздочкой наверху; послѣдніе два типа перешли въ 15 вѣкъ, а въ самомъ 15-мъ вѣкѣ возникли типы съ мачтой (между рогами) въ двѣ параллельныя линіи, съ различными украшеніями наверху: крестомъ, розеткой, крестомъ поверхъ розетки, розеткой поверхъ креста, короной подъ розеткою. Во второй половинѣ 15 вѣка возникаетъ типъ бычачьей головы съ змѣею, обвивающей мачту, на концѣ мачты крестъ; этотъ типъ переходитъ въ 16 столѣтіе. Хорошо эволюціонируетъ русскій водяной знакъ Медвѣдь стоящій съ аллебардою на плечѣ (гербъ Ярославской губ.). Минуя частности, слѣдуетъ отмѣтить, что въ 1730-хъ г.г. и 1740-хъ медвѣдь стоитъ въ очень простой рамкѣ стиля барокко; подъ конецъ сороковыхъ годовъ, въ 1750-хъ и 1760-хъ годахъ рамка барокко сложна и богата. Въ 1770-хъ рѣдко, 1780-хъ годахъ часто—рамы нѣтъ; корона (ранѣе вѣнчавшая раму) паритъ въ воздухѣ, а медвѣдь стоитъ или (чаще) пляшетъ. Съ середины 1780-хъ годовъ и въ 1790-хъ находимъ медвѣдя въ прямоугольномъ гербовомъ подъ короною щитѣ. Съ конца 1790-хъ и въ 1800-1810 годахъ медвѣдь стоитъ въ овальной травной рамкѣ. Въ 1810—1815 г.г. рамка къ верху открыта, и корона виситъ на воздухѣ. Все это знаки Ярославской бумажной фабрики Яковлевыхъ. Въ 1810—1825 годахъ медвѣдь включенъ Гончаровской бумажной фабрикой (вмѣсто льва) въ аллегорическую группу Pro patria.

Кирилловскіе почерки.

§ 56. Старославянскіе памятники эпохи Первоучителей не дошли до насъ, и т. о. вопросъ объ азбукѣ Первоучителей не рѣшается непосредственно. Косвенныя соображенія заставляютъ считать изобрѣтеніемъ Кирилла глаголицу, о чемъ говорится выше (стр. 13. и слѣд.). Въ настоящемъ руководствѣ разсматривается исторія однихъ кирилловскихъ почерковъ. неверно

Въ теченіе 12-го вѣка у православныхъ славянъ глаголица вообще исчезаетъ и единственнымъ письмомъ остается у нихъ кириллица. Въ кириллицѣ мы различаемъ три рода почерковъ, или три основныхъ манеры письма, смѣняющихъ другъ друга: уставъ, полууставъ и скоропись. Древнѣйшимъ и слѣдовательно первоначальнымъ почеркомъ является уставъ. Уставъ во всѣхъ разрядахъ письменности въ извѣстную эпоху вытѣсняется полууставомъ и съ этого момента сохраняется только искусственный уставъ, и то въ ограниченномъ употребленіи—въ роскошныхъ,

каллиграфически исполненныхъ литургическихъ памятникахъ. Затѣмъ полууставъ вытѣсняется скорописью изъ тѣхъ разрядовъ письменности, которые служатъ практическимъ цѣлямъ, позднѣе—также изъ разряда литературныхъ памятниковъ. Въ отдѣлѣ памятниковъ литургическихъ и другихъ чисто религіозныхъ полууставъ удерживается, пока существуетъ сама писаная литература.

Всѣ попытки точно установить отличительные признаки устава, полуустава и скорописи на основаніи внѣшности этихъ трехъ видовъ письма страдаютъ неопредѣленностью; добытыя такимъ образомъ опредѣленія у разныхъ изслѣдователей значительно расходятся, а на дѣлѣ часто оказываются недостаточными. Между тѣмъ практически, т. е. на реальныхъ примѣрахъ, различеніе трехъ видовъ письма усваивается безъ затрудненій, и колебанія являются сравнительно рѣдко. Все это объясняется тѣмъ, что взаимныя различія устава, полуустава и скорописи многочисленны, но не всѣ одинаково обязательны, т. е. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ отсутствовать или быть слабо представлены такіе внѣшніе признаки, которые для того или другаго изслѣдователя являются существенными. Поэтому мы считаемъ цѣлесообразнымъ опредѣлять уставъ, полууставъ и скоропись не по ихъ внѣшнему виду, а по цѣли, какую имѣетъ каждый изъ этихъ видовъ письма. Славянскій уставъ, подобно своему источнику—уставу византійскому, есть медленное и торжественное письмо; оно имѣетъ цѣлью красоту, правильность, церковное благолѣпіе. Уставъ характеризуетъ эпоху, когда письменность носитъ преимущественно литургическій характеръ. Отсюда вытекаютъ всѣ его внѣшнія особенности—отчетливый архитектурный характеръ линій и незначительное количество сокращеній. Уставъ, какъ и всякое письмо, имѣетъ свои варіанты и втеченіе своего существованія не остается безъ измѣненій. Такъ среди древнѣйшихъ русскихъ рукописей Остромирово Евангеліе имѣетъ уставъ крупный и красивый, нѣсколько сжатый съ боковъ, Изборникъ 1073 года имѣетъ уставъ средней величины, болѣе простой и буквы близкія къ квадратнымъ (не сжатыя съ боковъ), служебныя минеи девяностыхъ годовъ 11-го вѣка имѣютъ уставъ простой и мелкій. Но всѣмъ этимъ памятникамъ свойственны: геометрическій, медленно вычерченный характеръ буквъ и малое количество сокращеній. Эти особенности русскій уставъ, при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, сохраняетъ и позднѣе, ибо въ эпоху устава писаніе рукописей является главнымъ образомъ набожнымъ дѣломъ, и эта точка зрѣнія, устраняющая спѣшность труда, въ значительной степени распространяется даже на памятники, служащіе практическимъ цѣлямъ, каковы напр. грамоты. Славянскій полууставъ характеризуетъ эпоху, когда письменность перерастаетъ литургическія рамки и обнаруживаетъ болѣе широкое ли-

тературное развитіе. Въ связи съ возросшей потребностью въ книгахъ полууставъ является какъ дѣловое письмо писцовъ, работающихъ на заказъ и на продажу: полууставъ соединяетъ цѣли удобства письма и четкости; отсюда его внѣшнія примѣты: полууставъ вообще говоря мельче и проще устава и имѣетъ значительно больше сокращеній; гораздо чаще устава полууставъ бываетъ наклоннымъ—къ началу или концу строки, ибо строго вертикальные почерки требуютъ всего болѣе времени и тщательности. Вертикальный, или прямой полууставъ обыкновенно лишенъ каллиграфической строгости: отдѣльныя буквы его бываютъ прямы только болѣе или менѣе. Равнымъ образомъ буквы въ полууставѣ не выдерживаютъ строго геометрическаго принципа: прямыя линіи допускаютъ нѣкоторую кривизну, округлыя—не представляютъ правильной дуги. Все это результатъ облегченнаго или упрощеннаго процесса письма, которое стремится прежде всего къ удобству, а требованіе красоты замѣняетъ требованіемъ четкости. Принципу удобства служатъ и сокращенія, но количество ихъ бываетъ очень различно. Удобство между прочимъ необходимо соединяется съ извѣстнымъ ускореніемъ, но скорость не есть прямая цѣль полуустава, ибо другимъ его требованіемъ является четкость. Полууставъ, въ которомъ ускореніе процесса письма сказывается замѣтно, называется бѣглымъ полууставомъ. Если желаніе ускорить процессъ письма сказывается не въ одной простотѣ начерковъ, а также въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ заимствованіяхъ у скорописи, говорятъ о полууставѣ переходящемъ въ скоропись. Въ эпоху полуустава долго сохраняется уставъ для роскошныхъ литургическихъ памятниковъ. Но наконецъ уставъ и въ этомъ искусственномъ употребленіи замѣняется такъ называемымъ каллиграфическимъ полууставомъ. Онъ крупнѣе и тщательнѣе простого полуустава, но сохраняетъ многія свойства, выработанныя этимъ послѣднимъ въ цѣляхъ удобства, именно—наклонъ, кривизну прежнихъ прямыхъ, болѣе многочисленныя сокращенія. Скоропись есть особый видъ письма, имѣющій цѣлью исключительно экономію времени, или ускореніе процесса письма, при томъ—значительное.

Скоропись впервые появляется подъ конецъ той эпохи, въ коей господствуетъ уставъ, но распространяется скоропись только въ эпоху полуустава. Скоропись характеризуетъ эпоху, когда письмо широко распространено не только въ качествѣ потребности высшей культуры, но также въ качествѣ орудія практическихъ цѣлей—сначала въ международныхъ и правовыхъ отношеніяхъ, затѣмъ—въ государственномъ и частномъ управленіи; въ этихъ двухъ послѣднихъ областяхъ въ силу усложненія государственнаго управленія и частнаго хозяйства первоначальныя краткія записи все болѣе замѣняются системой подробныхъ документовъ. Существенное ускореніе процесса письма достигается въ

скорописи особыми пріемами, которыхъ не знаютъ ни уставъ, ни полууставъ; эти пріемы письма рѣзко отражаются на внѣшнемъ видѣ скорописныхъ буквъ и ихъ соединеніи. Даже сокращенія получаютъ въ скорописи существенно иной характеръ. Ср. ниже въ главѣ о скорописи.

§ 57. О происхожденіи Кирилловскаго устава говорится выше (стр. 16 и слѣд.). Памятники первоначальной кириллицы не дошли до насъ[1]). Изъ дошедшихъ до насъ кирилловскихъ памятниковъ опредѣленнаго года древнѣйшій принадлежитъ эпиграфикѣ—это надпись царя Самуила, 993 года[2]). Надпись эта повидимому есть и вообще древнѣйшій изъ дошедшихъ памятниковъ кириллицы, ибо среди недатированныхъ ни одинъ архаизмомъ своихъ начертаній не можетъ сравниться съ надписью Самуила.

Древнѣйшіе датированные памятники кирилловской письменности принадлежатъ русскому изводу. Остромирово Евангеліе 1056—57 годовъ, Изборникъ 1073 года, Изборникъ 1076 года, Архангельское Евангеліе 1092 года и три Новгородскихъ минеи 90-хъ годовъ XI вѣка. Т. о. непосредственно по даннымъ почерка этихъ рукописей мы можемъ судить лишь о второй половинѣ XI вѣка; ей принадлежитъ и древнѣйшій памятникъ русской эпиграфики — такъ называемый Тмутороканскій камень 1068 года; онъ содержитъ надпись о томъ, что князь Глѣбъ мѣрилъ по льду ширину Тмутороканскаго пролива отъ Тамани до Корчевы. Однако, косвенно мы можемъ судить также о письменности X вѣка и первой половины XI вѣка. В о-п е р в ы х ъ, русскіе памятники XI вѣка, по показаніямъ ихъ языка, суть списки съ древнеболгарскихъ оригиналовъ. Роскошное Остромирово Евангеліе хорошо сохраняетъ Симеоновскую редакцію не только текста, но и языка, т.-е. восточно-болгарскій говоръ X вѣка. Въ Изборникѣ 1073 года имя князя Святослава писано, какъ извѣстно, по разурѣ

[1]) Допуская, что Кирилломъ Первоучителемъ изобрѣтена глаголица, по косвеннымъ соображеніямъ необходимо принять, что кириллица возникла черезъ полъ вѣка, въ Восточной Болгаріи при дворѣ царя Симеона (первая четверть десятаго вѣка). Воспитанный въ Византіи и навсегда сохранившій-преклоненіе передъ Царьградской культурой, Симеонъ съ 893 года вступаетъ на болгарскій престолъ и послѣ кратковременной войны заключаетъ съ Византіей двадцатилѣтній миръ; по истеченіи этого договора, вся вторая часть (913—927) Симеонова царствованія занята непрерывными и напряженными войнами съ Византіей. На первый, двадцатилѣтній періодъ падаетъ вся культурная дѣятельность Симеона: тогда создаетъ онъ первую у славянъ литературную школу и древне-болгарскую литературу. Тогда-же, въ прямое подражаніе византійскому уставу, могла быть создана кириллица взамѣнъ глаголицы, производившей впечатлѣніе скорѣе восточнаго, нежели греческаго письма.

[2]) Эта надгробная плита съ именами родителей и брата западноболгарскаго царя Самуила найдена въ Македоніи, въ церкви села Германъ, близъ озера Преспы.

(т. е. по подскобленному), а въ одномъ болѣе позднемъ спискѣ того же памятника сохранено имя Симеона. И хотя Изборникъ 1073 г. и другіе памятники передаютъ свои древнеболгарскіе оригиналы менѣе тщательно, чѣмъ Остромирово Евангеліе, и вносятъ много руссизмовъ, всѣ эти памятники въ графикѣ (рисункѣ буквъ) и орѳографіи (обозначеніи звуковъ) содержатъ много традиціоннаго, восходящаго къ ихъ болѣе древнимъ оригиналамъ. Во вторыхъ, до насъ дошли, хотя и немногочисленные и всё лишь недатированные, памятники древне-болгарской кириллицы, изъ коихъ главные Супрасльская рукопись (мартовская минея) и Саввина кѫига (Евангеліе апракосъ). Обѣ эти рукописи слависты относятъ къ XI вѣку на основаніи сравненія съ русскими датированными рукописями XI вѣка (см. выше), при чемъ Савв. и Супр. могутъ быть и нѣсколько древнѣе этихъ древнерусскихъ памятниковъ. Древнеболгарскія рукописи XI вѣка въ своей графикѣ и орѳографіи также сохраняютъ разныя черты своихъ болѣе древнихъ оригиналовъ. Въ третьихъ, среди эпиграфическихъ памятниковъ, по б. ч. незначительныхъ, до насъ дошелъ подлинный памятникъ конца X вѣка—уже упомянутая надпись Самуила. Сравненіе указанныхъ трехъ источниковъ позволяетъ сдѣлать различныя предположенія о древнѣйшей кириллицѣ X вѣка и указать т. о. архаизмы и новообразованія въ графикѣ XI вѣка. Наконецъ, въ четвертыхъ, конечный источникъ кириллицы—греческій литургическій уставъ IX-X вѣка даетъ повѣрку такимъ предположеніямъ.

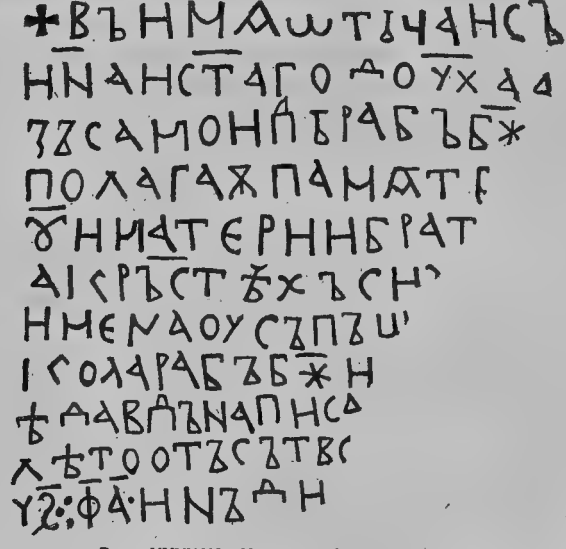


Рис. XXXVIII. Надпись Самуила 993 г.

§ 58. Исходя изъ этихъ данныхъ, можно утверждать, что первоначальная, до насъ не дошедшая, кириллица имѣла слѣдующія особенности.

1. Буква **Ѧ** имѣла маленькую трехугольную головку, а спинку—наклонную влѣво. Надпись Самуила, Саввина Книга, а иногда и Супрасльская рукопись имѣютъ эту черту. Русскія датированныя рукописи 11-го вѣка этой черты не имѣютъ—вѣроятно по тому, что относятся всѣ ко 2-ой половинѣ 11-го вѣка. Въ юго-славянскихъ рукописяхъ такое **ѧ** встрѣчается и позднѣе 11-го вѣка.

2. Буква **Ꙋ** имѣла маленькую головку въ видѣ полукруга, вверху прильнувшаго къ прямой спинкѣ. Таково **Ꙋ** въ надписи Самуила и на серебряныхъ монетахъ Ярослава Мудраго († 1054). Русскія датированныя рукописи этой черты уже не имѣютъ, также какъ Саввина книга и Супрасльская рукопись. Но позднѣе такое **ꙋ** снова проскальзываетъ въ югославянскихъ рукописяхъ, а изъ русскихъ рукописей, лишенныхъ даты, подобное **ꙋ** находимъ въ житіи Кодрата.

3. Буквы **Ц** и **Ѱ** стояли хвостиками на строкѣ и т. о., подобно древнѣйшимъ **ѧ** и **ꙋ**, имѣли верхнюю часть малаго размѣра. Единственное **ц** въ надписи Самуила имѣетъ такой видъ. Таковы **ц** и **ѱ** въ Саввиной книгѣ. Русскія датированныя рукописи 11-го вѣка уже не знаютъ этой черты. Но въ югославянскихъ рукописяхъ она встрѣчается и позднѣе 11-го вѣка.

Всѣ три особенности могутъ быть опредѣлены какъ «малый масштабъ» знаковъ **Ѧ Ꙋ Ц Ѱ**. Втеченіе 11-го вѣка у русскихъ, втеченіе 12-го у южныхъ славянъ всѣ эти знаки увеличены до масштаба остальныхъ знаковъ алфавита. Другія графическіе черты древнѣйшей кириллицы сохраняются какъ древнеболгарскими, такъ и древнерусскими памятниками 11-го вѣка, а по б. ч. свойственны и рукописямъ 12-го вѣка, особенно—югославянскимъ, о чемъ говорится ниже.

Главнѣйшіе древнеболгарскіе памятники перечислены выше, стр. 24, примѣчаніе. Они узнаются главнымъ образомъ по изводу, т.-е. по типу своего языка (ср. выше, стр. 23), затѣмъ—въ связи съ языкомъ—по орѳографіи, т.-е. по обозначенію звуковъ знаками алфавита. Въ языкѣ и правописаніи эти древнеболгарскіе памятники обнаруживаютъ нѣкоторыя діалектическія различія, о чемъ даются свѣдѣнія въ каждомъ научномъ учебникѣ старославянскаго (древнеболгарскаго) языка.

Русская письменность

на пергаментѣ

§ 59. Съ 11-го вѣка по начало 15-го, т.-е. втеченіе четырехъ вѣковъ, русская графика представляетъ непрерывную эволюцію, во многомъ отличную отъ югославянской. Русскіе почерки внутри этого періода должны быть

разсматриваемы независимо отъ югославянскихъ. Только въ начальной и конечной точкѣ этого пути сравненіе съ югославянской графикой необходимо; въ 11-мъ вѣкѣ въ Россіи еще сказываются древнеболгарскія вліянія, въ началѣ 15-го—начинаютъ сказываться вліянія среднеболгарскія и сербскія.

§ 60. Одиннадцатый вѣкъ. Датированные памятники перечислены выше, стр. 95; они всѣ принадлежатъ второй половинѣ вѣка. Кромѣ нихъ дошли русскія недатированныя рукописи, относимыя къ 11-му вѣку по сходству ихъ начертаній съ начертаніями выше указанныхъ датированныхъ памятниковъ. А изъ этого сходства можно сдѣлать выводъ, что и недатированныя русскія рукописи 11-го вѣка, дошли главнымъ образомъ изъ второй его половины[1]).

Русскій одиннадцатый вѣкъ въ своихъ начеркахъ имѣетъ чрезвычайно много общаго съ двѣнадцатымъ. Обоимъ вѣкамъ свойственны: **И** (звукъ *і*) вполнѣ подобное гражданскому печатному *энг*, (рис. 39, рядъ 8, знакъ 1); **N** (звукъ *н*), тождественное съ латинскимъ (тамъ-же знакъ 6), а равно три другихъ варіанта *энг*—съ нѣсколько укороченной перекладиной (тамъ-же знаки 7—9); въ 12-мъ господствуетъ первый изъ этихъ начерковъ (знакъ 7); симметричное **Ж**; симметричное **У**—съ округлой или съ угловатой чашей. Вообще, оба вѣка объединяются преимущественно геометрическимъ стилемъ начерковъ и—насколько возможно—симметричностью ихъ частей.

Различія между 11-мъ и 12-мъ вѣками немногочисленны и не рѣзки. Изъ 11-го вѣка сохранились по б. ч. красивыя, каллиграфическія рукописи, писанныя болѣе или менѣе крупными, изящными почерками. Мелкіе и простые почерки извѣстны главнымъ образомъ въ самомъ концѣ 11-го вѣка. Въ 12-мъ вѣкѣ преобладаютъ рукописи болѣе простаго и мелкаго «дѣловаго» почерка, что соотвѣтствуетъ раздѣленію русской территоріи на княжества съ мѣстными центрами. Роскошныя рукописи 12-го вѣка очень рѣдки[2]).

---

[1]) Преслѣдуя въ этой книгѣ главнымъ образомъ практическія цѣли, мы не даемъ перечней недатированныхъ рукописей, хотя бы древнѣйшей эпохи.

[2]) Датированныхъ памятниковъ русскаго 12-го вѣка восемь: 1. (Роскошное) Мстиславово Евангеліе, писано около 1115 года, 2. Юрьевское Евангеліе, писано около 1120 года, 3. Галицкое Евангеліе, писано въ 1144 году, 4. Стихирарь праздничный нотный, писанъ въ 1157 году (всѣ четыре хранятся въ Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ), 5. Стихирарь праздничный, писанъ около 1160 года (Петрогр. Дух. Акад.), 6. Добрилово Евангеліе 1164 года (Моск. Румянц. Музей), 7. Грамота князей Мстислава и Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, дана около 1130 года, 8. Вкладная грамота преп. Варлаама Хутынскому монастырю близъ Новгорода, дана около 1192 года. Недатированныхъ памятниковъ 12-го вѣка гораздо больше.

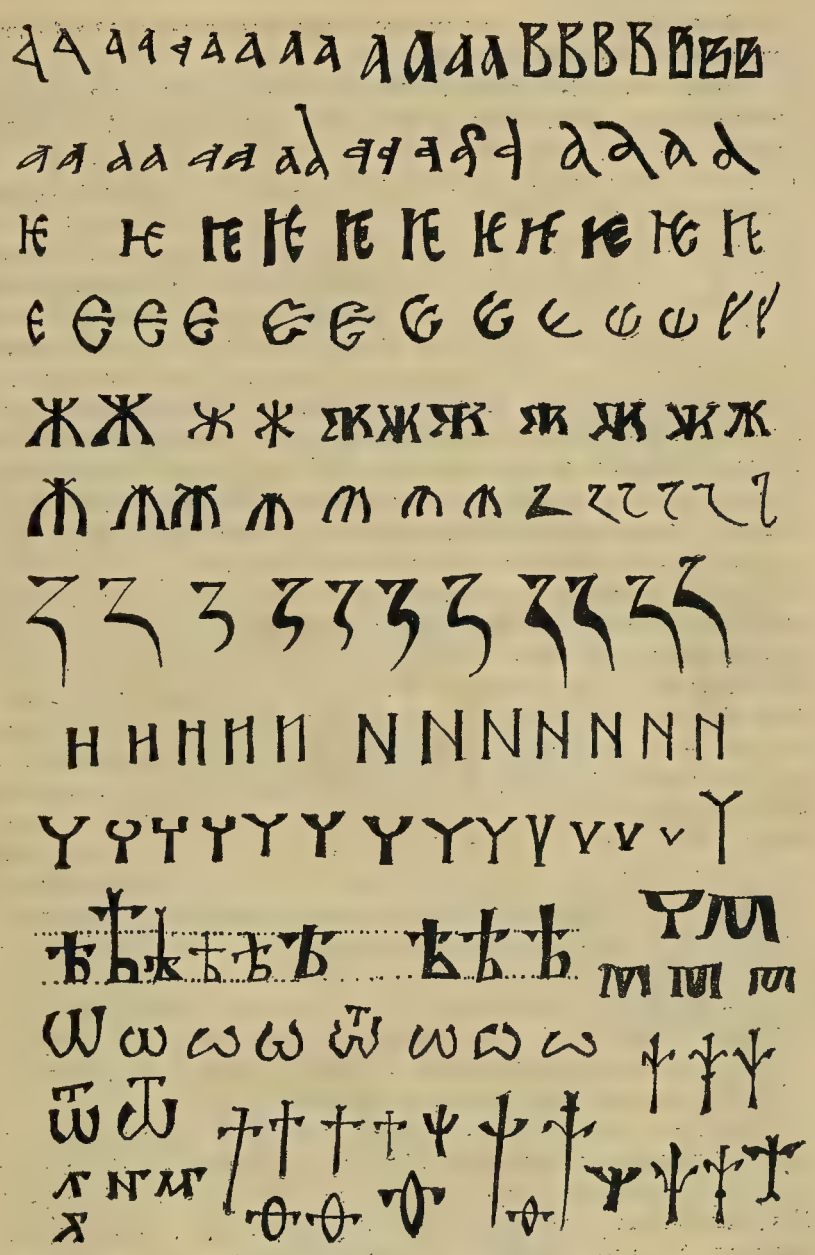


Рис. XXXIX (русс. 11—14 в.).

§ 61. Начерками различаются довольно рѣзко въ 11 и 12 вѣкѣ только знаки ять, омега и пси.

Знакъ Ѣ въ 11-мъ вѣкѣ не выходитъ своею мачтой выше верхняго уровня строки, а поперечная линія буквы лежитъ ниже этого уровня (рис. 39, рядъ 10, знаки 1, 4, 5). Въ 12-мъ вѣкѣ ѣ своею мачтою по б. ч. нѣсколько (очень мало) возвышается надъ верхнимъ уровнемъ строки, а коромысло буквы лежитъ въ этомъ уровнѣ или приближается къ нему (тамъ-же, знакъ 6). Главное исключеніе составляетъ Изборникъ 1073 года, въ коемъ ѣ имѣетъ типъ 12-го вѣка. Кромѣ того въ 11-мъ вѣкѣ иногда употребляется (по б. ч. въ концѣ строки) особое декоративное ѣ съ очень высокой мачтой, иногда съ коромысломъ, пересѣкающимъ мачту въ самомъ верху ея (тамъ-же, знаки 2 и 3). Знаки омега и пси употребляются сравнительно рѣдко: 1. въ словахъ, заимствованныхъ непосредственно изъ греческаго: ѡлиѳъ, ѱалтирь и др., 2. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ ѿ=отъ, ѱи=пьси (им. мн. «псы»), ѱати=пьсати («писать»). 3. Въ числовомъ употребленіи: ѡ=800, ѱ=700. Въ Евангеліяхъ, Апостолахъ и др. церковныхъ книгахъ эти цифры могутъ быть найдены въ счетѣ «зачалъ», или отрывковъ, читаемыхъ въ церкви.

Въ 11-мъ вѣкѣ омега почти безъ исключеній имѣетъ высокую середину, какъ въ слѣдующемъ знакѣ: ѡ, ср. рис. 39, рядъ 11, знаки 1, 2, и 6; рядъ 12, знаки 1 и 2. Главныя исключенія таковы: 1) въ Изборникѣ 1073 года встрѣчаемъ ѻ и ѡ, 2) на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 года находимъ только одно написаніе ѿ, при этомъ такое, въ коемъ средина омеги уменьшена, чтобы дать мѣсто ножкѣ надписаннаго т, ср. рис. 39, рядъ 11, знакъ 5. Въ первой половинѣ 12-го вѣка омега съ высокой срединой еще встрѣчается (въ роскошномъ Мстиславовомъ Евангеліи, въ Юрьевскомъ, въ Галицкомъ, въ нѣкоторыхъ недатированныхъ памятникахъ), но отчасти въ тѣхъ-же рукописяхъ встрѣчается новый типъ омеги: съ сокращенной срединой, при чемъ одновременно обѣ петли этой буквы по б. ч. разведены, вслѣдствіе чего средина представляетъ не пониженную черту, а пониженный уголъ (тамъ-же знаки 3 и 4). Въ югославянскихъ памятникахъ послѣ 11-го вѣка иногда встрѣчается ѻ съ сокращенной срединой, но господствовать продолжаетъ старая ѡ съ высокой срединой, которая въ 14—15 вѣкахъ, въ эпоху югославянскаго вліянія, снова появляется у насъ, о чемъ ниже.

Въ 11-мъ вѣкѣ знакъ пси часто является въ крестовой формѣ, подобной глаголическому ⱄ, ср. рис. 39, рядъ 12, знаки 3—6. Но въ 11-мъ вѣкѣ уже встрѣчаются и иныя формы пси (см. рядъ 12 знаки 7—9. Изъ этихъ иныхъ формъ въ 12 вѣкѣ господствуетъ пси въ видѣ цвѣтка лиліи въ боковомъ изображеніи: вверху—высокій пестикъ, подъ нимъ поднимаются два лепестка съ отогнутыми концами, ср. рядъ 11 три

послѣднихъ знака. Форма лиліи извѣстна и въ дальнѣйшіе вѣка, но въ 13-мъ вѣкѣ наряду съ нею часто встрѣчается пси съ широко раскрытой конической чашечкой и низкимъ пестикомъ, ср. рядъ 13, четыре послѣднихъ знака. Въ югославянскихъ рукописяхъ позднѣе 11-го вѣка продолжаетъ господствовать пси крестовое, при немъ—нѣкоторыя другія формы, но пси въ видѣ лиліи повидимому отсутствуетъ[1]).

Такимъ образомъ для различенія 11-го и 12-го вѣковъ русской письменности примѣты омега и пси не являются абсолютными, именно—болѣе поздніе типы не говорятъ непремѣнно противъ 11-го вѣка. Однако болѣе ранніе типы довольно рѣшительно говорятъ въ пользу 11-го вѣка или начала 12-го. Здѣсь, какъ и всегда въ палеографіи, рѣшаетъ не отдѣльная примѣта, а совокупность примѣтъ.

Есть двѣ примѣты, свойственныя всему 11-му и всей первой половинѣ 12-го вѣка. Это, во первыхъ, юсъ большой (знакъ ѫ), и юсы іотованные: большой ѭ, малый ѩ. Во вторыхъ, только въ 11-мъ и въ первой половинѣ 12-го вѣка сильное смягченіе согласныхъ л и н обозначается посредствомъ крючка вверху направо, см. рис. 39, рядъ 13, знаки 1—3. Обѣ эти примѣты не абсолютныя: онѣ составляютъ отголосокъ древнеболгарскихъ оригиналовъ и выражаютъ особенности древнеболгарской, а не русской фонетики. Іотованныя юсы ѭ, ѩ, а равно юсъ большой неіотованный отсутствуютъ въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописяхъ конца 11-го вѣка, а въ первой половинѣ 12-го тѣ-же знаки (особенно ѭ и ѩ) извѣстны только меньшинству рукописей. Еще рѣже, даже въ 11-мъ вѣкѣ, встрѣчаются знаки л и н съ крючкомъ вм. обычнаго л, н съ слѣдующей іотаціей—въ такихъ случаяхъ какъ ꙁемлѩ, оуниє («лучшее«, сред. р.). Знаки л, н, съ крючкомъ и въ древнеболгарскихъ рукописяхъ должны были встрѣчаться не часто, ибо выражали діалектическіе факты языка.

Къ серединѣ 12-го вѣка многія черты древнеболгарской орѳографіи исчезли совершенно: сообразно русской фонетикѣ ѫ всюду замѣненъ написаніями оу или ꙋ; ѭ замѣненъ чрезъ ю; ѩ замѣненъ чрезъ ѧ и чрезъ ꙗ. Однако такое отсутствіе орѳографическихъ древнеболгарскихъ архаизмовъ одинаково характеризуетъ и всю послѣдующую русскую письменность, и слѣдовательно только при древнемъ, строго геометрическомъ характерѣ почерка оно указываетъ на вторую половину 12-го вѣка.

Намъ неоднократно приходится убѣждаться, что распредѣленіе памятниковъ по вѣкамъ есть въ сущности искусственный пріемъ, нарушающій наглядность постепенной эволюціи начерковъ: поле отдѣльныхъ примѣтъ

---

[1]) Омега съ высокой срединой и пси крестовое суть греческіе уставные типы 10-го вѣка, омега съ сокращенной срединой и пси въ видѣ лиліи—греческіе уставные типы 11-го вѣка, т.-е. факты византійской графики, отразившіеся въ Россіи съ опозданіемъ почти на столѣтіе.

очень различно: однѣ примѣты обнимаютъ вѣкъ, другія—полвѣка, третьи—полтора. Кромѣ того поле различныхъ примѣтъ нерѣдко пересѣкается пограничными линіями вѣковъ: почерки конца 11-го вѣка, особенно почерки простые, очень похожи на почерки первой половины 12-го, а почерки второй половины 12-го вѣка—на почерки начала 13-го вѣка.

§ 62. Русскій тринадцатый вѣкъ дѣлится на двѣ части татарскимъ нашествіемъ (1237). Первая часть въ палеографическомъ отношеніи примыкаетъ къ 12-му вѣку, вторая болѣе рѣзко отличается отъ него. По отношенію къ 13-му вѣку наши свѣдѣнія не столь ограничены, какъ ранѣе: русскій 11-ый вѣкъ имѣетъ семь, русскій 12-ый вѣкъ восемь датированныхъ памятниковъ, 13-ый вѣкъ имѣетъ двадцать датированныхъ памятниковъ: семь до татарскаго нашествія и тринадцать послѣ него. Русскій 13-ый вѣкъ въ почеркахъ, какъ и въ орнаментѣ, является эпохой переходной: въ 13-мъ вѣкѣ начерки постепенно теряютъ свой симметрическій характеръ, а переходный характеръ эпохи сказывается въ обиліи варіантовъ. Это есть одно изъ типичныхъ явленій 13-го вѣка: старые начерки сохраняются при новыхъ нерѣдко даже у одного и того-же писца. Различныя буквы могутъ имѣть отъ двухъ до четырехъ варіантовъ.

Новообразованія 13-го вѣка таковы (см. далѣе рис. 39).

1. Нижнія петли буквъ, ранѣе округлыя или трехугольныя, становятся негеометричны. У нѣкоторыхъ буквъ такія «тощія» и «набухшія» петли спорадически находимъ еще въ 12 вѣкѣ, но **Ь** и **Ъ** съ такими петлями принадлежатъ 13-му, а главное—только въ 13 вѣкѣ бываютъ почерки, въ коихъ эта черта проведена послѣдовательно, т.-е. по отношенію ко всѣмъ буквамъ. (ср. **к** 13-го вѣка: рядъ 10, знаки 7—9). Вслѣдствіе набуханія петель въ 13 вѣкѣ возникаютъ новые типы **к**—съ узкой или сокращенной впадиной между двумя петлями, см. рядъ 1, три послѣднихъ знака.

2. Буква **Ж** въ 11 вѣкѣ была очень симметрична. Она писалась тогда (по наблюденію Срезневскаго) въ три пріема, или взмаха: «вертикальная мачта, дуга вверху, дуга внизу» или чаще: «вертикальная мачта и двѣ діагонали», идущія сверху внизъ,—одна справа въ лѣво, другая слѣва вправо. Въ простыхъ и позднихъ почеркахъ 11-го вѣка находимъ небрежность линій и уклоненіе отъ строгой симметріи (ср. рядъ 5, знаки 1—2 и 3—4). Въ 12-мъ вѣкѣ такія уклоненія—чаще, въ 13-мъ они постепенно начинаютъ господствовать, при чемъ устанавливаются новые и очень различные способы написанія буквы: ея линіи проводятся теперь совершенно иначе (см. рядъ 5, знаки 5 и слѣд.). Всѣ эти новые начерки несимметричны.

3. Буква **И** (иже) въ 11-мъ вѣкѣ была тождественна съ современнымъ гражданскимъ **и** и такою-же оставалась въ 12-мъ вѣкѣ: рядъ 8,

знакъ 1. Въ 13-мъ прибываютъ новые типы: иже съ лежащей перекладиной вверху, иже съ косой перекладиной въ срединѣ и наконецъ—иже съ косой перекладиной вверху (см. рядъ 8, знаки 2—5).

4. Буква Н (нашъ), какъ мы видѣли, уже въ 11-мъ вѣкѣ могла имѣть варіанты съ укороченной (болѣе отлогой) перекладиной: см. рядъ 8, знаки 6—9. Изъ всѣхъ варіантовъ въ 12-мъ вѣкѣ преобладаетъ такой типъ, гдѣ перекладина не доходитъ до самаго низа правой мачты, но все-же спускается ниже ея середины. Въ 13-мъ вѣкѣ прибываютъ варіанты: «перекладина касается середины правой мачты» и «перекладина кончается выше середины правой мачты» (см. рядъ 8. знаки 10—12).

5. Буква Ѥ получаетъ эволюцію такую-же какъ Н, но хронологія сходныхъ варіантовъ здѣсь различна: Ѥ съ косой перекладиной и Ѥ съ приподнятой перекладиной появляются нечасто и главнымъ образомъ подъ конецъ 13-го вѣка (см. рядъ 3, знаки 3—6). Подобные типы Н появляются въ первой половинѣ 13-го вѣка и встрѣчаются чаще. Что касается знаковъ Ю и Ѩ, то варіанты съ высокой перекладиной появляются только въ 14-омъ вѣкѣ, а во второй половинѣ 14-го вѣка появляется иногда Ю и Ѩ съ косой перекладиной вверху (ср. рис. 40).

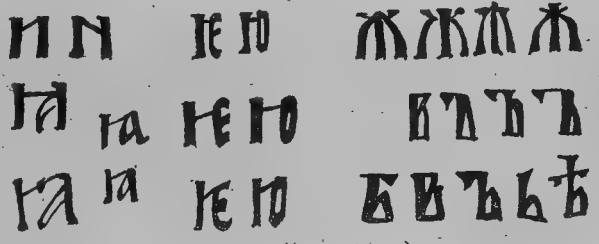


Рис. XL (русс. 14 в.).

6. Буква У въ 11-мъ и 12-мъ вѣкѣ была симметрична и имѣла мелкую чашечку,—по большей части округлую, иногда трехугольную, рѣже—прямоугольную (рис. 39, рядъ 9 знаки 1—7). Въ 13 вѣкѣ рѣшительно преобладаетъ трехугольная мелкая чашечка, но въ 13 вѣкѣ У пишется болѣе свободно и потому оно нерѣдко бываетъ несовсѣмъ симметричнымъ (рядъ 9, знаки 8—9). Только въ очень немногихъ русскихъ рукописяхъ 13-го вѣка встрѣчается одностороннее, т.-е совсѣмъ несимметричное Ч, какое станетъ господствующимъ только съ 15-го вѣка, послѣ эпохи югославянскихъ вліяній.

7. Въ 13-мъ вѣкѣ встрѣчаются иногда, особенно въ грамотахъ, буквы М и У покрытыя сверху лежащею чертою. (рядъ 10 въ концѣ).

8. Буква Ѣ въ теченіе 13-го вѣка замѣтнѣе выходитъ изъ строки вверхъ и коромысло его чаще лежитъ въ верхнемъ уровнѣ строки (рядъ 10, знакъ 7).

9. Верхи многихъ буквъ постепенно сокращаются. Сюда относятся **в ж к ъ**.

§ 63. Всѣ эти нововведенія достигаютъ типичности только постепенно (ранѣе и полнѣе—въ дипломатическихъ памятникахъ, чѣмъ въ литургическихъ) и долго имѣютъ при себѣ въ качествѣ пережитковъ болѣе старые варіанты.

Если искать общей графической причины этихъ перемѣнъ 13-го вѣка (а историческая перемѣна состояла въ упрощеніи потребностей въ обѣднѣвшей отъ разоренія странѣ), то мы найдемъ ее въ ослабленіи каллиграфическаго принципа,—въ общемъ упрощенномъ пріемѣ письма, состоящемъ изъ ремесленныхъ взмаховъ и нажимовъ. Подъ конецъ 13-го вѣка складывается изъ этихъ нововведеній такъ называемый новый стильный почеркъ, выправляющій буквы, дѣлающій ихъ снова красивѣе, но сохраняющій ихъ новые, отчасти несимметричные и негеометрическіе начерки. Этотъ почеркъ, порожденный каллиграфическими потребностями, имѣетъ нѣкоторую сжатость буквъ, или что то-же—бо́льшую ихъ высоту. Этотъ новый почеркъ въ сущности слѣдовало-бы назвать не «стильнымъ», а манернымъ, ибо въ замѣнъ стараго архитектурно-геометрическаго стиля кириллицы онъ вводитъ немногіе однообразные пріемы письма, которые отражаются однообразіемъ, хотя и интереснымъ, общаго впечатлѣнія строкъ. Стильный почеркъ переходитъ и въ 14-ый вѣкъ, гдѣ еще болѣе усовершенствуется. Его главнымъ достоинствомъ является бо́льшая четкость въ сравненіи съ старой кириллицей. Дѣло въ томъ, что каждая буква имѣетъ своего рода «сигнальную часть», ту, по которой она съ перваго взгляда отличается. И вотъ, вслѣдствіе сокращенія верховъ, подъема перекладинъ и набуханія петель въ новомъ стильномъ почеркѣ сигнальныя части у значительнаго количества буквъ сосредоточились вверху и т. о. образовалась какъ бы одна общая сигнальная линія, по которой легко и быстро скользитъ глазъ. Въ древней кириллицѣ такого общаго сигнальнаго уровня не было. Въ этомъ отношеніи между древней кириллицей и стильнымъ почеркомъ различіе приблизительно таково, какъ между современнымъ намъ обычнымъ гражданскимъ шрифтомъ и нѣкоторыми русскими шрифтами новаго стиля: послѣдніе также имѣютъ одинъ общій сигнальный уровень, м. т. к. воскрешаемые теперь древнѣйшіе гражданскіе шрифты Петровской эпохи въ этомъ отношеніи стоятъ много ниже обычнаго намъ гражданскаго шрифта. При новомъ стильномъ почеркѣ не только въ 13-мъ, но и въ 14-мъ вѣкѣ всегда продолжали существовать болѣе квадратные простые почерки.

§ 64. Русскій 14-ый вѣкъ завершаетъ эволюцію 13-го вѣка: среди начерковъ остаются въ употребленіи по б. ч. только нообразованія; начерки 11-го и 12 вѣка, которые въ 13-мъ вѣкѣ сохранялись въ качествѣ

пережитка; въ 14-мъ вѣкѣ исчезаютъ, а новообразованія 13-го втеченіе 14-го достигаютъ болѣе полной типичности: верхи многихъ буквъ сокращаются существенно, что особенно замѣтно напр. на **Ж**: во второй половинѣ 14-го вѣка оно иногда совсѣмъ лишено верха. Набухшія петли, округлыя и ломанныя, еще болѣе поднимаются вверхъ, что особенно замѣтно на буквахъ **Ъ Ы Ь**. У знаковъ **Н Ѝ Є Ю** господствуютъ варіанты съ перекладиной косой, но высокой и отлогой, т.-е. такой, которая лежитъ въ верхней трети буквъ. Буква **Ѣ** своею мачтой высоко вышло изъ строки, коромысло лежитъ въ верхнемъ уровнѣ строки. Буква **У** всегда имѣетъ чашу угловатую, при чемъ она глубже, чѣмъ въ 13-мъ вѣкѣ; въ 13-мъ вѣкѣ чаша обыкновенно не глубока, ножка длиннѣе ея или, въ крайнемъ случаѣ, равна ей. Въ 14-мъ вѣкѣ чаша по меньшей мѣрѣ равна ножкѣ, а во второй половинѣ вѣка чаша часто очень глубока, а ножка—коротка. Во второй половинѣ 14-го вѣка мы встрѣчаемъ букву *ча* совсѣмъ безъ ножки, именно—въ надстрочномъ написаніи; затѣмъ—вообще въ рукописяхъ писанныхъ мелкимъ почеркомъ и, наконецъ, очень часто въ грамотахъ. Напротивъ того, въ крупномъ манерномъ почеркѣ каллиграфическихъ памятниковъ **У** очень часто имѣетъ плоскую трехугольную чашу, какъ въ древней кириллицѣ: здѣсь оно подведено подъ общій сигнальный горизонтъ (рис. 39, р. 9). По той-же причинѣ въ манерномъ почеркѣ иногда является и **Р** съ маленькой головкой, хвостомъ стоящее на строкѣ.

Изъ пережитковъ 13-го вѣка въ 14-мъ, до середины его, еще держатся **Н** и **Є** съ высокой прямой перекладиной при типахъ **Н** и **Є** съ высокой косой перекладиной. Во второй половинѣ 14-го вѣка высокая косая перекладина господствуетъ. Съ середины 14-го вѣка вмѣсто **Є** и при немъ появляется такъ называемое якорное *е*, широкое, полулежащее въ строкѣ, съ язычкомъ направленнымъ вверхъ. Этотъ новый знакъ нѣсколько уже стараго іотованнаго **Є** и обыкновенно употребляется вмѣсто него въ видахъ экономіи мѣста—въ концѣ и подъ конецъ строки, почему при датировкѣ рукописей необходимо пробѣгать глазомъ именно концы строкъ—сверху до низу. Въ концѣ четырнадцатаго вѣка такое *е* въ мелкихъ почеркахъ иногда совершенно лежитъ и подобно якорю. Кромѣ того въ концѣ 14-го вѣка вмѣсто широкаго якорнаго *е* употребляется особое узкое, стоящее, съ высоко вытянутымъ язычкомъ [1]), см. рис. 39, рядъ 4 въ концѣ.

[1]) Якорное полулежащее *е* есть видоизмѣненіе греческаго широкаго **Є** стоящаго въ строкѣ; это греческое **Є** имѣло только декоративное значеніе и въ такомъ-же значеніи извѣстно изъ древнѣйшей кириллицы. Впервые въ Рязанской кормчей 1284 года и въ Псалтыри 1296 года декоративное **Є** нѣсколько приближается по рисунку къ якорному, но еще стоитъ въ строкѣ, хотя язычекъ уже приподнятъ (рис. 39, рядъ 4).

§ 65. Къ серединѣ 14-го вѣка, кромѣ всѣхъ указанныхъ особенностей, устанавливается послѣдовательное правописаніе. Въ началѣ слога (т.-е. въ началѣ слова и послѣ гласныхъ) пишутся только знаки **Ꙗ**, **Ѩ**, **Ѹ**, м. т. к. въ серединѣ слога пишутся только знаки **Є**, **Ѧ**, **Ꙋ**. Такое правописаніе во второй половинѣ 14-го вѣка господствуетъ, въ первой половинѣ 14-го вѣка оно проведено только въ немногихъ рукописяхъ; въ 13-мъ вѣкѣ оно только еще складывается[1]).

Кромѣ того въ 14-мъ вѣкѣ полугласныя **Ъ** и **Ь** пишутся почти только въ концѣ словъ; въ серединѣ словъ онѣ пропускаются въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ безслѣдно исчезли въ языкѣ, и замѣняются гласными **о** и **е** въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ въ русскомъ языкѣ перешли въ эти гласныя. Ранѣе и въ серединѣ слова въ зависимости отъ старославянскихъ образцовъ, писалось **Ъ** и **Ь**, и чѣмъ древнѣе рукопись—тѣмъ чаще; хотя нарушенія этой старославянской орѳографіи встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ 11-го вѣка.

§ 66. Въ послѣдней четверти 14-го вѣка появляется очень простой почеркъ, въ которомъ изслѣдователи справедливо видятъ не уставъ, а полуставъ (о полууставѣ ср. выше, стр. 93—94). Этотъ древнѣйшій, чисто русскій полуставъ вытекаетъ непосредственно изъ русскаго устава 14-го вѣка; подобно ему, является прямымъ почеркомъ, т.-е. имѣетъ буквы вертикальныя; онъ сохраняетъ также послѣднее правописаніе устава и его послѣдніе начерки, но придаетъ имъ чрезвычайно простой и некрасивый видъ, вслѣдствіе того что размѣренные ремесленные нажимы и взмахи замѣняются нѣсколько болѣе свободными движеніями пера. Изъ новыхъ начерковъ, созданныхъ этимъ древнѣйшимъ полууставомъ отмѣтимъ **У** съ сильно сокращенной или утраченной ножкой и два типа особаго знака *е* въ значеніи **Ѥ**: 1) узкое вертикальное съ приподнятымъ длиннымъ язычкомъ и 2) широкое почти или совсѣмъ лежащее въ строкѣ и потому особенно напоминающее якорь. Подобно уставному полулежащему *е*, оба эти начерка выражаютъ первоначально іотованное **Ѥ**, но подъ конецъ вѣка иногда употребляются и вмѣсто **Є** простаго. Кромѣ того древнѣйшій полуставъ имѣетъ **К** ступенчатое, а равно съ заходя-

---

[1]) Еще во второй половинѣ 13-го вѣка встрѣчаются рукописи, въ которыхъ употребленіе знаковъ **Ꙗ** и **Ѧ**, **Ѥ** и **Є** уже нормировано, но всюду еще сохраняется написаніе **Ѹ**. Другія рукописи той-же эпохи во всѣхъ трехъ случаяхъ непослѣдовательны. Припомнимъ, что въ старославянскомъ правописаніи смѣшенія всѣхъ этихъ знаковъ еще не было: **Ѧ** всегда обозначало ę (*е* носовое), **Ꙗ**—всегда обозначало группу ja, **Ѥ**—всегда je, **Є**—всегда э, **Ѹ**—всегда звукъ *у*, а **Ꙋ** всегда греческое ѵ (ипсилонъ). Для сокращенія громоздкаго **Ѹ** употреблялось въ древней кириллицѣ **ѹ**, и только съ русскаго 13-го вѣка въ томъ-же значеніи начинаетъ встрѣчаться **Ꙋ**.

щими другъ за друга петлями, а вмѣсто красиваго и большаго *з* имѣетъ маленькое и некрасивое округлаго или ломанаго рисунка, см. рис. 39. Буква Ѫ въ полууставѣ 14-го вѣка по б. ч. лишена головки, а буквы **Н Ν Ѥ Ю**, а равно Ѩ имѣютъ перекладину вверху—косую, по отлогую. Только **Н** можетъ писаться подобно печатному гражданскому: такое И пишется не отрывая руки. Въ общемъ сигнальный уровень въ полууставѣ выдержанъ не хуже, чѣмъ въ уставѣ, но четкость все-же стала меньше вслѣдствіе того, что весь почеркъ сталъ ниже. Древнѣйшій русскій полууставъ, равно какъ манерный литургическій уставъ, встрѣчается въ рукописяхъ еще и въ началѣ 15-го вѣка. Послѣдній въ эту эпоху даже особенно красивъ и крупенъ. Но вообще говоря на рубежѣ 14-го и 15-го вѣковъ русская графика и орѳографія претерпѣли радикальныя измѣненія, источникомъ коихъ было усиленное югославянское вліяніе[1]).

§ 67. Въ концѣ 14-го вѣка пали югославянскія государства—Сербія и Болгарія; на Балканахъ установилось турецкое иго. Съ этого момента много грамотныхъ церковныхъ людей бѣжитъ съ балканскаго юга въ Россію и приноситъ съ собою свои почерки, свое правописаніе, свой церковно-славянскій языкъ, свою литературную манеру, свою иконопись, свой орнаментъ, свои политическія идеи. Эти южные славяне, среди коихъ есть видные политическіе и литературные дѣятели (митрополитъ Кипріанъ, Григорій Цамблакъ, Пахомій Логоѳетъ) усиленно насаждаютъ въ Россіи югославянское вліяніе въ перечисленныхъ областяхъ культуры. Въ русской палеографіи эти вліянія составляютъ своего рода переворотъ. Къ его разсмотрѣнію нельзя приступить не ознакомившись предварительно, въ общихъ чертахъ, съ исторіей югославянской графики по конецъ 14-го вѣка. Замѣтимъ, что югославянское вліяніе по времени почти совпадаетъ съ раздѣленіемъ Русской Земли на два государственныхъ союза—Литовскій и Московскій. Эти союзы испытывали и перерабатывали югославянскія вліянія отдѣльно другъ отъ друга и потому не одинаково. Вслѣдствіе этого съ эпохи югославянскаго вліянія графика западно-русскаго и восточно-русскаго государства начинаетъ расходиться. Послѣднимъ общимъ звеномъ для обѣихъ письменностей является уставъ 14-го вѣка. До эпохи полуустава почерки западной и югозападной Россіи мало отличаются отъ почерковъ новгородскихъ, московскихъ и другихъ великорусскихъ, хотя подъ конецъ и отличаются отъ нихъ нѣсколько по своей манерѣ и внѣшнему виду, что объясняется очень мелкими различіями

[1]) Мы считаемъ неудобнымъ и сбивчивымъ говорить о двухъ югославянскихъ вліяніяхъ, одномъ—10-го вѣка, создавшемъ русскую культуру, и другомъ 14-го—15-го вѣка, видоизмѣнявшемъ ее. Подъ «вліяніемъ» обыкновенно разумѣется видоизмѣненіе.

орнаментальнаго характера въ написаніи отдѣльныхъ буквъ. Кромѣ того западный и югозападный уставъ русскій въ 13-мъ и 14-мъ вѣкѣ былъ менѣе великорусскаго отрѣзанъ отъ балканскихъ вліяній, почему напр. на западѣ уже въ 13-мъ и 14-мъ вѣкахъ употребляется иногда Ч одностороннее и Ѡ съ высокой серединой.

Югославянская письменность.

§ 68. Выше говорится о древнеболгарской, или старославянской письменности 9—10 вѣковъ (§ 10—15) и о древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ ея, которые почти всѣ относятся къ 11-му вѣку (§ 18, ср. также § 57 и примѣчанія).

Обширное болгарское царство еще въ серединѣ 10-го вѣка, при сынѣ Симеоновомъ, царѣ Петрѣ, распалось на два царства—западное и восточное. Восточное царство было покорено византійцами еще въ концѣ 10-го вѣка, западное—въ 11-мъ вѣкѣ. Только въ концѣ XII-го вѣка изъ національнаго возстанія возникаетъ 2-е болгарское царство, разцвѣтъ котораго относится къ первой половинѣ 13-го вѣка,—эпохѣ царя Іоанна Асѣня II, который владѣетъ какъ восточно-болгарскими такъ и македонскими землями. Во второй половинѣ 13-го и въ 14-мъ вѣкѣ болгарское царство ослабѣваетъ, не владѣетъ македонскими землями и существуетъ главнымъ образомъ благодаря покровительству болѣе сильной Сербіи. Въ серединѣ 14-го вѣка, при царѣ Іоаннѣ Александрѣ обнаруживается нѣкоторое оживленіе письменности, которое продолжается при его сынѣ, послѣднемъ болгарскомъ царѣ Іоаннѣ Шишманѣ. При Шишманѣ болгарскій патріархъ Евѳимій производитъ исправленіе церковныхъ книгъ. Это исправленіе состоитъ не только въ свѣркѣ съ греческимъ текстомъ и замѣнѣ устарѣвшихъ выраженій новыми; оно касается также правописанія: послѣднее въ Восточной Болгаріи еще при Іоаннѣ Александрѣ становится очень выдержаннымъ (единообразнымъ), м. т. к. въ подвластной сербамъ Македоніи правописаніе болгарскихъ рукописей разнообразно, непослѣдовательно и кромѣ того съ середины 13-го вѣка иногда осложняется сербскими чертами. Іоаннъ Шишманъ и Евѳимій выпускаютъ особый писцовый наказъ, или наставленіе для писцовъ. Въ концѣ 14-го вѣка Болгарія покорена и разорена турками; вмѣстѣ съ политической независимостью она утрачиваетъ и церковную: Болгарія отдана турками во власть греческаго духовенства.

§ 69. Сербское племя, занявшее гористую и мало доступную территорію, развивается медленно. Первые государственные союзы возникаютъ изъ родовыхъ союзовъ только въ 10-мъ вѣкѣ. Христіанство распространяется медленно. Въ одиннадцатомъ значительная часть сербской территоріи

находится подъ византійскимъ протекторатомъ. Только въ концѣ 12-го вѣка Стефанъ Нѣманя объединяетъ сербскія земли, искореняетъ въ нихъ язычество, католицизмъ и богумильство и утверждаетъ національную религіозную форму съ славянской литургіей. Только Боснія въ силу географическихъ условій остается отдѣльнымъ государствомъ и обнаруживаетъ оригинальное развитіе. Въ Босніи сильно распространено богумильство, а въ письменности боснійской вырабатывается своеобразный угловатый почеркъ кириллицы. Кромѣ того въ Босніи вырабатывается совершенно особое письмо, такъ называемая буквица: въ основѣ ея знаки кирилловскіе, но съ примѣсью глаголическихъ, при томъ тѣ и другіе—нѣсколько измѣнены. Въ 13-мъ вѣкѣ, особенно при Милутинѣ, могущество сербскаго королевства ростетъ, въ 14-мъ, при Стефанѣ Душанѣ, Сербія становится обширной имперіей. Въ концѣ того-же вѣка, при Душановыхъ преемникахъ Сербія, подобно Болгаріи, завоевана турками и становится къ нимъ сначала въ вассальную, потомъ въ непосредственную зависимость, сохраня однако церковную автономію и славянскую литургію. (Даты см. ниже, Приложеніе II. Хронологія). Сообразно всему сказанному мы можемъ ожидать развитія письменности только въ эпохи мощной національной консолидаціи югославянскихъ государствъ, особенно въ эпохи мирныя. Въ эпохи исключительно военныя развитіе письменности замедляется, при паденіи государства и, особенно, при паденіи національной церкви—останавливается, а письменность предыдущихъ, болѣе благопріятныхъ эпохъ въ значительной степени истребляется. Постояннымъ оплотомъ и хранилищемъ югославянской письменности являются лишь обители монашеской республики Аѳона, рукописныя сокровища коего до сихъ поръ далеко не вполнѣ приведены въ извѣстность.

§ 70. Древнѣйшіе датированные памятники сербской письменности относятся къ самому концу 12-го вѣка. Это во первыхъ—грамота Боснійскаго бана (князя) Кулина, 1189 года—важнѣйшій памятникъ для исторіи сербскаго языка, и во вторыхъ—два Евангелія Мирославово и Вуканово, оба писаны тоже въ концѣ 12 вѣка и не позднѣе 1200-го года: удѣльные князья Мирославъ и Вуканъ, для коихъ писаны эти рукописи, въ этомъ году уже не существовали. Обѣ эти рукописи суть списки съ древнеболгарскихъ оригиналовъ. Сербскіе памятники письменности, не имѣющіе ни прямыхъ, ни косвенныхъ датъ, также не восходятъ къ болѣе древней эпохѣ. Если не считать сербскихъ грамотъ, коихъ изъ 13-го и 14-го вѣка дошло значительное количество, слѣдующимъ важнымъ датированнымъ сербскимъ памятникомъ является Шестодневъ Іоанна Экзарха болгарскаго, 1263 года,—древнѣйшій списокъ этого сочиненія; этотъ списокъ сдѣланъ на Аѳонѣ съ среднеболгарскаго оригинала. Болгарскіе, или точнѣе—среднеболгарскіе дати-

рованные памятники отсутствуютъ до 13-го вѣка. Древнѣйшіе относятся къ эпохѣ Іоанна Асѣня II-го. Это, во первыхъ, Тырновская надпись 1230 года, вырѣзанная на мраморной колоннѣ храма Сорока Мучениковъ, въ память побѣды надъ греками и занятія Македеніи; во вторыхъ Болонская Псалтырь, она косвенно датируется лѣтописью на л. 126 bis. об., гласящей что рукопись писана въ Орхидѣ «при царѣ Асѣнѣ болгарскомъ». По историческимъ соображеніямъ въ этомъ царѣ можно видѣть только Іоанна Асѣня II, владѣвшаго почти всею Македоніей. Именно, Болонская Псалтырь писана между завоеваніемъ Македоніи и смертью Асѣня II (1230—1241)[1]). Къ тому же десятилѣтію должна относиться грамота Асѣня, выданная Дубровчанамъ. Изъ среднеболгарскихъ памятниковъ, не имѣющихъ ни прямой ни косвенной даты, только Добромирово Евангеліе (названо такъ по писцу), по даннымъ языка и графики относится къ 12-му вѣку. Остальные среднеболгарскіе памятники, до сихъ поръ относимые иногда къ 12-му вѣку (Слѣпченскій Апостолъ, Охридскій Апостолъ, Паремейникъ Григоровича) по совокупности своихъ примѣтъ должны быть относимы къ 13-му вѣку. Тревожная исторія балканскихъ государствъ, турецкое завоеваніе, гнетъ греческаго духовенства, еще въ 19-мъ вѣкѣ сжигавшаго иногда цѣлыя библіотеки славянскихъ рукописей, уничтожили значительную часть югославянской письменности, болгарской особенно. Число датированныхъ памятниковъ болгарскихъ такъ ограничено, что точное опредѣленіе вѣка значительно труднѣе, чѣмъ въ русской письменности. А такъ какъ рукописи 12-го вѣка почти отсутствуютъ, то практически вопросъ сводится къ различенію первой и второй половины 13-го вѣка, а равно къ различенію 13-го и 14-го вѣковъ. Для эпохи пергаменныхъ рукописей мы принуждены тщательно взвѣшивать примѣты графіи, орѳографіи, орнамента и языка, а въ эпоху бумажныхъ рукописей (у южныхъ славянъ—уже съ середины 14-го вѣка) существенную услугу при датировкѣ оказываютъ намъ водяные знаки.

Съ 12-го вѣка большинство югославянскихъ рукописей представляетъ полуустав. При немъ въ нѣкоторыхъ роскошныхъ рукописяхъ находимъ крупный и выправленный литургическій уставъ. Таково сербское Мирославово Евангеліе и нѣкоторыя болгарскія рукописи эпохи Іоанна Александра.

§ 71. Начерки въ югославянской письменности измѣнялись иначе, чѣмъ въ русской. Отмѣтимъ прежде всего, что различные начерки, характерные для древнѣйшей кириллицы, въ югославянскихъ рукописяхъ

[1]) Въ Россіи нѣкоторые филологи до сихъ поръ повторяютъ мнѣніе Срезневскаго, который видѣлъ въ этомъ имени Асѣня I (1186—1196). Своихъ основаній Срезневскій въ свое время не сообщилъ, и рѣшающихъ доводовъ въ пользу его взгляда съ тѣхъ поръ приведено не было.

продолжаютъ употребляться и позднѣе 11-го вѣка. Македоно-Болгарское Добромірово Евангеліе очень важно въ этомъ отношеніи своими показаніями. По состоянію языка и орѳографіи оно не можетъ быть относимо ни къ 11-му ни къ 13-му вѣку: оно съ одной стороны, утратило старую правильность въ употребленіи юсовъ, характерную для древнеболгарскихъ рукописей, съ другой—еще не имѣетъ новой нормировки юсовъ, или такъ называемой «смѣны» ихъ. По совокупности примѣтъ акад. Ягичъ справедливо относитъ Добромірово Евангеліе къ 12-му вѣку. Ясно, что за отсутствіемъ датированныхъ памятниковъ 12-го вѣка Добромірово Евангеліе становится главнымъ представителемъ и мѣриломъ этой эпохи болгарскихъ рукописей. Между тѣмъ Добромірово Евангеліе знаетъ слѣдующіе древнѣйшіе начерки: **Ѧ** и **Ꙗ** съ малою головкой, **Ѣ**, **Ꙋ** и **Ѱ** помѣщенныя вмѣстѣ съ хвостиками въ предѣлахъ строки, **Ѡ** съ высокой серединой. Можно думать, что эти архаизмы у южныхъ славянъ вообще господствовали въ 12-мъ вѣкѣ, ибо еще и въ 13-мъ они не вполнѣ вытѣснены новыми типами: македоно-болгарская Болонская Псалтырь имѣетъ ять новое высокое и старое низкое, омегу новую съ сокращенной серединой и старую съ высокой, иси новое въ видѣ лука съ стрѣлою и старое крестовидное. **Ꙋ** и **Ѱ** стоящіе хвостикомъ на строкѣ повидимому въ 13-мъ вѣкѣ уже отсутствуютъ. Но Добромірово Евангеліе 12-го вѣка имѣете два варіанта буквы **Ѧ** съ малою головкой: одинъ подобный старому **Ѧ**, т-е. съ головкою болѣе или менѣе трехугольною, другой варіантъ новый—съ головкою въ видѣ плоской петли. Этотъ варіантъ очевидно принадлежитъ 12-му вѣку и послѣдующимъ [1]).

Съ 13-го вѣка въ болгарской письменности во многихъ рукописяхъ совершенно отсутствуютъ знаки юсовъ іотованныхъ: **Ꙗ** и **Ѩ**, а въ сербской письменности—съ 13-го вѣка отсутствуютъ также **ѫ** и **ѧ**,—знаки юсовъ простыхъ, или неіотованныхъ. Изъ полугласныхъ въ сербской письменности на мѣстѣ старыхъ **Ъ** и **Ь** употребляется только **ь**.

§ 72. Въ болгарской письменности необходимо различать два разряда—Македонскій и Восточно-Болгарскій. Они различаются по примѣтамъ языка, орѳографіи и графики. Территоріальная классификація, какъ мы видѣли (§ 3) всего надежнѣе производится по даннымъ языка.

Въ Македонскомъ разрядѣ можетъ быть встрѣчено написаніе **о** вмѣсто **ъ** всюду, гдѣ въ сосѣднемъ слогѣ направо исчезли (хотя часто и продолжали писаться) звуки **ъ**, **ъ** и **і** краткое: **сонъ**, **токмо**; **кровь**; **любовнѫ вопнѫ** на мѣстѣ древнеболгарскихъ **сънъ**, **тъкъмо**, **кръвь**,

---

[1]) Листки Ундольскаго, на основаніи точнаго различенія знаковъ **Ѧ** и **Ꙗ** по б. ч. относимые еще къ древнеболгарскимъ памятникамъ, на самомъ дѣлѣ вѣроятно относятся къ нач. 12-го вѣка: они имѣютъ **ѧ** съ малою плоскою петлей, не знаютъ юсовъ іотованныхъ, почти не употребляютъ **ь**.

любъвнѭ въпѭ. Въ восточно-болгарскихъ рукописяхъ такіе случаи отсутствуютъ совершенно, или встрѣчаются рѣдко; въ послѣднемъ случаѣ написанія **о** вмѣсто **ъ** объясняются или 1) переносомъ изъ македонскаго оригинала въ восточно-болгарскій списокъ, а отчасти принятіемъ македонскаго выговора въ литургическій устный языкъ, именно—въ такихъ литургическихъ словъ какъ **любовь, смоковница** (на мѣстѣ древнѣйшихъ **любъвь, смокъвьница**), или 2) особенностью древняго Дунайскаго нарѣчія, которое по фонетическимъ причинамъ измѣнило *ъ* въ *о* въ трехъ только случаяхъ: а) въ суффриксѣ **-ъкъ**, напр. **пѧтокъ, поѵѧтокъ, младокъ** «молодой побѣгъ» (на мѣстѣ древнѣйшаго **пѧтъкъ** и пр.) б) въ членной формѣ, или тѣсномъ соединеніи существительнаго съ послѣдующимъ мѣстоименіемъ: **работъ, градотъ** (на мѣстѣ древнѣйшихъ **рабъ-тъ, градъ-тъ**). Наконецъ въ 3) въ мѣстоименіи **тон** «онъ» (на мѣстѣ древнѣйшаго **тъ**): *о* изъ *ъ* въ 1), 2), 3) получено какъ въ македонскомъ такъ и въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи. Всѣ эти ограниченія должны быть приняты въ разсчетъ при отнесеніи среднеболгарской рукописи къ македонскому или къ восточному разряду. Македонскому разряду свойственны также ошибочныя написанія **ъ** вмѣсто настоящаго (стараго) *о*: **въскъ** вмѣсто **воскъ**; такія написанія можно назвать антимакедонизмомъ (ср. выше стр. 21, термины антируссизмъ, антисербизмъ и пр.). Въ Македонскомъ разрядѣ распространено и правописаніе съ одною полугласною, при чемъ употреблялось или только *ъ* (**дънъ** вм. стараго **дьнь** «день») или только *ь* (**сьнь** вм. стараго **сънъ** «сонъ»); въ этомъ послѣднемъ случаѣ находимъ слѣдовательно частичное совпаденіе съ сербскимъ изводомъ. Въ Македонскомъ разрядѣ иногда пишутся фиктивныя полугласныя, т.-е. такія, которыя въ данномъ положеніи никогда не произносились (напр. **пъравда** вм. **правьда, сътарѵє** вм. **старьѵє**). Въ 13-мъ вѣкѣ въ Македонскомъ разрядѣ появляется упрощенное народное правописаніе съ однимъ юсовымъ знакомъ: сначала пишется только **ѫ** вмѣсто **ѫ** и **ѧ** (**пѫть** вм. старыхъ **пѫть** «путь» и **пѧть** «пять»), позднѣе, во второй половинѣ 13-го вѣка пишется также одно **ѧ** (**пѧть** вмѣсто старыхъ **пѧть** и **пѫть**[1]). Кромѣ того во второй половинѣ 13-го вѣка въ Македонскомъ разрядѣ находимъ слѣдующія явленія: 1) обиліе графическихъ варіантовъ юсовъ, м. т. какъ ранѣе, съ 11-го вѣка взвѣстны были по б. ч. только **ѫ** и **ѧ**, другіе знаки былъ рѣдки. 2) Смѣшиваются на письмѣ знаки юсовъ и знаки полугласныхъ: **ѿ мькѧ вѣчнихь** вмѣсто стараго **ѿ мѫкъ вѣчьнꙑхъ**, 3) Чаще

---

[1]) Уже въ 11-мъ вѣкѣ должно было существовать правописаніе съ одной полугласной, а въ 12-мъ—правописаніе съ однимъ юсовымъ знакомъ. Но тогда это не было господствующей орѳографической манерой, судя по тому, какъ скудны слѣды такого правописанія. Македонскій разрядъ 13-го вѣка узнается по сравнительному обилію памятниковъ одноюснаго письма.

3) смѣшиваются на письмѣ знаки **ы** и **и**, что̀ въ первой половинѣ 13-го вѣка встрѣчается лишь спорадически (ср. ту же особенность въ сербскомъ изводѣ), 4) нерѣдки ошибки въ падежныхъ окончаніяхъ: **ѿ пѫти христовѣмь, прѣдъ дверехь** вмѣсто старыхъ **ѿ пѫти христова, прѣдъ двьрьми.**

Причины приведенныхъ явленій могутъ быть опредѣлены такъ: во второй половинѣ 13-го вѣка сказываются рѣзкія перемѣны въ фонетикѣ и морфологіи болгарскаго языка; это отражается между прочимъ въ большой безграмотности македонскихъ рукописей.

§ 73. Восточно болгарскій разрядъ гораздо грамотнѣе и почерки здѣсь красивѣе. Это понятно, ибо центромъ втораго Болгарскаго царства (13—14 вв.) была Восточная Болгарія. Въ Восточной Болгаріи ни обиліе графическихъ варіантовъ юсовъ, ни орѳографія съ одной полугласной, ни орѳографія съ однимъ юсомъ — вообще неизвѣстны. Равнымъ образомъ здѣсь неизвѣстны ни частыя ошибки въ падежныхъ окончаніяхъ, ни частое смѣшеніе знаковъ **ы** и **и**, ни частое смѣшеніе знаковъ полугласныхъ съ носовыми; исключеніе составляетъ обычное и въ Восточной Болгаріи правописаніе **нѫ** (въ значеніи союза **нъ** «но»).

Восточно-болгарскій разрядъ уже въ 13-мъ вѣкѣ имѣетъ наклонность употреблять **ъ** для обозначенія болгарскаго глухаго звука *ъ*, а **ь** — въ значеніи знака безгласнаго; въ 14-мъ вѣкѣ эта наклонность усиливается и при Евѳиміи становится правиломъ. Изъ юсовыхъ знаковъ восточно-болгарскій разрядъ употребляетъ почти только **ѫ** и **ѧ**. Восточно-болгарскіе писцы употребляютъ юсы по извѣстному правилу, называемому «смѣной» (см. выше въ главѣ о изводахъ).

Между сербской и болгарской письменностью 13 и 14 вѣковъ существуетъ взаимодѣйствіе, что̀ отражается значительнымъ сходствомъ въ эволюціи начерковъ и въ орфографіи. Въ 15 вѣкѣ традиціи Евѳиміевской реформы продолжаютъ жить въ сербскихъ и румынскихъ странахъ, сравнительно съ Болгаріей менѣе подверженныхъ турецкому разоренію.

§ 74. Опредѣлить вѣкъ средне-болгарской и сербской рукописи чисто палеографическимъ методомъ всего легче на основаніи начерковъ буквы *ча:* въ 12 вѣкѣ (насколько мы вообще его знаемъ у южныхъ славянъ) господствуетъ *ча* симметричное — съ округлой или конической чашею; прямоугольная чаша является рѣдко. Въ 13-мъ вѣкѣ господствуетъ *ча* полусимметричное (начерки стремятся къ симметріи, но не дастигаютъ ея потому, что буква пишется въ два пріема: длинная кривая + короткая наклонная. Рѣже въ тринадцатомъ вѣкѣ вполнѣ асимметричное, одностороннее *ча:* длинная наклонная + наклонная или кривая короткая; изъ симметричныхъ типовъ въ 13-мъ вѣкѣ встрѣчается только угловатое коническое *ча.* Въ 14-мъ вѣкѣ господствуютъ односторонніе начерки, изъ коихъ нѣкоторые пишутся уже не въ два пріема, а въ одинъ (см.

рисунокъ 41, рядъ 5, рядъ 4); изъ болѣе старыхъ типовъ еще встрѣчаются угловатые (симметричные и несимметричные).

§ 75. Кромѣ того югославянскія рукописи 14 вѣка при старыхъ варіантахъ буквъ **в**, **є**, **ꙁ**, **ж**, **т** начинаютъ употреблять новые: **в** «калачикомъ», т. е. съ круглыми раздѣльными петлями, **ꙁ** въ видѣ цифры 3, **є** такое же, но въ обратную сторону, **т** съ двумя или съ тремя длинными ножками, **ж**—почти безъ верха (ср. рис. 41, рядъ 1—4). Такъ какъ сербы устранили полугласную **ъ**, то и въ знакѣ *еры* находимъ вмѣсто нея *ерь*: **ы**. У болгаръ въ 13-мъ вѣкѣ въ школѣ сохраняющей только **ь**, пишется **ы**, но въ школѣ сохраняющей только **ъ**, смотря по памятнику, пишется **ꙑ** или **ы**. Въ Восточной Болгаріи, гдѣ сохранялись обѣ полугласныя, въ 13-мъ вѣкѣ еще пишется **ꙑ**, въ 14-мъ преобладаетъ **ы**. Въ 13-мъ вѣкѣ у южныхъ славянъ проявляется, а въ 14-мъ господствуетъ обязательная постановка десятеричнаго **ї** передъ всѣми гласными: **пѣнїє**, **пѣнїа**, **пѣнїю**, **въ пѣнїи** и т. д. (вмѣсто старославянскихъ **-ніє**, **-нꙗ**, **-ню**, **-ни**), между тѣмъ какъ въ древнеболгарскомъ правописаніи, и въ Россіи до югославянскаго вліянія, десятеричное **ї** было только необязательнымъ сокращеніемъ (въ концѣ и подъ конецъ строки) восмеричнаго **и**, при чемъ изъ двухъ сосѣднихъ **и** могло быть сокращаемо только второе: **пролитиѥ** (обычно), **проли|тиѥ**, **пролити|ѥ**, но **въ пролитии** (обычно), **въ проли|тии**, **въ пролити|** (вертикальная черта обозначаетъ конецъ строки).—У южныхъ славянъ сохраняются такія особенности древнеболгарскаго правописанія, которыя нѣкогда подвергались измѣненію въ Россіи. Таковы: 1) группы **ръ**, **лъ**, **рь**, **ль** въ такихъ случаяхъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ гласная стоитъ передъ плавной, ср. старославянскія **тръгъ** (русское *торгъ*), **длъгъ** (русское *долгъ*), **врьхъ** (русское *верхъ*), **влькъ** (русское *волкъ*). — 2) группы **рѣ**, **лѣ** въ такихъ случаяхъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ находимъ полногласіе *ере оло*, а въ русскомъ изводѣ книжнаго церковно-славянскаго языка писалось **рє**, **лє**: старослав. **брѣгъ**, **млѣко**, русс. *берегъ*, *молоко*, русс. изводъ церк. слав. **брєгъ**, **млєко**.

§ 76. Сербскіе, болгарскіе и румынскіе почерки могутъ быть различены и по общему впечатлѣнію. Сербскіе почерки (кромѣ боснійскихъ) прямы, округлы и довольно красивы; буквы приближаются къ размѣрамъ квадрата и всѣ линіи ихъ довольно толсты. Румынскіе почерки тоже прямы, тоже имѣютъ широкія буквы, но эти почерки нѣсколько острѣе сербскихъ, ихъ округлости имѣютъ нѣкоторый манерный извивъ, а черты тонкія и толстыя рѣзче различены. Изъ болгарскихъ почерковъ македонскіе вообще некрасивы и просты; они часто бываютъ наклонны къ концу или (рѣже) къ началу строки, отдѣльныя буквы—угловаты или срѣзаны сверху; такія буквы какъ **н** **и** **п** бываютъ сжаты съ боковъ (узки); буквы въ строкѣ бываютъ неравной величины и съ неравнымъ наклономъ. Несмотря на общее впечатлѣніе простоты и

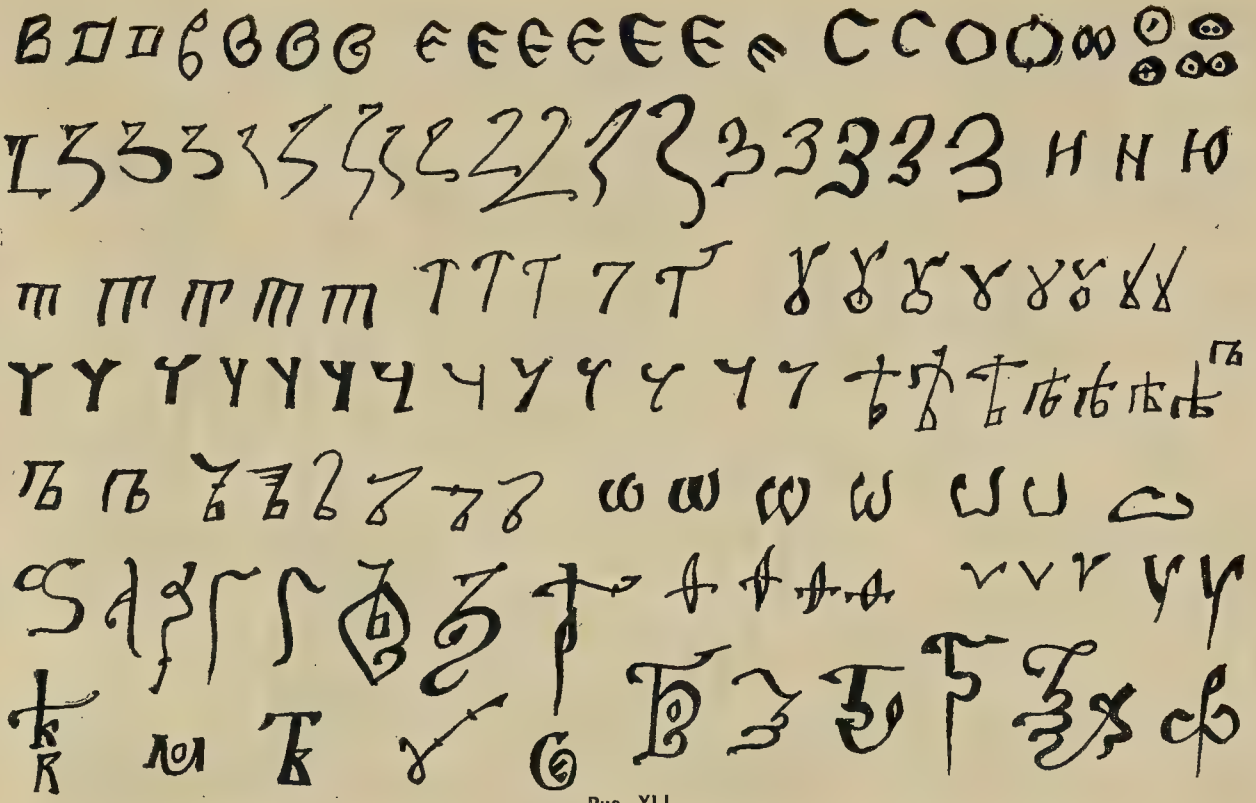


Рис. XLI.

грубости македонскіе почерки вообще довольно разнообразны по внѣшнему впечатлѣнію. На русской почвѣ они сильнѣе отразились на западѣ и югозападѣ въ различныхъ простыхъ (дѣловыхъ, народныхъ) почеркахъ, и особенно часты — въ 15-мъ вѣкѣ. Восточно-болгарскіе почерки — лучшіе изъ югославянскихъ 13—14-го вѣковъ. Это объясняется наличностью крупнаго культурнаго центра, по коему красивые восточно-болгарскіе почерки и называются Тырновскими. Одинъ Тырновскій почеркъ — прямой и умѣренно округлый (нѣсколько остріе сербскихъ почерковъ) послужилъ источникомъ для подобнаго, но болѣе манернаго румынскаго почерка, о коемъ упомянуто выше. Этотъ тырновскій почеркъ перешелъ и въ Россію: извѣстенъ въ Россіи югозападной и западной главнымъ образомъ въ 16-мъ и 17 вѣкахъ, а въ Московскомъ государствѣ — до середины 16-го. Другой Тырновскій почеркъ (лучшій изъ всѣхъ южнославянскихъ) — наклонный впередъ, довольно острый и изящный. Онъ утвердился въ Московскомъ государствѣ. Въ 15 вѣкѣ онъ встрѣчается въ Россіи рѣдко, ибо каллиграфическій вкусъ тогда еще не развитъ. Но въ 16-мъ вѣкѣ онъ сталъ любимымъ каллиграфическимъ почеркомъ лучшихъ великорусскихъ писцовъ, привился въ Новгородской школѣ Макарія, а въ Москвѣ — въ школѣ Грознаго и изъ нея перешелъ въ печатныя церковныя книги. Кромѣ того у южныхъ славянъ въ 14 и 15 вѣкахъ существовалъ особый по б. ч. очень круглый греческій почеркъ, прямо подражающій византійской скорописи — съ красивыми, округленными начерками. Нѣкоторые начерки этого греческаго почерка проникли въ 14 вѣкѣ, какъ мы видѣли, въ другіе, чисто славянскіе почерки, сербскіе и болгарскіе. Таковы напр., начертанія *в* ε *з*. Этимъ греческимъ почеркомъ писалъ между прочимъ Московскій митрополитъ Кипріанъ сербъ. Но большаго распространенія въ Россіи греческій почеркъ не получилъ.

Югославянскіе писцы 14-го вѣка употребляли различныя вычуры. Такъ напр. въ словѣ **око** писалось *о* съ точкой внутри, во словѣ **оун** — писалось *о* съ двумя точками внутри или два *о* слитныхъ, каждое съ точкой. Въ словѣ **окрьстъ** писалось *о* съ крестикомъ внутри[1]). Въ концѣ строкъ многія буквы украшались хвостами, узелками и усиками. Въ нижней и въ верхней строкѣ нѣкоторыя буквы узорно выступали на поля. Употреблялись **о** и **с** широкія, а равно различныя декоративныя лигатуры (соединенія буквъ, основанныя на совпаденіи сосѣднихъ линій) и вензеля (соединенія буквъ основанныя на пересѣченіи линій), см. рис. 41, рядъ 6 и 7.

---

[1]) Ранѣе **о** съ точкой и **о** съ крестикомъ употреблялись внѣ этихъ словъ, не какъ идеограммы, а просто какъ декоративныя буквы.

§ 77. Въ концѣ 14-го вѣка, незадолго до паденія Болгаріи, Тырновскій патріархъ Евѳимій произвелъ исправленіе книгъ. Реформа Евѳимія касалась также орѳографіи, какъ видно изъ того, что именемъ царя (Іоанна Шишмана) и патріарха обнародованъ былъ наказъ писцамъ. Ни этотъ наказъ, ни подлинные Тырновскіе тексты Евѳиміевской редакціи до насъ не дошли. О Евѳиміевской орѳографіи мы судимъ по сербскимъ и румынскимъ рукописямъ 15-го вѣка, по грамматическому сочиненію серба Константина Костенцкаго, учившагося у учениковъ Евѳимія, а равно по Тырновскимъ рукописямъ средины 14-го вѣка, непосредственно предшествующимъ реформѣ. При отцѣ Іоанна Шишмана, царѣ Іоаннѣ Александрѣ, наблюдается нѣкоторое оживленіе болгарской письменности и искусства. До насъ дошло между прочимъ нѣсколько лицевыхъ рукописей, возникшихъ при его дворѣ: Лицевая лѣтопись Манассіи въ болгарскомъ переводѣ (Ватиканъ), Евангеліе Іо:Александра съ изображеніемъ царской семьи (Британскій Музей), Елисаветградское лицевое Евангеліе (Елис. единовѣрч. монастырь), Лицевая псалтырь Томича (Москва, Историч. Музей), а равно нѣсколько рукописей безъ лицъ, но отличнаго письма. Сравнивая эти тексты съ такими, которые писаны послѣ Евѳимія и на основѣ его реформы, мы должны принять, что Евѳимій только привелъ въ систему восточно-болгарскую орѳографію, какъ она сложилась до него, введя отъ себя нѣкоторую организацію.

Вотъ достовѣрныя черты Евѳиміевской орѳографіи: 1) группы jѫ и jѧ одинаково выражаются чрезъ ѫ, ср. ѫ=старослав. ѭ «её» и ѫ=старослав. ѩ «ихъ», латинск. «eos» и «eas»; только послѣ ѫ въ этомъ случаѣ пишется ѧ вм. ѫ: **падъшѫа**=**падъшѭѫ** вин. ед. ж. р. и **падъшѧѫ** вин. мн. муж. и ж. р. 2) ъ пишется въ срединѣ слова и въ концѣ предлоговъ, ь—въ концѣ самостоятельныхъ словъ (т.-е.—ъ всегда знакъ безгласный). 3) L epentheticum, т.-е. л полученное изъ j послѣ губныхъ согласныхъ, свойственное древнеболгарскому нарѣчію Кирилла и Меѳодія, но утраченное среднеболгарскимъ языкомъ, всюду возстановлено Евѳиміемъ на письмѣ: **люблѧ** (старосл. **люблѭ**, до Евѳимія часто **любѧ**), **оставленъ** (до Евѳимія часто **-венъ**), **прѣполовленіе** (до Евѳимія часто **-веніе**). 4) ʒ съ крючкомъ и ѕ одинаково употребляется въ смыслѣ аффрикаты dz.

Югославянское вліяніе въ Россіи.

§ 78. Въ концѣ 14-го вѣка Сербія и Болгарія покорены и опустошены турками; въ срединѣ 15-го вѣка окончательно подавлены попытки христіанскихъ народовъ стряхнуть турецкое иго, въ 1453 году турками занятъ Константинополь. Конецъ 14-го вѣка и первыя десятилѣтія XV ознаме-

нованы въ Россіи наплывомъ югославянскихъ выходцевъ; трое изъ нихъ: Григорій Цамблакъ, митрополитъ Кипріанъ и Пахомій Логоѳетъ извѣстны какъ дѣятели русской литературы. Югославянское вліяніе устанавливается во всѣхъ областяхъ русской духовной жизни, между прочимъ и въ русской графикѣ и орѳографіи. Югославянское вліяніе приноситъ въ Россію исключительно полууставъ. Древнѣйшія рукописи, привезенныя и написанныя югославянскими выходцами, какъ равно древнѣйшія русскія подражанія этимъ югославянскимъ текстамъ, дошли до насъ въ незначительномъ количествѣ. Но въ рукописяхъ слѣдующихъ десятилѣтій, особенно со второй четверти 15-го вѣка, мы видимъ утвердившіеся результаты югославянскаго вліянія.

§ 79. Въ графикѣ оно сказалось тѣмъ, что

1. русскій полууставъ совершенно вытѣсненъ почерками балканскаго характера — сербскими, македонскими, румынскими, восточно-болгарскими (ср. выше). Не всѣ балканскіе почерки имѣли наклонъ, но въ Московскомъ государствѣ въ концѣ концовъ начинаетъ господствовать (съ 16-го вѣка) полууставный почеркъ, имѣвшій наклонъ къ концу строки, между тѣмъ какъ старый русскій полууставъ былъ совершенно прямой.

2. Многія буквы получили иные начерки. Отдѣльные югославянскіе начерки проскальзываютъ иногда еще въ уставѣ и полууставѣ к. 14-го вѣка; со второй четверти 15-го многіе югославянскіе начерки распространяются: при прежнихъ типахъ *в* появляются *в* четырехугольное и *в* округлое (рис. 41, рядъ 1); при **є** появляется **ε**; вмѣсто старыхъ типовъ геометрическаго **ꙁ** появляются негеометрическіе, въ томъ числѣ типъ на подобіе цифры 3 (рис. 41, рядъ 2); вмѣсто *е* йотованнаго и *е* якорнаго появляется типъ отличный отъ простого **є** большею шириной, а отъ якорнаго — направленіемъ не вверхъ, а вправо или внизъ; вмѣсто **ѡ** съ сокращенной серединой снова появляется **ѡ** съ высокой серединой (обычно), а **ѡ** безъ середины — въ особомъ «греческомъ» почеркѣ (рис. 41, рядъ 5); вмѣсто **т** появляется **т**; вмѣсто *ꙋ* симметричнаго появляется одностороннее (рис. 41, рядъ 4); вмѣсто **ы** появляется **ы**; вмѣсто **и, н, ю** съ косой перекладиной вверху появляются *и, н, ю* съ косой перекладиной въ срединѣ (рис. 41, рядъ 2 въ концѣ). Всѣ эти новые типы вытѣснили своихъ предшественниковъ. Кромѣ того, не вытѣсняя старыхъ начерковъ, появляются новыя **ѣ**, **ъ** (рис. 41, рядъ 4 и 5), т.-е. **ъ** и **ѣ** получаютъ такое-же удлиненіе загибовъ какъ **т**; ижица можетъ имѣть видъ **ѵ** и **ꙋ** вм. **ꙋ** (рис. 41, рядъ 6 въ концѣ). Вотъ главныя графическія примѣты, коихъ мы, вообще говоря, не встрѣчаемъ въ русскихъ рукописяхъ 14 вѣка и которыя вообще характерны для 15 вѣка и извѣстны также изъ слѣдующихъ вѣковъ.

§ 80. Въ орѳографіи появились слѣдующія югославянскія черты:

1. Знакъ **ъ** сталъ употребляться какъ варіантъ знака **ѣ**: **онь, богь, сынь**; (мы видѣли, что **ѣ** въ составѣ знака **ы** былъ совершенно вытѣсненъ знакомъ **ъ**).

2. Знаки **ѣ** и **ъ** стали употребляться послѣ плавныхъ вмѣсто русскихъ «*о* и *е* передъ плавными» въ такихъ случаяхъ, какъ **врѣхъ, врьхъ, врьхь** «верхъ» и **клѣна, клына** «волна». Это правописаніе ошибочно распространялось иногда и на *о, е* старыя: **пль** вмѣсто **полъ** «половина».

3. Звукъ *з* сталъ выражаться иногда чрезъ **s** (зѣло), звукъ *у* (лат. u)— иногда чрезъ юсъ большой (**ѫ**), который по мѣткому выраженію старой русской книжности ставился «красоты ради, а не истины»: **емѫ, сынѫ** и т. п., т.-е. между прочимъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ болгарскій языкъ никогда не имѣлъ звуковъ **s** и **ѫ**.

4. Ѳита, ижица, кси, внѣ числового значенія въ 13—14 вв. весьма рѣдкія, стали употребляться въ словахъ заимствованныхъ, въ подражаніе греческому правописанію.

5. Вмѣсто правописанія «**оу** въ началѣ слога, **ѹ** въ срединѣ слога» всюду возстановлено **оу** или его замѣна—лигатура **ȣ**.

6. Вмѣсто **ѧ** послѣ гласной стало употребляться **а**: **добрал братїа моа**; это зіяніе, возникшее фонетически въ говорахъ болгарскаго языка, въ Россіи графически распространено и на такіе случаи, гдѣ болгарскій языкъ никогда не имѣлъ звука **а**: **всеа Рвсїи** (старосл. **вьсеѧ**, среднеболг. написанія **вьсеа, въсеж, въсеѫ**).

7. Утверждается (дѣйствующее и до сихъ поръ) орѳографическое правило, по которому передъ всѣми гласными обязательно пишется **і**. не **и**, ср. выше § 75.

8. Изъ орѳографическихъ явленій укажемъ еще, что югославянское вліяніе принесло намъ: 1) запятую въ качествѣ знака препинанія, 2) обозначеніе (какъ въ глаголицѣ) цифры 900 чрезъ **ц** вмѣсто стараго кирилловскаго **ѧ** (**ѧ** въ значеніи 900 почти исчезаетъ со второй четверти 15 в.), 3) появляется **э** оборотное (глаголическаго происхожденія), которое уже съ конца 15 вѣка встрѣчается въ западно-русской письменности для выраженія *э* (не je!) въ началѣ слога, а съ установленіемъ гражданскаго шрифта въ томъ же значеніи употребляется въ новой русской грамотѣ.

§ 81. Таково содержаніе югославянскаго (главнымъ образомъ болгарскаго) вліянія. Оно нѣсколько ранѣе (съ средины 14-го вѣка), и сильнѣе привилось въ западной и югозападной Руси, нежели въ Московскомъ государствѣ; въ послѣднемъ напр. **ж** и **ръ, рь** и пр. (вм. русс. *ор, ер*) вообще не получили общаго распространенія, а въ первой половинѣ 16-го вѣка Московская письменность (кромѣ литургическихъ текстовъ) вообще очищается отъ югославянскихъ особенностей; на западѣ и юго-западѣ Россіи

онѣ отзываются и въ 16 и отчасти даже въ 17 вѣкѣ. Для Москвы 17 вѣка написаніе всеа Русіи въ титулѣ царя Алексѣя Михайловича было напр. уже сознательнымъ архаизмомъ. Какъ бы то ни было, въ 15 вѣкѣ громадное большинство русскихъ рукописей кишитъ югославянскими особенностями. Есть рукописи съ сербскимъ, есть съ болгарскимъ вліяніемъ, есть рукописи съ сербскими и болгарскими чертами одновременно. Но преобладаетъ вліяніе болгарское, почему вполнѣ умѣстно говорить о смѣшанномъ русско-болгарскомъ изводѣ.

§ 82. Ясно, что югославянское вліяніе въ графикѣ и орѳографіи принесло намъ главнымъ образомъ ненужные или вредные элементы, противорѣчащіе русской фонетикѣ, обременительные для памяти писца или для глаза читателя. Большинство этихъ чуждыхъ элементовъ устранено теперь своего рода отборомъ, при чемъ югославянское ш (вм. стараго т), слѣпое и монотонное (въ виду наличности знаковъ **ш п и н**), какъ увидимъ господствовало въ русскомъ полууставѣ 17-го и 18-го вѣковъ, было принято Петромъ Великимъ въ его гражданскій шрифтъ, и только въ серединѣ 19-го вѣка замѣнено въ печати типомъ т, а въ современныхъ намъ скорописныхъ почеркахъ у большинства господствуетъ до сихъ поръ, необычайно усиливая нечеткость. Знаки *ѳ* и *ѵ*, правда уже необязательныя, все еще ждутъ упраздненія. Единственные полезные остатки югославянскаго вліянія, недаромъ уцѣлѣвшіе, суть слѣдующіе:

1) Одностороннее *ч*, болѣе удобное для письма и для чтенія: **ч** и другіе симметричные типы были бы нечетки въ печати при другихъ буквахъ съ симметричнымъ верхомъ, каковы **т** и **у**.

2) Болѣе простое **ы** вмѣсто **ъı**.

3) Правописаніе *і* передъ всѣми гласными. Какъ мы видѣли, такое правописаніе появляется въ Болгаріи еще въ 13-мъ вѣкѣ. Первоначально оно вызвано потребностью дать для глаза отдыхъ отъ монотоннаго написанія **нн**. Современное намъ новоболгарское правописаніе, совершенно устранившее знакъ *і*, непріятно и утомительно для глаза, ср. напр. группу «шии» и «шіи», или соотвѣтствующія курсивныя группы *шиш и шіш*. То же исканіе зрительнаго отдыха, или «дифферента» находимъ въ средневѣковой французской графикѣ, гдѣ группа *іі* замѣнилась чрезъ *іj*, откуда далѣе *у* въ значеніи двойнаго *і*. Почему въ Болгаріи 13—14 вѣка утвердилась послѣдовательность **їн**, не **нї**,— объясняется вѣроятно вліяніемъ греческаго письма, гдѣ группа *ιη* встрѣчалась часто, а обратная группа *ηι* почти не встрѣчалась. Что же касается постановки *і* передъ остальными гласными, то это орѳографическое правило установилось отчасти также подъ вліяніемъ распространенныхъ греческихъ написаній *ια*, *ιε*, *ιο* и т. д. (написанія *ηα*, *ηε*, *ηο* почти или совсѣмъ не встрѣчались), но главнымъ образомъ для того, чтобы послѣ введенія абсолютно полезнаго написанія

їи объединить правописаніе и сохранить цѣльность тѣхъ графическихъ картинъ, которыя разбились бы при двойственномъ правописаніи **пѣнне — пѣнїи, Кесарнѧ — Кесарїи, прїимеши — приемлѭ** и пр. Современный русскій литературный языкъ, особенно въ своихъ высшихъ функціяхъ, изобилуетъ отглагольными существительными на *-ніе, -тіе* и заимствованными культурными словами на *-ія*. Поэтому цѣлесообразное въ своей основѣ и практически легко усвояемое правописаніе *іи, іе, ія, ію* должно быть сохранено. Его отмѣна замѣтно уменьшитъ четкость русской книги, т. е. затруднитъ и замедлитъ процессъ чтенія, которое въ современныхъ условіяхъ жизни для большинства людей есть главная изъ всѣхъ потребностей, удовлетворяемыхъ писменными знаками.

Тоже самое слѣдуетъ сказать относительно стараго начерка ѣ съ высокимъ крестомъ. Опыты убѣждаютъ, что такое ѣ, подобно высокимъ зданіямъ городовъ, является важнымъ сигнальнымъ знакомъ, по коему быстро узнается вся зрительная группа, въ данномъ случаѣ — слово. Наше современное скорописное *ѣ*, которое восходитъ къ югославянскому полууставному, въ интересахъ четкости очевидно, должно быть замѣнено высокимъ начеркомъ, который въ старой скорописи у многихъ писцовъ примѣнялся какъ сигнальный знакъ, выходящій изъ строки.

Русскій полууставъ.

§ 83. Русскій полууставъ 15—17 вѣковъ въ палеографическомъ отношеніи сравнительно мало изслѣдованъ, — главнымъ образомъ по тому, что для этой эпохи время написанія рукописи легче и вѣрнѣе опредѣляется по водянымъ знакамъ, по вязи, по орнаменту, чѣмъ на основаніи эволюціи почерковъ.

§ 84. Полууставъ 15-го вѣка узнается главнымъ образомъ по общему характеру своихъ почерковъ — румынскихъ и македонскихъ (см. выше). Эти два типа почерка господствуютъ въ 15 вѣкѣ, м. т. к. красивые Тырновскіе почерки рѣдки; они распространены въ 16-мъ вѣкѣ, но только въ Московскомъ государствѣ. Въ югозападной Россіи въ 16 вѣкѣ и даже въ началѣ 17-го господствуетъ полууставъ румынскаго почерка, а въ западной Россіи въ 16-мъ вѣкѣ вырабатывается довольно простой и четкій полууставный почеркъ, который часто бываетъ мелкимъ, м. т. к. полууставные почерки Московскаго государства по б. ч. одного и того же, средняго размѣра. Пятнадцатый вѣкъ не можетъ быть отличенъ отъ первой половины 16-го по количеству югославянскихъ графическихъ особенностей: обѣимъ эпохамъ свойственны югославянскія декоративныя лигатуры и прочія вычуры [1]).

[1]) Эта каллиграфія еще очень сильна въ придворномъ Московскомъ полууставѣ эпохи Грознаго.

Равнымъ образомъ всему 15-му и первой половинѣ 16-го на всей русской территоріи свойственно югославянское правописаніе въ его ненужныхъ особенностяхъ (ж, зіяніе аа вм. аѧ и. пр., югославянскія постановки ръ вм. ор, лъ вм. ол и пр., знакъ ь вмѣсто ъ). Однако въ Московской письменности первой половины 16-го вѣка югославянскія особенности представлены уже непослѣдовательно, какъ пережитокъ. Во второй половинѣ 16-го вѣка Московская письменность уже свободна отъ югославянской орѳографіи, м. т. к. западная и югозападная страдаетъ ими весь 16-ый вѣкъ и еще въ началѣ 17-го. Изъ отдѣльныхъ начерковъ въ 15 вѣкѣ господствуютъ разнообразные некрасивые типы знака *земля*, — ломанные и кривые, во всевозможныхъ переходахъ отъ «зигзага» къ «тройкѣ», см. выше, рис. 41. Въ 16 вѣкѣ, въ Московскомъ государствѣ особенно, господствуетъ красивал *земля* Тырновскаго происхожденія. Въ Московскомъ полууставѣ 16-го вѣка этотъ типъ становится особенно красивъ, онъ получаетъ маленькую склоненную внизъ головку на высокой лебединой шеѣ. На югозападѣ въ томъ же типѣ шея умѣреннѣе, а хвостъ буквы толще.

§ 85. Полуустав 17-го вѣка вообще отличается простотой почерка: онъ лишенъ изящества почерковъ 16-го вѣка и грубой манерности почерковъ 15-го вѣка. Равнымъ образомъ 17-ый вѣкъ лишенъ всѣхъ тѣхъ вычуръ, кои одинаково свойственны полууставу 15-го и 16 вѣка. Эти вычуры (см. выше, рис. 41, ряды 6 и 7) — декоративныя лигатуры и вензеля, буквы съ узелками и усиками, съ высокими широкими верхами или длинными хвостами — ставились къ полямъ верхнему, нижнему и боковому. До самаго конца 16-го вѣка въ исходѣ строки можно встрѣтить такія вычурныя буквы, строчныя и надстрочныя, м. т. к. въ 17-мъ вѣкѣ писцы уже не увлекались подобной каллиграфіей, ибо работали на сбытъ, конкуррируя съ печатнымъ станкомъ. Поэтому для различенія полуустава 16-го и 17-го вѣковъ слѣдуетъ пробѣгать глазомъ вдоль конца строкъ: наличность украшеній всегда будетъ говорить за 16 вѣкъ и противъ 17-го. Главное исключеніе изъ этого правила составляютъ рукописи первой четверти 17-го вѣка, писанныя въ Сергіевой Троицкой Лаврѣ, гдѣ традиціи 16-го вѣка не были прерваны Смутнымъ временемъ.

Изъ отдѣльныхъ начерковъ 17-му вѣку свойственны: во первыхъ очень простая *земля* ломаннаго рисунка, кромѣ того — очень распространена *земля* въ видѣ тройки, полученная еще въ эпоху югославянскаго вліянія и съ тѣхъ поръ не исчезавшая. Во вторыхъ — въ 17 вѣкѣ господствуетъ буква ш *(тэ)* въ три равныхъ черточки; въ 15-мъ и 16-мъ вѣкахъ одна изъ боковыхъ черточекъ или обѣ могутъ быть короче средней, но могутъ быть и той же длины, т. е, какъ въ 17-мъ вѣкѣ. Такимъ образомъ типъ ш свойственъ всѣмъ тремъ вѣкамъ полуустава и его наличность не датируетъ рукопись, м. т. к. присутствіе иныхъ типовъ свидѣтельствуетъ противъ 17-го вѣка.

§ 86. Различить вѣка полуустава можно также по сокращеніямъ, въ частности по надстрочнымъ, или выноснымъ буквамъ. Въ уставѣ, по греческому образцу, употреблялись сокращенія, которыя состояли въ пропускѣ строчныхъ буквъ и отмѣчались надстрочными знаками, или титлами (им. ед. титло). Эти сокращенія были двухъ родовъ: 1. Безъ выноса буквы надъ строчку: бг҃ъ Богъ, дх҃ъ Духъ, сн҃ъ Сынъ, мт҃и Мати, ст҃ъ святъ и др. Титло состояло изъ горизонтальной черты, по большею частію съ загнутыми краями. Такъ сокращались у грековъ и славянъ основныя религіозныя понятія: сн҃ъ всегда означаетъ Христа, мт҃и — Богоматерь.— 2. Сокращенія съ выносомъ буквы надъ строку: рє҃ рече, нє҃ недѣля, вє҃ вечеръ, ко҃ конецъ. Такъ сокращались часто встрѣчающіяся, «обиходныя» слова бытоваго и служебнаго характера. Титло въ этомъ случаѣ имѣло видъ крыши округлой или двускатной. Иногда тѣмъ же способомъ писались и религіозныя понятія: х҃ъ Христосъ, ап҃лъ Апостолъ. До 14-го в., въ уставѣ, пропускъ титла въ томъ и другомъ классѣ является лишь въ видѣ случайной небрежности. Только предлогъ отъ пишется въ видѣ ѿ: *омега* и надстрочное т безъ титла[1]), — очевидно потому, что сама эта буква своимъ начеркомъ напоминала титло. Надъ иными буквами нежели *омега* т҃ писалось съ титломъ. Въ 14 вѣкѣ, въ уставѣ и русскомъ полууставѣ безъ титла иногда пишется надстрочное д. Въ 15 и 16 вѣкахъ, въ полууставѣ юго-славянскаго типа постепенно прибываютъ надстрочныя «титловидныя» буквы безъ титла.

§ 87. Въ 15 вѣкѣ, въ первой половинѣ находимъ безъ титла только надстрочное д надъ любой буквой и надстрочное т надъ омегой въ предлогѣ ѿ; надъ другими буквами надстрочное т безъ титла очень рѣдко и всегда сохраняетъ свою ножку. Во второй половинѣ безъ титла находимъ надстрочныя д ж ꙁ м т х, при чемъ къ д можетъ присоединяться о, а т иногда теряетъ свою ножку.

§ 88. Въ 16 вѣкѣ прибываютъ, съ перваго десятилѣтія новыя надстрочныя буквы безъ титла: б, г, лежаще *эръ*: ⸗, а равно *и* въ видѣ двухъ наклонныхъ: ⸗. Тогда же прибываютъ менѣе употребительныя надстрочныя н, к безъ титла. Титловидныя надстрочныя 15-го вѣка, разумѣется сохраняются и теперь, но надстрочное т часто является безъ ножки, а надстрочное х своими правыми концами смыкается въ петлю. Надстрочное ш надъ собою или послѣ себя можетъ получать *и* въ видѣ двухъ наклонныхъ.

§ 89. Всѣхъ этихъ надстрочныхъ титловидныхъ буквъ слѣдуетъ искать въ срединѣ строки, а не въ концѣ, ибо въ концѣ строки

[1]) Несокращенное написаніе отъ рѣдко уже въ древнѣйшую эпоху. ѿ подъ титломъ писалось иногда въ уставѣ въ смыслѣ цифры 800, т. е. вмѣсто ѡ. Въ цифровомъ значеніи буквы вообще снабжались титломъ.

надстрочные выносы нерѣдко бываютъ вынужденными и потому болѣе произвольными. Съ начала 17-го вѣка прибываетъ надстрочная группа **гѡ**, въ коей **г** выростаетъ изъ средняго штамба *омеги*. Далѣе развитіе титловидныхъ выносовъ останавливается и полууставъ 17-го вѣка живетъ тѣмъ, что было получено отъ 16-го. Замѣтимъ здѣсь же, что въ скорописи 15-го и 16-го вѣковъ развитіе титловидныхъ выносовъ идетъ почти такъ же, какъ въ полууставѣ, м. т. к. скоропись 17-го вѣка идетъ въ этомъ случаѣ своими особыми путями, ср. ниже въ главѣ о скорописи.

Скоропись.

§ 90. Скоропись есть почеркъ, разсчитанный на существенное ускореніе процесса письма. Ускореніе достигается: 1. Большей свободой тѣхъ нажимовъ и взмаховъ, коими конечности буквъ выводятся вверхъ или внизъ, 2. Связными написаніями сосѣднихъ буквъ, 3. Болѣе многочисленными сокращеніями. Въ созданіи великорусской скорописи изъ трехъ указанныхъ дѣйствующихъ причинъ первая была основною, она обусловила новый, скорописный почеркъ. На постепенномъ проявленіи второй и третьей дѣйствующей причины основана дальнѣйшая эволюція великорусской скорописи. Иными словами — древнѣйшая великорусская скоропись была болѣе свободнымъ и размашистымъ способомъ письма. Позднѣе — соединенія[1]) и сокращенія, умножаясь съ каждымъ вѣкомъ и полувѣкомъ, видоизмѣняли скоропись.

Скоропись можетъ быть основана и на иномъ принципѣ и тогда она получаетъ существенно иной видъ. Такъ, византійская скоропись имѣетъ круглый и болѣе или менѣе мелкій характеръ по той причинѣ, что въ основу ея положены мелкія округлыя движенія пальцевъ. При такомъ пріемѣ письма нажимы и взмахи не играютъ существенной роли: экономія времени достигается привычкой къ однообразному круглящему движенію, а равно его малымъ радіусомъ. Соединительныя черты и сокращенія являются и въ этомъ случаѣ необходимымъ подспорьемъ; кромѣ того и лигатуры имѣютъ большое значеніе въ византійской скорописи.

Скоропись появляется на Руси прежде всего въ памятникахъ, кои служатъ практическимъ цѣлямъ: въ документахъ дипломатическихъ (грамоты

[1]) Соединенія, или связныя написанія скорописи, должны быть отличаемы отъ лигатуръ вязи. Послѣднія основаны на совпаденіи смежныхъ и при томъ тождественныхъ частей двухъ сосѣднихъ буквъ, м. т. к. связныя написанія скорописи основаны на введеніи соединительныхъ чертъ между сосѣдними буквами. Существуетъ еще одинъ видъ сочетанія сосѣднихъ буквъ, называемый вензелемъ. Вензель состоитъ въ пересѣченіи одной буквы другою. Четвертый терминъ, монограмма, обозначающій какъ лигатуру такъ и вензель, но только уставнаго почерка, въ палеографіи является излишнимъ.

и договоры), административныхъ (писцовыя и переписныя книги, дѣлопроизводство въ приказахъ), судебныхъ (слѣдственныя дѣла и тяжбы, челобитныя и судебныя рѣшенія), хозяйственныхъ (описи имущества, книги приходныя и расходныя). Въ такомъ употребленіи скоропись довольно распространена уже въ 15-мъ вѣкѣ, а въ 16 и 17-мъ вѣкахъ господствуетъ. Кромѣ того въ 16 вѣкѣ рѣже, а въ 17-мъ чаще скорописью пишутся и литературные памятники. Однако до 18-го вѣка литературные памятники (кромѣ черновиковъ) несравненно чаще пишутся полууставомъ, а церковные — почти всегда.

Скоропись можетъ быть бѣглой, т. е. спѣшной, въ большей или меньшей степени. Особенной бѣглостью отличается скоропись помѣтъ, собственноручныхъ подписей и черновыхъ документовъ. Новые пріемы прежде всего и сказываются въ бѣглой скорописи. Какъ правило слѣдуетъ отмѣтить, что подъ конецъ каждаго вѣка въ бѣглой скорописи появляются такія новыя явленія, которыя въ слѣдующемъ вѣкѣ станутъ общими. Въ этомъ случаѣ особенно слѣдуетъ помнить, что памятникъ датируется по совокупности примѣтъ, а не по одной примѣтѣ, хотя бы и характерной.

§ 91. Въ Россіи скоропись появляется еще въ 14 вѣкѣ, именно — въ нѣкоторыхъ грамотахъ. По своимъ начеркамъ русская скоропись 14 вѣка есть въ сущности тотъ же древнѣйшій русскій полуустав, но только значительно ускоренный полной свободой нажимовъ и взмаховъ. Не только отдѣльные начерки этой древнѣйшей скорописи всѣ принадлежатъ русскому полууставу, но также и орѳографическая система. Скорописи 14 вѣка свойственны между прочимъ такіе начерки древнѣйшаго полуустава, какъ *ж* безъ верха, лежаще *е* (въ значеніи іотованнаго), *ч* безъ ножки, *з* въ видѣ некрасиваго крючка, ср. рис. 39, въ концѣ рядовъ 4, 6 и 9-го. Въ правописаніи эта скоропись сохраняетъ правило, возникшее въ русскомъ уставѣ въ срединѣ 14 вѣка: оу, ѫ, ѿ въ началѣ слога, ѹ, ѧ, ѥ въ срединѣ слога. Кромѣ того въ скоропись перешло (и навсегда въ ней сохранилось) древнѣйшее употребленіе знаковъ и и ї: первый знакъ — основной и употребляется во всякомъ положеніи, послѣдній — есть лишь факультативное сокращеніе перваго, каковое однако никогда не употребляется передъ и восьмеричнымъ, а только послѣ него: ии. Съ 15 вѣка въ полууставѣ югославянскаго характера, какъ мы видѣли, десятеричное ї употребляется какъ въ современномъ русскомъ правописаніи: передъ всѣми гласными, при томъ не факультативно, а обязательно. Сокращенія, въ древнѣйшей русской скорописи какъ ранѣе въ уставѣ и полууставѣ, обозначаются или однимъ титломъ или вынесенною подъ титло буквою, при чемъ сокращенія тѣже, что въ уставѣ и полууставѣ, и въ томъ же количествѣ; а связныхъ написаній еще нѣтъ. Эта древнѣйшая скоропись 14 вѣка мало различается по территоріямъ русской земли.

§ 92. Съ 15 вѣка скоропись Московскаго и Западно-русскаго государства начинаютъ расходиться. Къ началу 16 вѣка оба разряда скорописи создаютъ независимо другъ отъ друга новые начерки буквъ, отличные отъ полууставныхъ. Въ Московской скорописи уже съ самаго начала свобода взмаха несравненно сильнѣе, чѣмъ въ западно-русской, а самые взмахи направлены вверхъ, почему среди новыхъ начерковъ преобладаютъ высокія буквы. Въ западно-русской скорописи съ самаго начала сильнѣе сказываются югославянскія вліянія. Югославянское вліяніе, какъ мы видѣли, вообще менѣе коснулось Московскаго государства и въ немъ ранѣе стало исчезать въ своихъ послѣдствіяхъ. Но всего менѣе югославянское вліяніе коснулось Московской скорописи: она только во второй половинѣ 15 вѣка обнаруживаетъ новые начерки, отличные отъ русскаго полуустава 14 вѣка и заимствованные изъ югославянскихъ источниковъ. Югославянская скоропись, возникнувъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ скорописи византійской, развила принципъ круглящихъ движеній и не дала полнаго развитія принципу свободныхъ взмаховъ; ея длинныя линіи носятъ манерный характеръ,—не спѣшный, а декоративный. То же сказалось въ скорописи западно-русской: размахи ея скорѣе манерно-декоративны, какъ въ югославянской скорописи, и по б. ч. направлены внизъ въ видѣ хвостовъ.

Югославянскія вліянія проникаютъ въ Московскую скоропись главнымъ образомъ изъ полуустава, особенно — чрезъ ускоренный или такъ называемый бѣглый полууставъ югославянскаго характера: это — почерки простые и некрасивые, разсчитанные кромѣ удобства также на нѣкоторое ускореніе, но лишенные принципа полной свободы нажимовъ и взмаховъ. Въ Московскихъ документахъ 15 вѣка этотъ бѣглый полууставъ распространенъ сильнѣе, чѣмъ скоропись.

§ 93. Московская скоропись 15 вѣка имѣетъ сокращенія такія же, какъ полууставъ, а связныхъ написаній еще совсѣмъ не имѣетъ, ибо подъ этотъ терминъ не подходятъ немногія лигатуры и вензеля проникшіе изъ югославянскаго полуустава, каковы напр. *тв, тр, въ,* см. табл. 41, послѣдніе два ряда.

Въ первой половинѣ 15 вѣка всѣ вынесенныя (надстрочныя) буквы имѣютъ титло, кромѣ буквы д, которая сама подобно титлу и потому очень часто его не имѣетъ. Надстрочное ꙁ не имѣетъ титла только въ формулѣ «сє ꙗꙁъ», начинающей документы.

Во второй половинѣ изъ надстрочныхъ буквъ титель по б. ч. не имѣютъ «титловидныя» буквы д ж ꙁ м т х, при чемъ выносное т чаще чѣмъ въ полууставѣ является уже безъ ножки, см. табл. 42. Изъ отдѣльныхъ начерковъ еще въ первой половинѣ 15 вѣка исчезло старое ѡ, замѣнившись (какъ и въ полууставѣ) югославянскимъ є для выраженія ѥ. Со второй половины 15 вѣка безразлично (т. е. безъ правилъ) употребляются

въ скорописи ѫ и ѧ, ѵ и ꙋ; написанія оꙋ и ѥ исчезли. Далѣе, т. е. въ 16 и 17 вѣкѣ начеркъ ѵ употребляется даже чаще чѣмъ ꙋ.

§ 94. Московская скоропись 16 вѣка все еще очень проста, но въ смыслѣ свободы письма это уже настоящая скоропись, ясно отличаемая отъ бѣглаго полуустава. Увеличивается число буквъ, писанныхъ въ одинъ пріемъ (т. е. не отрывая руки) и не болѣе какъ въ два пріема. Съ самаго начала вѣка къ старымъ выноснымъ буквамъ безъ титла прибываютъ новыя: лежащее *р*, двускатное *л*, *б* первоначально — съ длиннымъ титловиднымъ навѣсомъ вверху, а равно *и* въ видѣ двухъ косыхъ черточекъ, см. табл. 42. Такое *и* можетъ присоединяться справа къ другимъ надстрочнымъ буквамъ, напр. къ д, подобно тому, какъ къ нему же, еще въ концѣ 15 вѣка присоединялось *о*. Надстрочное т въ скорописи 16 вѣка всегда пишется безъ ножки, а надстрочное х часто пишется не отрывая пера — съ петлею справа. Кромѣ того надстрочныя *м* и *т* могутъ имѣть болѣе или менѣе вертикальное написаніе, см. табл. 42. Остальныя надстрочныя буквы продолжаютъ писаться подъ титломъ. Нѣсколько позднѣе, къ серединѣ 16 вѣка прибываетъ надстрочное нетитлованное *н* и такое же *к;* тогда же впервые надстрочное *и* начинаетъ писаться въ видѣ одной, нѣсколько извитой и наклонной черты; написаніе *и* въ видѣ двухъ черточекъ ⩘ не исчезаетъ и далѣе. Съ конца 16 вѣка вертикально можетъ писаться и само титло, помѣщаясь слѣва отъ вынесенной буквы.

1. Въ 16 вѣкѣ появляются впервые связныя написанія, но они очень немногочисленны. Чаще всего встрѣчается связное написаніе їв (см. табл. 42); оно входитъ въ употребленіе въ царствованіе Грознаго и пишется въ титулѣ и имени царя: «царь і великій князь Іванъ Васильевичъ». Другія связныя написанія до второй половины вѣка рѣдки.

2. Изъ отдѣльныхъ начерковъ для скорописи 16 вѣка чрезвычайно характерно двухвостное *д* (здѣсь и далѣе см. рис. 42). Первые образцы такого *д* появляются еще подъ конецъ 15 вѣка — одинъ напоминаетъ латинское *R*, другой — современное намъ скорописное *Я*. Въ 16 вѣкѣ варіанты двухвостнаго *д* многочисленны: буква пишется въ одинъ пріемъ (не отрывая руки) или (чаще) въ два пріема, очень различными способами, но всѣ варіанты своимъ рисункомъ болѣе или менѣе напоминаютъ клещи. Подъ конецъ вѣка преобладаютъ два варіанта: одинъ — съ правымъ хвостикомъ укороченнымъ и направленнымъ нѣсколько вверхъ; такое *д* легко соединяется съ слѣдующей строчною буквой; въ другомъ варіантѣ не отрывая руки сначала пишется головка буквы потомъ одинъ за другимъ оба хвостика; иногда правый хвостикъ отходитъ отъ головки, и тогда возникаетъ прототипъ современнаго скорописнаго *д*, но рѣдко съ петлею внизу. Трехугольное д продолжаетъ употребляться

и въ скорописи 16 вѣка, но много рѣже и съ нѣкоторыми измѣненіями. Во второй половинѣ 16 вѣка, на ряду съ старыми начерками *ю* и *ꙗ*, *я* (послѣдній возникъ изъ *ѧ*) появляются варіанты чисто скорописные — *ю* въ видѣ *о* съ крючкомъ вверху, *ꙗ*, *я* въ видѣ *а* съ крючкомъ вверху; они пишутся не отрывая руки. Буква *и* во второй половинѣ 16 вѣка имѣетъ вертикальныя линіи нѣсколько округлыя. Прочія новообразованія 16-го вѣка появляются главнымъ образомъ подъ конецъ вѣка, въ документахъ очень бѣглаго письма и должны быть разсматриваемы подъ 17-мъ вѣкомъ, гдѣ они господствуютъ и образуютъ систему.

§ 95. Московская скоропись 17-го вѣка развиваетъ постепенно сложную систему сокращеній и связныхъ написаній. Въ разрядѣ сокращеній слѣдуетъ отмѣтить различныя явленія: 1. Выносное *м*, писавшееся ранѣе наклоннымъ зигзагомъ, съ начала 17 вѣка пишется въ видѣ большой (и въ верху толстой) наклонной прямой; выносное *и* изображается въ видѣ наклонной значительно меньшаго размѣра. — 2. Къ выноснымъ буквамъ, утратившимъ титло еще въ 15 и 16 вѣкахъ, въ 17 прибываетъ вновь только титловидное широко перечеркнутое *Н* (см. тамъ же); но скоропись 17 вѣка имѣетъ ту особенность, что при случаѣ титло можетъ быть пропущено надъ всякою буквой. — 3. Надстрочныя буквы, сохранившія титло, часто соединяются съ этимъ послѣднимъ и пишутся съ нимъ не отрывая руки, при чемъ сама вынесенная буква часто изображается съ утратой частей. Такъ создаются новыя надстрочныя *л*, *н*, *м*, *г*, *р*, *ч*, *в* (расположенныя здѣсь по степени употребительности), см. тамъ же. На ряду съ этими слитными типами продолжаютъ употребляться старые выносы съ горизонтальнымъ или вертикальнымъ титломъ, а также выносы безъ титла.

1. Соединенія или связныя написанія широко распространяются только въ 17 вѣкѣ, но и въ немъ никогда не образуютъ ни обязательной ни точно установленной системы. Любая буква можетъ соединяться съ сосѣдней буквой при помощи черты, т. е. писаться съ нею не отрывая руки. Слѣдуетъ различать три вида соединеній: 1. Строчная буква соединяется съ строчною. Эти соединенія прибываютъ постепенно; въ началѣ вѣка они еще неразнообразны и встрѣчаются нечасто. Это главнымъ образомъ соединеніе *ів*, нѣсколько иное, нежели въ 16 вѣкѣ, да рѣдкія соединенія, начинающіяся буквою *д* (слѣдующая буква стоитъ на правомъ хвостѣ буквы *д*, укороченномъ и приподнятомъ въ строку). Послѣ Смутнаго времени въ началѣ грамотъ и другихъ документовъ связно и отчасти вензелемъ начинаетъ писаться формула *«се азъ»*. Къ серединѣ вѣка соединеній всего этого разряда замѣтно прибыло. Подъ конецъ вѣка ихъ очень много и самыхъ различныхъ, см. тамъ же. — 2. Надстрочная буква соединяется съ надстрочною. Этотъ разрядъ, представленный главнымъ обра-

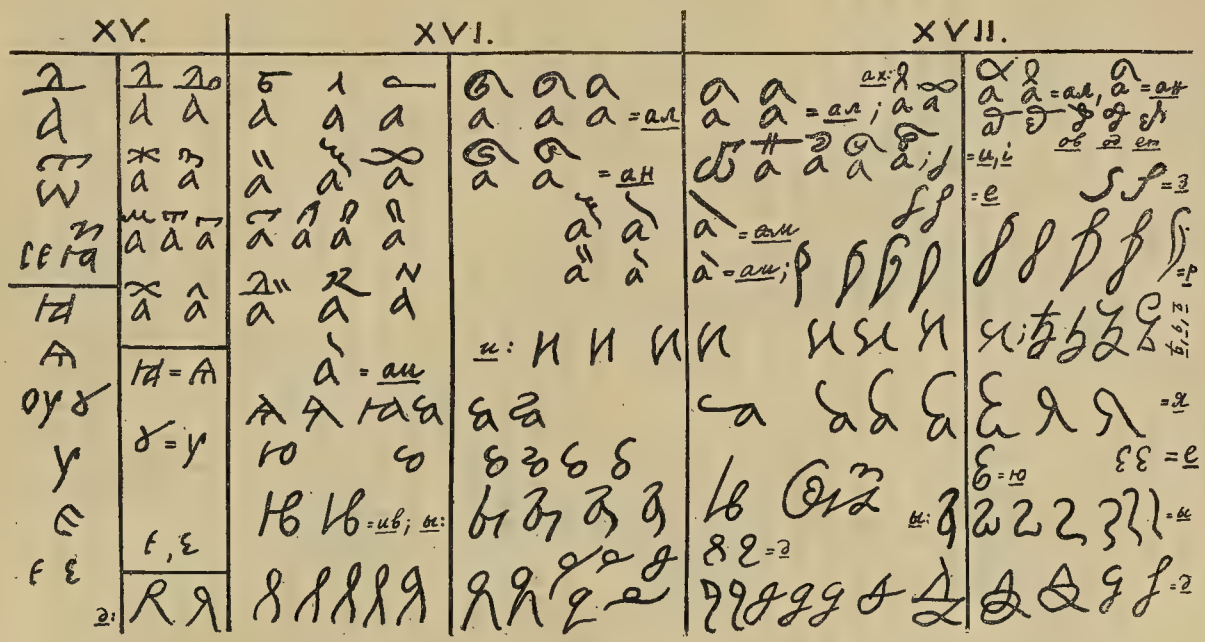


Рис. XLII.

Великорусская скоропись 15—17 вѣковъ.

зомъ старымъ соединеніемъ *ꙍ*, мало развивается: надстрочныя буквы чаще ставятся рядомъ безъ соединительной черты или образуютъ вензель, т. е. пересѣченіе, см. тамъ же. Впрочемъ только съ начала 17 в. находимъ новую надстрочную группу **гѡ**, см. тамъ же. — 3. Строчная буква соединяется съ надстрочною. Это — типичное новообразованіе 17-го вѣка, особенно распространенное къ концу его. Сюда относятся соединенія строчныхъ буквъ съ надстрочнымъ *р, з, в, у, д* и др., см. тамъ же.

Умножившіяся соединенія съ середины 17 вѣка отчасти вносятъ въ скоропись новый принципъ круглящихъ движеній, не вытѣсняя однако первоначальный принципъ движеній свободныхъ.

2. Въ отдѣльные начерки 17-ый вѣкъ вноситъ много новаго. Двухвостное *д* встрѣчается только въ началѣ вѣка: преобладаютъ тѣ его начерки, кои пишутся не отрывая руки; рядомъ съ ними — начерки съ однимъ хвостомъ. Отсюда къ серединѣ вѣка получается *д* нашего скорописнаго типа — съ однимъ хвостомъ въ видѣ петли, а къ концу вѣка — такое же *д* съ головкою вправо. Еще въ 30-хъ—40-хъ годахъ 17 вѣка нѣкоторыя буквы получаютъ внизу розчеркъ въ видѣ петли: это — *ѳ, д, і* и *е*, см. тамъ же. Во второй половинѣ 17 вѣка такъ же начинаютъ писаться *ъ, ѣ, ы, ѣ*, см. тамъ же. Подъ конецъ вѣка петля особенно часто имѣетъ большой розчеркъ у *ъ, ѣ, ѣ, д*, см. тамъ же; тогда же *ъ* получаетъ вверху большой крючокъ или петлю, *в* (особенно — надстрочное) начинаетъ писаться калачикомъ, *ы* — на подобіе высокаго змѣевиднаго *з*. Съ 30-хъ—40-хъ годовъ 17 вѣка *р* начинаетъ писаться не отрывая руки, на подобіе стручка: лѣвый извивъ внизъ, правый извивъ вверхъ; во второй половинѣ вѣка такое *р* господствуетъ и даетъ различные варіанты, одинъ — на подобіе восьмерки. Съ 30-хъ 40-хъ годовъ начальная черта буквы *и* (ранѣе округлая) получаетъ извивъ на подобіе латинскаго *s;* къ серединѣ вѣка извивъ становится очень силенъ, и тогда же *и* начинаетъ писаться въ два пріема, какъ бы соединяя малое скорописное *с* съ бо́льшимъ скорописнымъ *Л*, см. тамъ же. Въ итогѣ слѣдуетъ запомнить, что новшества въ Московской скорописи возникаютъ главнымъ образомъ во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича и что сложный и своеобразный видъ Московская скоропись получаетъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. По общему виду скорописныхъ почерковъ два царствованія значительно различаются между собою.

3. Московская скоропись въ 17 вѣкѣ имѣетъ многочисленные варіанты однихъ и тѣхъ же буквъ. Варіанты принадлежатъ отчасти различнымъ десятилѣтіямъ, отчасти различнымъ областямъ Московскаго государства, отчасти различнымъ писцамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякій скорописный почеркъ употребляетъ одновременно различные варіанты одной и той же буквы: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тотъ или другой

варіантъ избирается по требованію удобства или скорости: русское *азъ* и греческое *альфа, земля* и *зѣло, і* десятеричное или *и* восьмеричное и многое другое. Нѣкоторыя буквы при этомъ могутъ получать очень сходные начерки, напр. *г, б, ѣ* или *в* и *ѣ* (см. тамъ же), но обыкновенно у одного и того же писца полныхъ совпаденій не бываетъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если сходнымъ знакамъ пришлось бы стоять рядомъ или почти: тогда вносится различіе въ частяхъ или въ общихъ размѣрахъ сходныхъ знаковъ. Даже двѣ тождественныя буквы, стоящія рядомъ, нерѣдко пишутся различно изъ своего рода оптической гигіены.

4. Въ 17 вѣкѣ, когда скоропись становится главнымъ видомъ письма, въ Московскомъ государствѣ появляется и каллиграфическій варіантъ ея. Образецъ каллиграфической, или декоративной скорописи даютъ намъ прописи, или скорописныя азбуки, въ большомъ количествѣ дошедшія до насъ отъ 17 вѣка, особенно отъ конца его. Онѣ писались главнымъ образомъ на свиткахъ. Въ декоративномъ варіантѣ скорописи всѣ начерки, кромѣ нѣкоторыхъ заглавныхъ, суть скорописные по происхожденію, но они выведены медленно и длинно, выправлены, большинство вертикальныхъ линій получило извивъ, а концы размаховъ обращены въ петли и завитки.

§ 96. Скоропись Виленская и Кіевская. Внѣ Московскаго государства извѣстно нѣсколько разновидностей русской скорописи. Изъ нихъ особенно типичны двѣ: болѣе древняя западная скоропись литовской великокняжеской канцеляріи 15—16 вѣковъ, или скоропись Виленская и болѣе поздняя скоропись югозападная, или Кіевская, господствовавшая въ 17 вѣкѣ. Виленская разновидность основана на полууставѣ 14—15 вѣковъ при участіи югославянскихъ вліяній, что между прочимъ сказывается въ длинныхъ и манерныхъ хвостахъ, по б. ч. направленныхъ внизъ. Только *ж*, *ѱ*, *ъ* имѣютъ хвосты, направленные вверхъ. Скорописность основана на нѣкоторой свободѣ размаха; особыхъ сокращеній нѣтъ и буквы не связываются между собою. Выносы тѣ же, что въ полууставѣ. По начеркамъ эта скоропись не слишкомъ отличается отъ современной ей Московской. Въ дальнѣйшемъ Виленская скоропись нами не разсматривается. Кіевская скоропись 17 вѣка по начеркамъ и общему впечатлѣнію очень далека отъ Московской. Скорописность основана главнымъ образомъ на многочисленныхъ соединеніяхъ строчныхъ буквъ, т. е. на значительной безотрывности письма. Этимъ Кіевская скоропись рѣшительно превосходитъ Московскую и приближается къ современнымъ курсивнымъ почеркамъ. Принципъ упрощенія начерковъ также представленъ въ Кіевской скорописи, но неравномѣрно: нѣкоторые начерки не только не упрощены, а наоборотъ очень манерны. Свобода взмаха ограничена, но круглящее движеніе сказалось на многихъ начер-

кахъ. Хвосты по б. ч. обращены внизъ. Надстрочныхъ сокращеній и выносовъ не болѣе, чѣмъ въ полууставѣ. Кіевская скоропись не знаетъ Московскаго «зѣло» въ смыслѣ «земли», Московскаго длиннаго «десятеричнаго» *і*, Московскаго большаго *с*. Кіевская скоропись имѣетъ совершенно особые знаки для *б, в, ж;* употребляетъ въ иностранныхъ словахъ *э* оборотное и особое высокое *Г* для обозначенія взрывнаго (какъ въ великорусскомъ литературномъ языкѣ) звука *г*, м. т. к. обычное *г* въ Кіевской скорописи выражаетъ фрикативный звукъ малорусскаго и бѣлорусскаго языка.

Во второй половинѣ 17 вѣка Кіевская скоропись нѣкоторыми начерками повліяла на Московскую, а вмѣстѣ съ переносомъ Кіевской схоластической школы Кіевскіе почерки появляются въ Москвѣ въ произведеніяхъ литературнаго и учебнаго характера. Еще въ первой половинѣ 18 вѣка югозападные почерки отзываются въ почеркахъ великорусской семинарской науки.

§ 97. Существующія руководства по скорописи преслѣдуютъ практическія цѣли: они учатъ читать скоропись и разбираться въ трудныхъ почеркахъ и всевозможныхъ сокращеніяхъ. Иногда въ такихъ руководствахъ начинающему дается совѣтъ писать старой скорописью. Этого рѣшительно слѣдуетъ избѣгать, ибо опытъ показываетъ, что у вполнѣ грамотныхъ моторная (мускульная) память по отношенію ко всѣмъ почеркамъ скорописнаго характера вообще развита несравненно сильнѣе, чѣмъ зрительная; послѣдняя сильнѣе моторной памяти только по отношенію къ печатнымъ знакамъ, кои воспринимаются почти исключительно зрѣніемъ. Учиться старой скорописи слѣдуетъ прежде всего глазами, одновременно стараясь читать вслухъ. Только такой пріемъ даетъ твердые навыки чтенія, что по отношенію къ скорописи есть первая потребность для всякаго спеціалиста. На томъ же основаніи не слѣдуетъ изучать скоропись путемъ списыванья. Если начинающему необходимо для спеціальныхъ цѣлей дословно скопировать скорописный текстъ, полезно и въ этомъ случаѣ читать оригиналъ вслухъ.

Тайнопись.

§ 98. Въ рукописяхъ находятся иногда отдѣльныя слова или цѣлыя фразы, написанныя тайнымъ письмомъ. Тайнопись, или криптографія перешла къ южнымъ славянамъ изъ Византіи, а въ Россіи она была получена отъ южныхъ славянъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и письменностью; древнѣйшіе случаи тайнописи дошли до насъ въ русскихъ рукописяхъ 12-го и 13-го вѣка. Какъ у византійцевъ такъ и у славянъ тайнопись имѣла лишь ограниченную сферу примѣненія: она употреблялась старыми писцами главнымъ образомъ въ качествѣ забавы: писецъ обращалъ въ загадку

свое имя или краткое послѣсловіе, а иногда изображалъ тайнописью приписки болѣе или менѣе случайнаго характера. Тайнопись, находимая въ кирилловскихъ рукописяхъ, дѣлится на нѣсколько системъ.

I. Система чуждыхъ письменъ.

1. Глаголица употребляется въ русскихъ рукописяхъ въ качествѣ тайнописи въ дотатарскій періодъ въ видѣ рѣдкихъ и краткихъ записей, по б. ч. содержащихъ ошибки и т. о. обнаруживающихъ у писцовъ лишь случайное знакомство съ глаголическимъ письмомъ. Древнѣйшіе случаи употребленія глаголицы русскими людьми находимъ въ краткихъ надписяхъ начерченныхъ остріемъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ на обмазкѣ стѣнъ. Эти надписи могутъ быть отнесены къ 11—12-му вѣкамъ.— Въ русскихъ рукописяхъ глаголица встрѣчена въ 12-мъ и 13-мъ вѣкахъ. У южныхъ славянъ и отчасти у румынъ глаголица встрѣчается въ качествѣ тайнописи и въ болѣе позднюю эпоху (кончая 16-мъ вѣкомъ), но нерѣдко въ смѣшеніи съ иными знаками.

2. Греческая азбука въ качествѣ тайнописи встрѣчена въ Россіи въ 15-мъ вѣкѣ (прологъ Публичной библіотеки 1431—1434 г.), что слѣдуетъ поставить въ связь съ югославянскими вліяніями. Позднѣе, въ эпоху новогреческихъ вліяній 17-го вѣка и славяно-греко-латинской школы въ Москвѣ — греческія буквы появляются въ тайнописи въ смѣшеніи съ знаками иного характера.

3. Пермская азбука, изобрѣтенная въ 14 вѣкѣ преп. Стефаномъ Пермскимъ, встрѣчена въ качествѣ тайнописи въ нѣсколькихъ русскихъ рукописяхъ XV вѣка. Пермская азбука является передѣлкой Кирилловскихъ знаковъ, нерѣдко — недописанныхъ; она однообразна и содержитъ не мало типовъ въ видѣ остраго угла въ томъ или иномъ положеніи.

4. Латинская азбука встрѣчается въ Россіи въ видѣ тайнописи въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ; ея проводниками были: отчасти — посольскій приказъ, а всего болѣе — духовная школа. Въ 18-мъ вѣкѣ на рукописяхъ семинарскаго происхожденія (записки лекцій) нерѣдко имена писцовъ, владѣльцевъ, даты и др. записи даны латинскими буквами — сплошь или въ соединеніи съ иными знаками; иногда въ тѣхъ же рукописяхъ находится особый вычурный и неудобочитаемый шрифтъ, полученный изъ латинскаго.

5. Къ этой системѣ слѣдуетъ отнести также различные изобрѣтенные алфавиты. Они встрѣчаются не часто и рѣдко бываютъ вполнѣ оригинальны — въ большинствѣ случаевъ изобрѣтенные алфавиты содержатъ передѣлку отдѣльныхъ греческихъ, глаголическихъ и кирилловскихъ знаковъ.—Вся система чуждыхъ алфавитовъ вообще встрѣчается е часто.

II. Система измѣненныхъ знаковъ.

Для цѣлей тайнописи кирилловскія буквы недописывались («полусловица») или измѣнялись инымъ образомъ. Это довольно трудный видъ тайнописи, ибо многое въ немъ предоставлено изобрѣтенію пишущаго и такимъ образомъ не существуетъ одного общаго ключа. И эта система употребляется не часто, при томъ рѣдко въ чистомъ видѣ — чаще въ смѣшеніи съ знаками чуждыхъ алфавитовъ или знаками изобрѣтенными. Недописанныя буквы нерѣдко являются въ видѣ сокращенія въ концѣ строки; въ русскомъ полууставѣ конца 14-го начала 15-го вѣка выправленномъ и уже носящемъ первые слѣды югославянскаго вліянія, такія сокращенія производятся иногда надъ многими буквами и составляютъ своего рода манеру. Въ Ватиканской библіотекѣ (Славянскія рпси, № 7) хранится Псалтырь русскаго письма 14—15 вѣка, сплошь писанная подобной полусловицей; здѣсь цѣлью такого письма является, какъ полагаютъ, ускореніе, но разумѣется не безъ оттѣнка забавы. Вся эта система тайнописи извѣстна въ русскихъ рукописяхъ 14—16 вѣка, она вѣроятно найдена югославянскими каллиграфами и проникла въ Россію въ эпоху югославянскаго вліянія.

III. Система замѣнъ.

Въ этой системѣ одни кирилловскіе знаки замѣняются другими, кирилловскими же. Эта система имѣетъ много варіантовъ. Въ старой письменности для системы замѣнъ существовало названіе литорея; это слово считается искаженіемъ предполагаемаго «риторія» и объясняется какъ «риторская азбука», т. е. «письмо ученыхъ книжниковъ». Въ самой старой письменности литорея дѣлится на простую и мудрую.

1. Простая литорея, или тарабарская азбука оставляетъ безъ замѣнъ всѣ гласныя, полугласную ъ и ѣ, а изъ согласныхъ — буквы **ѕ** и **ѳ**. Остальныя согласныя распредѣляются въ два ряда одинъ подъ другимъ, по десяти знаковъ въ ряду. Знаки идутъ въ порядкѣ кирилловскаго алфавита, въ верхнемъ ряду—слѣва на право, въ нижнемъ—справа на лѣво

б в г д ж з ѕ л м н
щ ш ч ц х ф т с р п

При письмѣ верхнія буквы замѣняются своими нижними и на оборотъ. Такимъ образомъ слово аминь изображается простой литореей въ видѣ аринь, написахъ въ видѣ панилажъ и пр.

Мудрая литорея отличается отъ простой тѣмъ, что буквы нижняго ряда стоятъ въ какомъ нибудь условномъ безпорядкѣ (найдено четыре различныхъ вида второго ряда). Есть также различные виды мудрой

литореи, въ коихъ въ обоихъ рядахъ помѣщается въ различномъ порядкѣ вся азбука и такимъ образомъ замѣнѣ подвергаются какъ гласныя, такъ и согласныя. Нѣсколько ключей къ болѣе сложнымъ видамъ литореи издано акад. Соболевскимъ, «Славяно-русская Палеографія», изд. 2, стр. 110—111. Простая литорея была извѣстна въ Россіи вѣроятно съ начала письменности; она употреблялась чаще всѣхъ другихъ видовъ тайнописи, и сейчасъ еще не забыта старообрядцами и школьниками.

IV. Счетная система.

Она основана на томъ, что большинство славянскихъ буквъ имѣетъ цифровое значеніе. Эта система имѣетъ три главныхъ разряда.

1) Цифровой разрядъ: отдѣльныя буквы слова разсматриваются какъ цифры, которыя разлагаются на слагаемыя: единица (а) и буквы безъ числового значенія (б, ж, ш, щ, ѣ, ю, ѧ) остаются безъ измѣненія. Границы разложенныхъ буквъ обозначаются пробѣлами, точками или иными раздѣлительными знаками. Надъ отдѣльными слагаемыми иногда ставятся титла, коими вообще цифры отличались отъ буквъ.

Примѣры. Слово амнъ состоитъ изъ несчетнаго ъ и изъ предшествующихъ цифръ 1, 40, 8, 50. Оно можетъ быть разложено въ различномъ видѣ

а · кк · дд · лк · ъ	т. е.	1	20,20	4,4	30,20	ъ
а · нн · кккк · нннн · ъ		1	4×10	4×2	5×10	ъ
а · ннннн · аааааааа · єєєєєєєєєє · ъ		1	5× 8	8×1	10× 5	ъ

Въ Румянцевской Прописи 1643 г. имя писца Федоръ изображено такимъ образомъ: рррр · аааа · аааа · о · ннннннн ъ. Буква *о* дана безъ разложенія.

Однажды (въ Сборникѣ Типографской библіотеки, запись 1641 г.) найдена цифровая тайнопись, въ коей разложенныя слова писаны арабскими цифрами: единицы—знаками 1—9, десятки знаками $\hat{1}$—$\hat{9}$, сотни—$\breve{1}$—$\breve{9}$, тысячи—$_{*}1$—$_{*}9$.

2) Описательный разрядъ. Цифровыя значенія буквъ (или ихъ слагаемыя) могутъ быть описаны словами, т. е. выражены словесной загадкой. Такъ описывали свое имя авторы, писцы и переводчики.

Примѣры: Въ Румянцевскомъ Діонисіи Ареопагитѣ 1371 года имя переводчика дано въ слѣдующемъ описаніи:

«Въ инокыхъ мене худаго аще хощеши увидѣти, начало тому есть осмеричное число, среда же двусотное и первое, конець же десято съ единѣмь наканчеваться». Это означаетъ цифры 8, 200, 1, 10, 1, т. е. буквы нсма.

Въ Румянцевскомъ Сборникѣ 1640 г. находимъ запись: «Аще хощеши уведати господина книги сия и ты положи слово двусотное и осмое и первое, к симже двадесятое и пятидесятое и осмое и третьеежь и первое, таже четыредесятое и осмое и шестисотное и первое, десятое, тридесятое и первое, еще же четвертое и четыредесятое и осмое и трехсотное же и сотное и пятое и второе же и осмое и девеностое и первое, по сихъ же двадесятое и сотное и первое, таже положи слово иже стоитъ въ азбуце межь первого и втораго слова, къ сему же семидесятое и второе и первое слово». Читай: «сиа книга Михаіла Дмитревича Крабова».

Этимъ описательнымъ способомъ можетъ быть скрыта также дата, напр. поздняя дата на памятникѣ искусства, подражающемъ по своему стилю старинѣ. Такова напр. дата на огромной акварельной картинѣ библейскаго содержанія, хранимой въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ: «В лѣто обхожденія солнечныхъ озареній исчисляемо к седмію десяти сторицамъ и тридесяти шести десятицамъ третіе сіе подлежащее воображеніе изведохъ», т. е.: эту картину я нарисовалъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7463-е (читай 7363-е, или 1855 года).

Иногда цифровое значеніе буквъ описывается менѣе ясно, дается напр. число гласныхъ и согласныхъ, общее число буквъ имени, сумма ихъ цифровыхъ значеній. Иногда наконецъ всѣ данныя изложены притчей. Такова пространная притча въ Барсовскомъ сборникѣ № 1773, 4°, 17 в., которую здѣсь помѣщаемъ:

«Аще кто хощет(ъ) вѣдати, чія есть книга сія, се есть имя его, написано здѣ сице.

На горѣ высоцѣ стоит(ъ) град(ъ) превелик(ъ) и красен(ъ) зѣло. Около же его, града того, к҃з поприщъ; въ стѣнах(ъ)-же имѣет(ъ) град(ъ) той з҃ проѣз(д)ныхъ великихъ башен(ъ), а҃-я башня о з҃ верхах(ъ), в҃-я башня о г҃-хъ верхах(ъ), г҃-я башня(о) д҃ верхах(ъ); д҃-я и є҃-я имѣют(ъ) по г҃ верха; ѕ҃-я о д҃-хъ верхах(ъ); з҃-я о г҃-хъ верхах(ъ). Внутри ж(е) града того пробойных(ъ) улиц(ъ) рм҃д, п[р]ереулков(ъ)-же в(ъ) себѣ имѣет(ъ) ҂ат҃ѳ҃і, тупиков(ъ) же и нѣсть числа. Царьствует(ъ) же во градѣ том(ъ) ц(а)рь преславен(ъ); у него д҃ ц(а)р(и)цы вел(ь)ми прекрасны; боляр(ъ) же у него служит(ъ) и думчихъ є҃. У перваго болярина х҃ дворянъ, у втораго ф҃, у трет(ь)яго т҃, у четвертаго с҃, у пятаго р҃. Той-же ц(а)рь имѣет(ъ) у себе думных(ъ) дворян(ъ) пятерицу пятериц(ъ), а два над(ъ) ними суть. Прочих(ъ) же дворян(ъ) и дѣтей боярскихъ лѕ҃ алимпіяд(ъ), копейщиков(ъ) же и суличников(ъ) пз҃ икдикъоновъ да три алимпіяды съ полуалимпіядою. Прочаго же войска з҃ полков(ъ), им(ъ)-же и нѣсть числа. И имѣяй же смысль, да разсмотрит(ъ), аще ли не срамится допрошати; понеж(е) словеса слога прикрыта. Подобна бо с(ъ) подобными къ подобнем(ъ) сподоб(и)».

3) Значковый разрядъ. Цифровыя значенія отдѣльныхъ буквъ обозначаются значками: единицы—точками, десятки—черточками, сотни—кружками; эти знаки располагаются отчасти въ горизонтальномъ, отчасти въ вертикальномъ положеніи. Буквы безъ числового значенія пишутся безъ перемѣнъ.

Примѣръ. Въ Псалтыри 16 в. Синодальной библіотеки находимъ значковую запись писца: «Слава Б(о)гу свершителю аминь».

Послѣ простой литореи самый распространенный видъ русской тайнописи есть тайнопись счетная. Ея цифровая разновидность встрѣчена съ нач. 14 вѣка, описательная—съ 14 вѣка, значковая—съ 16 в. Всѣ три разновидности употребляются еще въ 18 вѣкѣ, а отчасти и до сихъ поръ не забыты старообрядцами.

§ 98. Б. Единичные случаи тайнописи, которые не подходятъ ни подъ одну изъ главныхъ системъ. Таково обратное письмо, напр. **ьданегныншѣргъласнпа** (Исаакъ Сиринъ 14 в. Соловецкой Библ.), **ъшорг аꙁ ъшѹрг а҃д ѹмотн єтѵорп єнс отк а** (Прологъ Виленской Публ. Библ., 16 в.). Однажды найдено обратное письмо названіями буквъ (**ндюли кѹбъ=бѹки люди=*б+л.*** и т. д.). Однажды найдено письмо словами, коихъ только начальныя буквы должны быть читаемы.

Своего рода тайнописью является акростихъ, т. е. стихотвореніе, скрывающее тайный смыслъ въ начальныхъ буквахъ отдѣльныхъ стиховъ. Такова напр. стихотворная молитва Константина Болгарскаго (писателя Золотого вѣка), гдѣ начала стиховъ содержатъ всю славянскую азбуку: **Аꙁъ словомь симь молѭ сѧ богоу. Боже вьсеѩ твари и ꙁиждителю** и т. д.

Акростихъ исчезъ у славянъ вмѣстѣ съ писаніемъ стиховъ по византійскому образцу (IX—X вв.) и появился вновь въ Россіи вмѣстѣ съ западными и югозападными виршами.

Кромѣ того извѣстныя надписи располагались узорами (въ прямую, въ косую клѣтку, лабиринтомъ, различнаго вида крестами). Этотъ видъ тайнописи скорѣе относится къ каллиграфіи. Въ Болгарской псалтыри к. XIII вѣка, принадлежавшей Норову, въ срединѣ текста находится лабиринтъ, въ извивахъ котораго, въ разныхъ направленіяхъ, читается фраза **срѣдѣ** (а иногда—**срѣдѫ**) **достиже медотоѵнаа книга** (болгарскій изводъ). Если надпись представляетъ замкнутую фигуру, напр. восьмиконечный крестъ, то читать слѣдуетъ, идя по контуру и начавши изъ одного опредѣленнаго мѣста.

Наряду съ этими видами традиціонной тайнописи, по большей части заимствованной у византійцевъ, существовала тайнопись личная, т. е. изобрѣтенная отдѣльными лицами и не распространенная въ пись-

менности. Предполагаютъ, что тайнопись на колоколѣ 1667 года въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ изобрѣтена самимъ вкладчикомъ этого колокола, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Тайнопись дипломатическая или т. н. шифръ появляется у насъ съ к. XVI вѣка въ подражаніе западнымъ дипломатическимъ шифрамъ. Въ XVII вѣкѣ это «затѣйное» или «закрытое» письмо разныхъ системъ было уже въ большомъ употребленіи въ перепискѣ русскихъ пословъ и гонцовъ съ царемъ и его довѣренными лицами. Одинъ дипломатическій шифръ былъ составленъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ. Въ дѣлахъ Приказа тайныхъ дѣлъ хранится много тайныхъ азбукъ временъ царя Алексѣя Михайловича, отчасти составленныхъ самимъ царемъ.

Лѣтосчисленіе.

§ 99. Цифры. Какъ въ глаголицѣ такъ и въ кириллицѣ цифры, по византійскому образцу, обозначались буквами и особаго знака для *нуля* не существовало. Въ цифровомъ значеніи буквы снабжались лежащими надстрочными чертами (титлами) и отдѣлялись отъ окружающаго текста и другъ отъ друга точками. Точка обыкновенно отсутствуетъ между десятками и единицами и тогда эти два разряда имѣютъ и одно общее титло. Иногда вся дата объединялась писцами, особенно у византійцевъ, подъ однимъ большимъ титломъ.

Въ глаголицѣ всѣ буквы подъ рядъ имѣютъ цифровое значеніе, въ кириллицѣ цифровое значеніе имѣютъ только тѣ буквы, которыя непосредственно заимствованы изъ греческой азбуки: даже спеціально греческія ⱋ ѱ ѡ, кои для славянскаго языка лишнія и въ глаголицѣ отсутствуютъ. Буквы спеціально славянскія: ѕ, ж, ш, щ, ъ, ы, ь и пр. въ кириллицѣ цифровыхъ значеній не имѣютъ, но имѣютъ ихъ въ глаголицѣ. Впрочемъ изъ этихъ спеціально славянскихъ буквъ кирилловскія *зѣло* ѕ, *червь* ч, ч и *юсъ малый* ѧ замѣнили собою греческія устарѣвшія буквы *вау* и *стигму* (6), *коппу* (90), *сампи* (900), съ коими имѣли сходство въ рисункѣ. У грековъ эти три знака уже въ классическую эпоху употреблялись только въ качествѣ цифръ. Коппа по начерку совпала съ односторонним ч, ранѣе въ эпоху ч симметричнаго (а отчасти и позднѣе, при ч) въ кириллицѣ употреблялась и настоящая коппа ч. Въ Россіи въ эпоху югославянскихъ вліяній (а у южныхъ славянъ еще ранѣе) юсъ малый ѧ въ значеніи 900 замѣнился знакомъ ц (ср. глаголическое $ц = 900$).

Т. о. кирилловскія цифры согласуются съ греческими, глаголическія почти всегда съ ними расходятся, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
α	β	γ	δ	ε	ς	ζ	η	ϑ	ι	ια
ⰰ	ⰱ	ⰲ	ⰳ	ⰴ	ⰵ	ⰶ	ⰷ	ⰸ	ⰹ	ⰺ
а	б	в	г	д	е	ж	дз	з	і	=глаг.

Въ числительныхъ 11—19 и у грековъ и у славянъ единицы произносятся ранѣе десятковъ, но на письмѣ греки изображали десятки ранѣе единицъ, славяне-же писали согласно произношенію:

ⰰ҃і	ⰱ҃і	ⰲ҃і	ⰳ҃і	ⰴ҃і	ⰵ҃і	ⰶ҃і	ⰷ҃і	ⰸ҃і
11	12	13	14	15	16	17	18	19

При числительныхъ 20—90 единицы у славянъ какъ и у грековъ ставились на второмъ мѣстѣ:

к	л	м	н	ѯ	о	п	ч	
20	30	40	50	60	70	80	90	
ка	кв	кг	кд	ке	кѕ	кз	ки	кѳ
21	22	23	24	25	26	27	28	29

Сотни изображались дальнѣйшими буквами, начиная съ *эръ*:

р	с	т	ѵ	ф	х	ѱ	ѡ	ѧ(ц)
100	200	300	400	500	600	700	800	900

Тысячи у грековъ и въ кириллицѣ изображались тѣми-же цифрами, что̀ и единицы только съ особымъ знакомъ / ⸗ или чаще ⸗ впереди.

⸗ⰰ = 1000, ⸗ⰱ = 2000, ⸗ⰲ = 3000, ⸗ⰳ = 4000 и т. д. — Въ глаголицѣ тысяча обозначалась знакомъ *ча*; дальнѣйшія тысячи несомнѣнно тоже обозначались особыми буквами, но такія большія цифры въ глаголическихъ текстахъ не встрѣчаются; глаголическія даты имѣемъ только начиная съ угловатой, хорватской глаголицы, и тѣ отъ Рождества Христова, почему онѣ и начинаются знакомъ *ча* = 1000.

Въ кириллицѣ десятки тысячъ или по старой терминологіи *тьмы* въ позднѣйшихъ грамматическихъ сочиненіяхъ (15—17 в.) изображаются

тѣми же знаками, что̀ и единицы, но только въ кругахъ; сотни тысячъ или *легеоны* — тѣми-же знаками въ кругахъ изъ точекъ; тысячи тысячъ, или *леодры* — въ кругахъ изъ лучей или изъ запятыхъ, десятки милліоновъ или *вдроны* — въ кругахъ изъ крестиковъ. Этимъ заканчивалось кирилловское счисленіе, ибо далѣе слѣдовало безконечное число *колода;* о ней говорится; «безчисленная лежитъ колода, ей же больше нѣсть числа и чловѣкомъ отъ Бога утаено; невозможно бо есть чловѣку таину Божію вѣдѣти». Въ другихъ источникахъ колода принимается за опредѣленное число и дается счетъ колодами а҃, в҃, г҃. См. Ягича, «Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ».

§ 100. Ошибки въ написаніи датъ старой книжности встрѣчаются иногда въ сотняхъ. Такъ въ Постничествѣ Василія Великаго, Чудовской пергаменной рукописи, писанной уставомъ и древнѣйшимъ полууставомъ, находимъ дату:

҂з҃. ѿ҃. ц҃. ч҃. ѕ҃

т. е. цифры 6000, 800 и 900, 90 и 6. Т. о. можно колебаться между датами 6896 и 6996. Къ пергаменту и къ почеркамъ рукописи подходитъ только первая дата: 6896=1388 г.

§ 101. Ошибки въ чтеніи цифръ встрѣчаются чаще. Въ древнѣйшихъ кирилловскихъ рукописяхъ открыты случаи невѣрнаго перевода глаголическихъ цифръ оригинала (по б. ч. отдаленнаго) на кирилловскія, такъ напр. при перепискѣ глаголическаго текста, ꙁ вопреки кирилловскому счету принималось иногда за 8 (какъ въ глаголицѣ) вмѣсто ожидаемаго 6. Такія ошибки могутъ быть установлены въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ доступна повѣрка цифры сравненіемъ съ инымъ источникомъ: въ нумераціи Евангельскихъ чтеній, въ Синаксарѣ (мѣсяцесловѣ), въ спискѣ Лѣтописи.— При чтеніи датъ необходимо помнить, что цифра всегда имѣетъ титло: если въ концѣ даты стоитъ буква съ инымъ знакомъ нежели титло, или стоитъ буква безъ всякаго знака, или буква хоть и съ титломъ, но надстрочная, то это̀ звукъ, а не цифра. Такъ напр. дату Въ лѣто ҂з҃. р҃. п҃є҃. слѣдуетъ читать «въ лѣто 7185», а дату Въ лѣто ҂з҃. р҃. п҃. є҃ слѣдуетъ читать «въ лѣто 7180-е». Такъ же различаются даты «Въ лѣто ҂з҃ч҃г҃» читай «въ лѣто 7094» и «Въ лѣто ҂з҃ч҃ᵀ» читай «Въ лѣто 7090-го (году)».—Далѣе возможно смѣшеніе цифръ, имѣющихъ близкіе начерки, каковы є и ѳ, ч и і. Эти и другія цифры можно смѣшать въ поблѣднѣвшемъ, полусмытомъ, полустертомъ, замаранномъ письмѣ. При поддѣлкѣ датъ фальсификаторы стараются воспользоваться подлинной датой, чтобы сдѣлать ее древнѣе. Съ этой цѣлью напр. цифру п подчищаютъ и подправляютъ въ н, въ л или въ к. Иногда только опытный глазъ можетъ открыть такую поддѣлку.

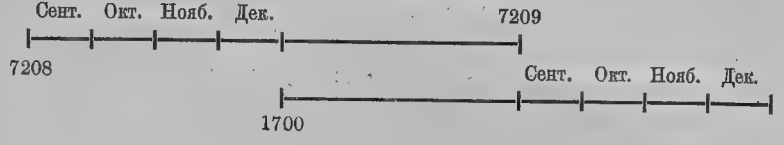
§ 102. Переводъ датъ съ одного лѣтосчисленія на другое.

Лѣтосчисленіе у христіанскихъ народовъ велось отъ сотворенія міра. На Западѣ счетъ отъ Рождества Христова распространяется еще въ срединѣ Среднихъ вѣковъ. Но у грековъ и у православныхъ славянъ счетъ отъ сотворенія міра держался до 18 вѣка. Въ Византіи гражданскій и церковный годъ начинался съ сентября. Мартовскій годъ былъ заимствованъ южными славянами вѣроятно изъ Пасхаліи и вмѣстѣ съ письменностью перешелъ къ русскимъ. Съ эпохи юго-славянскаго вліянія въ Россіи въ гражданскомъ употребленіи появляется византійскій церковный годъ, т. е. сентябрьскій отъ сотворенія міра, хотя сами южные славяне и продолжаютъ держаться мартовскаго. Въ 15 вѣкѣ въ Россіи еще употребляются оба года, съ 16-го вѣка мартовскаго года въ Россіи уже не находимъ, — сентябрьскій господствуетъ.

Лѣтосчисленіе январское отъ Рождества Христова всего ранѣе проникало къ тѣмъ православнымъ славянамъ, кои сосѣдили съ католическимъ Западомъ. Въ богумильской Босніи оно господствуетъ, начиная съ древнѣйшаго памятника — грамоты бана Кулина 1189 г. Январскій счетъ отъ Рождества Христова встрѣчается въ Смоленскихъ, Полоцкихъ и Галицкихъ грамотахъ; древнѣйшій случай этого рода — договоръ Смоленскаго князя съ Ригою въ 1229 г. Въ 14 вѣкѣ въ Западной Россіи январскій счетъ отъ Рождества Христова встрѣчается въ грамотахъ часто, въ письменности западно-русской онъ утверждается только съ конца 16-го вѣка.

Двѣ даты — одну отъ сотворенія міра, другую отъ Рождества Христова находимъ въ славянскихъ печатныхъ книгахъ: Сербскихъ 15 и 16 в. (Цѣтинскихъ, Венеціанскихъ), Западно-русскихъ 16—17 в., Московскихъ второй половины 17-го вѣка (въ изданіяхъ Никоновскихъ и позднѣе). Въ сербскихъ изданіяхъ первая дата мартовская, въ русскихъ — сентябрьская. Московскіе документы и старая Московская письменность двойнаго счета вообще не знаютъ.

Переводъ съ сентябрьскаго счета на январскій. Петръ Великій указомъ отъ 20 декабря 1699 года ввелъ въ Россіи январскій счетъ отъ Рождества Христова и повелѣлъ считать новый 1700 годъ съ ближайшаго 1-го января. Между тѣмъ старая Русь всего четыре мѣсяца тому назадъ встрѣчала свой сентябрьскій новый годъ, 7208-ой отъ сотворенія міра. Эти четыре мѣсяца (сентябрь—декабрь) по новому счету были отнесены теперь къ предыдущему 1699 году.

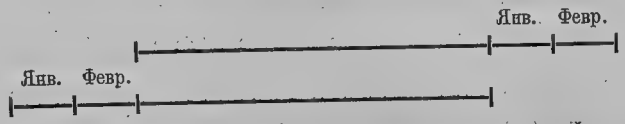


Тѣ-же мѣсяцы 7207-го года очевидно отходили къ 1698-му и т. д. Эта точка зрѣнія усваивалась и ранѣе, въ русскихъ печатныхъ изданіяхъ съ двойнымъ счетомъ. Таже точка зрѣнія вообще вносится въ древность научною хронологіей: при переводѣ даты съ сентябрьскаго счета на январскій мѣсяцы сентябрь—декабрь относятся къ предыдущему году, т. к. мѣриломъ времени является январскій годъ.

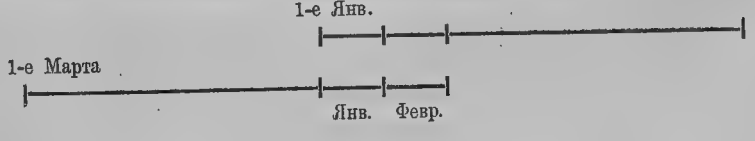
По византійской (Царьградской) хронологіи отъ сотворенія міра до Рождества Христова протекло 5508 лѣтъ. Существовалъ и иной разсчетъ: 5500 и 5506, но онъ въ самой старой письменности встрѣчается рѣдко и при переводѣ датъ вообще не примѣняется. Такимъ образомъ для перевода съ сентябрьскаго года на январскій изъ старой даты слѣдуетъ вычесть 5508, а если дата относится къ четыремъ послѣднимъ мѣсяцамъ года—слѣдуетъ вычесть 5509. Если въ датѣ мѣсяцъ не указанъ, вычитается 5508, имѣя въ виду, что такой вычетъ соотвѣтствуетъ восьми мѣсяцамъ изъ двѣнадцати и слѣдовательно имѣетъ за себя бо́льшую вѣроятность.

Переводъ съ мартовскаго счета на январскій. Югославянскія рукописи и русскія пергаменной эпохи имѣютъ даты по мартовскому счету. Мартовскаго счета держатся Попъ Упирь Лихой (въ рукописи Пророковъ 1047 г., ср. выше стр. 15), писецъ Остромирова Евангелія 1056—57 года, писецъ Толковаго Апостола 1220 года, и русскіе лѣтописцы до 15 вѣка.

Мѣриломъ для перевода и въ этомъ случаѣ является январскій годъ:

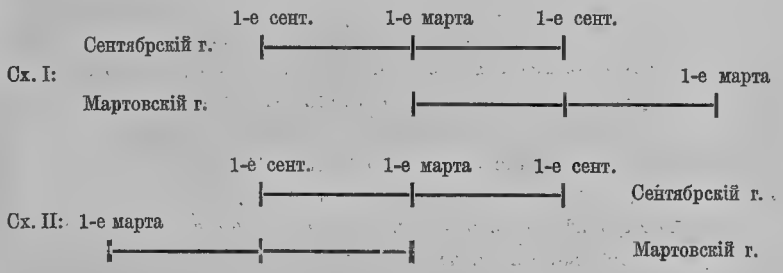


Т. к. въ этомъ случаѣ январскій годъ оканчивается ранѣе, то остающіеся два мѣсяца мартовскаго года относятся къ слѣдующему январскому. Для совпадающихъ мѣсяцевъ того и другаго года (мартъ—декабрь) изъ мартовской даты вычитается уже извѣстная разница 5508, для января и февраля мартовскаго счета вычитается 5507. Если въ датѣ мѣсяцъ не указанъ, съ значительной вѣроятностью вычитается 5508. Сербскія печатныя изданія 15—16 в.в. съ двойною датой не всегда точно слѣдуютъ этому правилу: иногда они опредѣляютъ январскую дату, вычитая изъ мартовской 5508 для мѣсяцевъ января и февраля, 5509 для остальныхъ десяти мѣсяцевъ. Въ такомъ случаѣ издатели очевидно избирали мѣриломъ свой мартовскій годъ и руководились схемой:



Въ датахъ иногда указывается годъ индикта. Индиктъ (лат. indictio, откуда греч. ἰνδικτος) есть пятнадцатилѣтній періодъ времени, исчисляемый отъ сотворенія міра и въ сентябрьскихъ годахъ. Ясно, что индиктъ находится дѣленіемъ даты на 15: частное указываетъ число индиктовъ, протекшихъ отъ сотворенія міра, а остатокъ — очередный годъ текущаго индикта. Такъ напр. дата: августъ 6815 года даетъ 6815 : 15 = 454 и въ остаткѣ 5, т. е. пятый годъ текущаго индикта. Такъ находится, а равно и повѣряется индиктъ по датѣ. Дата повѣряется по индикту обратными дѣйствіями: 6815 — 5 = 6810; 6810 : 15 = 454 безъ остатка. Если индиктъ дается при датѣ, считаемой отъ Р. Х., основаніемъ счета индиктовъ все же остается сотвореніе міра, т. о. приходится переводить дату съ январскаго счета на сентябрьскій, т. е. до дѣленія на 15 къ датѣ отъ Р. Хр. прибавляется 5508 (при возможности поправки — 5509).

Если индиктъ вычислялся въ эпоху мартовскаго года, то была необходимость переводить дату, надъ которой производилась операція, съ мартовскаго на сентябрьскій счетъ. Въ одномъ полугодіи дата обоихъ годовъ совпадаетъ, въ другомъ — расходится на единицу. Расчетъ зависитъ отъ того, какой годъ принять за мѣрило, ср. схемы I и II.



Повѣрка датъ.

§ 103. Датами въ широкомъ смыслѣ называютъ иногда всѣ тѣ данныя или указанія, которыя будучи соображены другъ съ другомъ, въ концѣ концовъ болѣе или менѣе датируютъ памятникъ. Сюда относится все то, что мы выше назвали примѣтами, ср. § 2. Датой въ собственномъ смыслѣ мы называемъ только точное указаніе на время возникновенія памятника.

Даты, однако, бываютъ прямыя и косвенныя: прямая дата, называемая также «лѣтописью» памятника, всегда содержитъ цифровые знаки: это есть свидѣтельство самого писца или инаго современника о времени созданія памятника. Косвенная дата есть такое-же свидѣтельство, но

безъ цифровыхъ знаковъ: косвенныя даты состоятъ въ упоминаніи фактовъ, современныхъ созданію памятника и въ то же время обладающихъ опредѣленной датой. Косвенную дату заключаетъ, напр. лѣтопись безъ года, если содержитъ слова: «въ первое лѣто царства благовѣрнаго царя Іоанна Васильевича». Евангеліе 1282 года (Румянц. Муз.) кромѣ прямой даты въ цифрахъ заключаетъ въ своей лѣтописи еще косвенную: **«коли сѧ женило гюргии кнѧѕе а ѿць ѥмоу въ оугры ходило, тогда скончашаса книгы сиѩ»**.—О косвенныхъ датахъ ср. выше § 5.

Каждая прямая дата вводитъ въ науку новый фактъ прошлаго, который не можетъ быть принятъ безъ повѣрки, безъ соображенія съ фактами, извѣстными ранѣе.

1. Палеографическая повѣрка. Палеографъ начинаетъ повѣрку даты съ внѣшняго осмотра: онъ сравниваетъ «лѣтопись», содержащую годъ, съ почеркомъ (или почерками) самаго памятника. Обыкновенно лѣтопись пишетъ самъ писецъ, по окончаніи своего труда, и называетъ свое имя: Азъ грѣшный... писахъ, *или* писалъ; Господи помози рабу своему... списавшему; а писано многогрѣшною рукою..., написаніе смиренаго и многогрѣшнаго..., писа *или* написа худый.... и т. п. читается въ такихъ лѣтописяхъ. Но если писецъ не называетъ себя, мы узнаемъ его по почерку, тщательно сравнивая всѣ начерки лѣтописи съ начерками текста. Въ Болонской Псалтыри ясно различаются четыре писца и содержатся двѣ записи безъ года: 1-я писана 2-мъ писцомъ (о чемъ ясно говоритъ ея почеркъ), она-же поминаетъ имена 1-го и 2-го писца (Іосифа и Тихоту) и содержитъ косвенную дату (слова: **при црѝ асѣни блъгаръскымъ**); 2-я запись поминаетъ имя 3-го писца (Бѣлослава), писана имъ самимъ и не содержитъ даты; 4-ый писецъ не оставилъ ни записи ни лѣтописи. — Иногда лѣтопись бываетъ писана не черниломъ, а краскою, иногда другимъ черниломъ, но тѣмъ же почеркомъ, что и текстъ. Если на первый взглядъ лѣтопись писана тѣмъ-же почеркомъ, необходимо убѣдиться, не подражаетъ-ли она почерку самой рукописи. Подражаніе сказывается извѣстной робостью и однообразіемъ начерковъ: фальсификаторъ по б. ч. старается «подогнать» лѣтопись къ концу текста, читаемому на той-же страницѣ, и потому употребляетъ не всѣ варіанты буквъ, свойственные писцу, а перерисовываетъ лишь тѣ, кои находитъ тутъ-же. Если лѣтопись писана другимъ почеркомъ, нежели текстъ, возникаетъ вопросъ, одновременна ли лѣтопись окончанію труда (или писана въ другое время по памяти, по преданію, по догадкѣ, по болѣе древнему оригиналу и т. п.). Въ этомъ случаѣ необходимо посмотрѣть, не встрѣчается ли почеркъ лѣтописи гдѣ-нибудь въ текстѣ: если онъ въ срединѣ текста смѣняетъ напр. главнаго писца и самъ смѣняется имъ (хотя бы чрезъ нѣсколько строкъ), оба почерка, очевидно, одновременны. Но можетъ обна-

ружиться, что почеркъ лѣтописи только подобенъ почерку текста и что чернила также нѣсколько различны, хотя незначительно. И въ этомъ случаѣ можетъ еще оказаться, что лѣтопись старая и даже одновременна тексту, если отдѣльные начерки ея окажутся увѣренными и вполнѣ типичными для даннаго времени. Такая лѣтопись могла быть сдѣлана напр. заказчикомъ-вкладчикомъ или игуменомъ, по «замышленію» коего рукопись писалась иноками его обители. Наконецъ лѣтопись можетъ быть писана на отдѣльномъ листѣ иного пергамента или иной бумаги. И въ этомъ случаѣ лѣтопись еще можетъ быть подлинной, если начерки ея не внушаютъ никакихъ сомнѣній. Въ противномъ случаѣ приходится думать о поддѣлкѣ, ср. § 6. Вообще, опредѣляя по почерку самой лѣтописи ея древность, мы даемъ ей палеографическую датировку, каковая никогда не имѣетъ абсолютной точности, ср. § 7. Какъ бы то ни было, подлинность многихъ «лѣтописей» приходится оставлять подъ сомнѣніемъ. А изъ сомнительной даты не слѣдуетъ извлекать никакихъ научныхъ выводовъ.

Затѣмъ всю лѣтопись, и дату ея особенно, слѣдуетъ тщательно разсмотрѣть — въ лупу, на свѣтъ и съ оборота, чтобы убѣдиться, что она ни въ какой части не подчищена и не переправлена. Понятно, что съ тою же осторожностью слѣдуетъ отнестись и къ болѣе позднимъ записямъ, находимымъ въ рукописяхъ: къ датированнымъ или именнымъ записямъ вкладнымъ, дарственнымъ, купчимъ, продажнымъ, владѣльческимъ, а равно къ недатированнымъ записямъ и припискамъ, бросающимъ свѣтъ на послѣдующую судьбу памятника или просто отмѣчающимъ различные факты (фактъ переписки и чтенія данной рукописи, записи о текущихъ событіяхъ, о цѣнахъ, даже пробы пера), все это можетъ быть очень важнымъ для внѣшней исторіи письменности, а равно для судьбы даннаго памятника и требуетъ опредѣленія съ точки зрѣнія времени, мѣста и подлинности.

За внѣшнимъ анализомъ даты слѣдуетъ анализъ внутренній. Онъ можетъ быть историческимъ, дипломатическимъ и календарнымъ.

2. Историческая повѣрка состоитъ въ томъ, что для всѣхъ лицъ, титуловъ, учрежденій, сооруженій и др. историческихъ фактовъ, помянутыхъ въ лѣтописи, подыскиваются ихъ точныя историческія даты; онѣ свѣряются между собою и съ датой, стоящею въ лѣтописи. Титулы государей и іерарховъ мѣнялись втеченіе русской исторіи или мѣняли свое содержаніе; мѣнялись границы государственныхъ территорій и епархій; были канонизуемы новые святые. Въ странѣ возникали новые города, новые храмы и обители. Отъ прославленныхъ иконъ и отъ останковъ Святыхъ творились новыя чудеса въ позднѣйшія времена. Литературныя сочиненія передѣлывались, пополняясь изъ памятниковъ, возникшихъ

много позднѣе. Историческія лица, исчезая, смѣнялись новыми[1]). Все это должно находить соотвѣтствіе въ «лѣтописяхъ» написанія памятниковъ. Всего чаще оперируютъ слѣдующими историческими датами: принятіе царскаго титула Грознымъ 1547 г. Московская канонизація святыхъ въ 1547 и 1549 годахъ. Введеніе патріаршества въ 1589 г. (связано съ учрежденіемъ Новгородской митрополіи и съ основаніемъ новыхъ архіепископій и епископій). Историческая повѣрка производится на основаніи общихъ историческихъ сочиненій, но также на основаніи различныхъ спеціальныхъ трудовъ по русской исторической библіографіи (между прочимъ — важнѣйшій трудъ Иконникова), по агіографіи (труды Ключевскаго и Барсукова), по генеалогіи, на основаніи спеціальныхъ списковъ государей, іерарховъ (труды Строева и Дурново), списковъ дворянскихъ родовъ, служилыхъ людей, на основаніи описей усыпальницъ и т. п.

3. Дипломатическая повѣрка состоитъ въ повѣркѣ формулъ. Какъ въ дипломатическихъ и государственныхъ актахъ, такъ точно въ «лѣтописяхъ» и иныхъ запискахъ, читаемыхъ въ памятникахъ письменности, выработались извѣстныя формулы, именно:

1) Для сообщаемыхъ фактовъ существуетъ извѣстная установленная очередь: государь поминается ранѣе іерарха, общій государь или іерархъ ранѣе мѣстнаго. Дата либо стоитъ въ самомъ началѣ лѣтописи и далѣе слѣдуютъ имена государя, іерарха, обители, ея настоятеля, либо лѣтопись начинается (напр. въ старопечатныхъ текстахъ) указаніемъ на промыселъ Божій, повелѣніе государя, благословеніе іерарха и только затѣмъ слѣдуетъ дата.

2) Для выраженія фактовъ существуютъ опредѣленные термины, которые неодинаковы въ различное время и на различныхъ территоріяхъ.

Дата съ начала славянской письменности вводится выраженіемъ «въ лѣто». У южныхъ славянъ этотъ оборотъ въ рукописяхъ остается единственнымъ, въ Россіи находимъ большее разнообразіе. Въ Московскомъ государствѣ документы послѣдовательно переходятъ къ новому обороту «лѣта» съ конца 15-го вѣка, м. т. к. въ рукописяхъ церковнаго и литературнаго характера старый оборотъ «въ лѣто» за рѣдкими исключеніями господствуетъ до 17-го вѣка, а въ 17-мъ за рѣдкими арха-

---

[1]) Въ концѣ этого отдѣла помѣщаются два списка смертныхъ записей для датировки Синодиковъ 17-го и 18-го вѣка—именной и погодный. Сверяя смертныя записи любаго синодика съ именнымъ спискомъ, мы опредѣляемъ кто и когда предъ написаніемъ даннаго синодика умеръ послѣднимъ. Отыскивая ту-же дату въ погодномъ спискѣ, мы устанавливаемъ, кто и когда послѣ написанія синодика умеръ первымъ. При этомъ необходимо тщательно различать почерки смертныхъ записей: древнѣйшій и послѣдующіе, ср. § 5.

измами господствуетъ новый оборотъ лѣта[1]). — Въ Бѣлоруссіи и Малороссіи формулы разнообразнѣе: въ грамотахъ уже въ 14-мъ вѣкѣ находимъ «у лѣто» (т. е. въ лѣто), «подъ лѣты», «лѣта». Въ 16-мъ вѣкѣ преобладаетъ оборотъ «лѣта», а съ 17-го сначала въ Бѣлоруссіи, а потомъ и въ Малороссіи начинаетъ господствовать оборотъ «року»[2]). Старопечатныя книги имѣютъ свои особенности, о коихъ здѣсь не упоминаемъ.

Титулъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ сначала очень простъ: **Изѧславоу кънѧзоу** въ Остромировомъ Евангеліи, **кнѧзю Стославоу** въ Изборникѣ 1073 г., при **Стославѣ кнѧзи роусьскы землѧ** въ Изборникѣ 1076 года. На рѣдкость роскошное Мстиславово Евангеліе начала 12-го вѣка (до 1117 г.) возвеличиваетъ князя-заказчика: писецъ Алекса говоритъ, что Богъ сподобилъ его написать это Евангеліе благовѣрному и христолюбивому и Богомъ честимому князю Ѳеодору, а мирски—Мстиславу, внуку Всеволода, сыну Владиміра (Мономаха), князю Новгородскому. Наславъ, возившій Евангеліе въ Царьградъ для сооруженія драгоцѣннаго переплета, называетъ Мстислава цесаремъ; златописецъ Жадѣнъ поминаетъ просто князя Ѳеодора, а мирски Мстислава. Позднѣе, въ 13 вѣкѣ, титулъ снова простъ. Только съ начала югославянскихъ вліяній титулъ становится торжественнѣе. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ Лѣтописи 1377 г. о Суздальскомъ князѣ говорится: при **бл҃говѣрно҃ и хо҃любиво҃ кн҃зи велико҃ Дмитрии Костантиновичи**, а еще ранѣе — въ Лѣтописи Сійскаго Евангелія 1339 года Иванъ Калита по югославянскому образцу называется царемъ[3]). — Польскіе короли въ западнорусскихъ и южнорусскихъ рукописяхъ называются по б. ч. великими, а русскіе цари въ Московскихъ рукописяхъ благовѣрными. Полноты царскій титулъ достигаетъ только въ документахъ, а пышности — въ послѣсловіяхъ старопечатныхъ книгъ.

Глаголъ писать имѣетъ формы **пьсалъ, псалъ, ѱалъ, напьсахъ, напсахъ** въ датахъ Новгородскихъ и Псковскихъ памятниковъ, начиная съ Архангельскаго Евангелія 1092 года и Новгородскихъ Миней 1095 и 1096 г.г. и кончая 14-мъ вѣкомъ, а равно въ Смоленскихъ грамотахъ 13-го вѣка. Однако въ рукописяхъ тѣхъ-же русскихъ областей возможны, а въ остальныхъ исключительно господствуютъ формы **писахъ, писалъ, писана**. Послѣднія

---

[1]) До 17 в. оборотъ лѣта имѣютъ въ датахъ 1) Евангеліе Псковское 1279 г. 2) б. м. Псалтырь княгини Марины 1296 г. (дата сверху обрѣзана), 3) Хронографъ 1538 г. (Публ. Библ.), 4) Макарьевскія Минеи Четьи 1552 и нѣкоторые др. немногочисленныя рукописи второй половины 16-го в.

[2]) Слово рокъ въ значеніи „годъ“ впервые отмѣчено въ текстѣ западнорусской грамоты 1388 г., а въ датѣ — въ 1463 г. (грамота короля Казимира городу Ковну). Въ 16 вѣкѣ року встрѣчается не часто.

[3]) Затѣмъ царскій титулъ находимъ на Новгородскихъ монетахъ Ивана III.

формы исключительно господствуютъ также въ датахъ сербскихъ и среднеболгарскихъ памятниковъ.

При дипломатической повѣркѣ для справокъ служатъ: печатныя Описанія различныхъ рукописныхъ собраній (изъ коихъ каждое содержитъ нѣкоторое количество датированныхъ памятниковъ), затѣмъ также — спеціальныя собранія датъ, записей, надписей. Для русской письменности важны: Свѣдѣнія и Замѣтки Срезневскаго и его-же Древніе Памятники русскаго письма и языка. Палеографическіе альбомы: Саввы («Specimina»), акад. Соболевскаго, Погодина, Иванова, Каманина. Для старопечатныхъ книгъ важны Описанія Каратаева и Ундольскаго. Для сербской письменности существуетъ прекрасное изданіе Л. Стояновича «Стари српски записи и натписи» Бѣлградъ 1902, 8°. — Образцы лѣтописей и др. записей даются также въ руководствахъ по палеографіи, напр. въ «Очеркѣ» проф. Карскаго.

СПИСКИ СИНОДИЧНЫЕ.

I. Именной.

Агаѳія Симеоновна Грушевская, цца, 1-я ж. Ѳ. А. † 1681.

Адріанъ, патріархъ $^{24}/_{7}$ 1690—1700.

Александръ Петровичъ, цвчъ, с. П. I, 1691—92.

Алексѣй Алексѣевичъ цвчъ, с. А. М., 1654—1670.

Алексѣй Михаиловичъ * $^{9}/_{3}$ 1629, † $^{30}/_{1}$ 1676, царь съ $^{13}/_{7}$ 1645 г.

Алексѣй Петровичъ, цвчъ * 1690—$^{26}/_{6}$ 1718.

Анна Алексѣевна, цвна † 1655.

Анна Іоанновна * $^{28}/_{1}$ 1693, † $^{17}/_{10}$ 1740, цца съ $^{19}/_{1}$ 1730.

Анна Михайловна въ монаш. Анѳиса, цвна 1630—1692.

Анна Петровна, цвна, герц. Голшт. Готт., дочь П. I, * $^{29}/_{1}$ 1708, † $^{4}/_{5}$ 1728.

Борисъ Ѳеодоровичъ, въ сх. Боголѣпъ, царь 1598—1605.

Василій Ивановичъ Шуйскій, царь $^{19}/_{5}$ 1606—$^{17}/_{7}$ 1610; † 1612.

Василій Михайловичъ, цвчъ уп. 1639.

Гермогенъ, патріархъ $^{3}/_{6}$ 1606, † $^{17}/_{2}$ 1612.

Дмитрій Алексѣевичъ, цвчъ 1648—49.

Дмитрій Іоанновичъ * $^{19}/_{10}$ 1581, † $^{15}/_{5}$ 1591.

Евдокія Алексѣевна, цвна, 1-я, * и † 1650.

Евдокія Алексѣевна, цвна, 2-я, 1669—1712.

Евдокія Лукіановна Стрѣшнева, цца, 2-я ж. М. Ѳ. † $^{18}/_{8}$ 1645.

Евдокія Михайловна, цвна, * и † 1637.

Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, въ монаш. Елена, 1-я ж. П. I * $^{30}/_{6}$ 1670, † $^{27}/_{8}$ 1731.

Екатерина I Алексѣевна Скавронская, * $^{5}/_{4}$ 1683, † $^{6}/_{5}$ 1727, царств. съ $^{28}/_{1}$ 1725.

Екатерина II Алексѣевна, * $^{21}/_{4}$ 1729, † $^{6}/_{11}$ 1796, царств. съ $^{28}/_{6}$ 1762.

Екатерина Алексѣевна, цвна 1658—1718.

Екатерина Іоанновна, цвна, дочь п. Іо. А., 1692—1733.

Екатерина Петровна, цвна, дочь П. I, s. a.

Елизавета Петровна, * $^{18}/_{12}$ 1709, † $^{25}/_{12}$ 1761, царств. съ $^{25}/_{2}$ 1741.

Илія Ѳеодоровичъ, цвчъ, сынъ ц. Ѳ. А., * и † 1681.

Ирина Михайловна, цвна 1627—79.

Ирина Ѳеодоровна Годунова, цца, ж. ц. Ѳ. Іо., † 1603.

Іоаннъ Алексѣевичъ * $^{27}/_{8}$ 1666, † $^{29}/_{1}$ 1696, царь съ $^{26}/_{5}$ 1682.

Іоаннъ Михайловичъ, цвчъ, 1633—1639.

Іоакимъ Савеловъ, патріархъ съ $^{26}/_{7}$ 1674—1690.

Іоасафъ I, патріархъ съ $^{6}/_{2}$ 1634—1640.

Іоасафъ II, патріархъ съ $^{10}/_{2}$ 1667—1672.

Іовъ, патріархъ съ $^{26}/_{1}$ 1589—низл. 1605.

Іосифъ, патріархъ съ $^{27}/_{3}$ 1642—1652.

Ксенія Ѳеодоровна Годунова, цвна, въ монаш. Ольга † 1622.

Маргарита Петровна, цвна, дочь П. I, 1714—15.

Марія Алексѣевна, цвна 1660—1723.

Марія Владиміровна Долгорукая, цца, 1-я ж. М. Ѳ., † $^{7}/_{1}$ 1626.

Марія Ильинична Милославская, цца, 1-я ж. А. М., * $^{1}/_{4}$ 1626, † $^{3}/_{3}$ 1669.

Марія Іоанновна, цвна, дочь царя Іо. А., * 1689.

Марѳа Ивановна Романова, въ монаш. Ксенія, мать ц. М. Ѳ., † 1631 г.

Марѳа Матвѣевна Апраксина, цца, 2-я ж. ц. Ѳ. А., * 1664, † $^{31}/_{12}$ 1715.

Марѳа Михайловна, цвна, 1631—33.

Марѳа Алексѣевна, въ монаш. Маргарита, цвна, 1652—1707.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, * $^{12}/_{7}$ 1596, † $^{12}/_{7}$ 1645, царь съ $^{21}/_{2}$ 13 г.

Наталія Алексѣевна, цвна, 1673—1716.

Наталія Кирилловна Нарышкина, цца, 2-я ж. ц. А. М., * $^{26}/_{8}$ 1651, † $^{25}/_{1}$ 1694.

Наталія Петровна, цвна, дочь П. I, s. a., 1-я.

Наталія Петровна, цвна, дочь П. I, s. a., 2-я.

Никонъ, патріархъ съ $^{25}/_{7}$ 1652 г., сложилъ санъ $^{10}/_{7}$ 1658, низложенъ Соборомъ $^{12}/_{12}$ 1666, † 1680.

Павелъ Петровичъ, цвчъ, сынъ П. I, s. a.

Пелагея Михайловна, цвна, 1628.

Петръ I, * $^{30}/_{5}$ 1672, † $^{28}/_{1}$ 1725, царь съ $^{27}/_{4}$ 1682.

Петръ II, * $^{13}/_{10}$ 1715, † $^{19}/_{1}$ 1730, царь съ $^{7}/_{5}$ 1727.

Петръ III * $^{10}/_{2}$ 1728, † $^{6}/_{7}$ 1762, царь съ $^{25}/_{12}$ 1761—$^{28}/_{6}$ 1762.

Петръ Петровичъ, цвчъ, 1-ый, сынъ П. I, 1715—19.

Петръ Петровичъ, цвчъ, 2-ой, сынъ П. I, s. a.

Питиримъ, патр. съ $^{7}/_{7}$ 1672—1674.

Прасковья Іоанновна, цвна, дочь ц. Іо. А., 1695—1731.

Прасковья Ѳеодоровна Салтыкова, цца, ж. ц. Іо. А., * $^{12}/_{10}$ 1664, † $^{13}/_{10}$ 1723.

Симеонъ Алексѣевичъ, цвчъ, 1663—69.

Софія Алексѣевна, въ монаш. Сусанна, цвна, * $^{5}/_{9}$ 1658, † $^{3}/_{7}$ 1704, соправит. 1682—89.

Софія Михайловна, цвна, 1634—1636.

Татіана Михайловна, цвна, 1636—1706.

Филаретъ, въ мірѣ Ѳеодоръ Никитичъ, патр. съ $^{24}/_{6}$ 1619—1633.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, * $^{30}/_{5}$ 1661, † $^{27}/_{4}$ 1682, царь съ $^{30}/_{1}$ 1676 г.

Ѳеодора Алексѣевна, цвна, 1674—78.

Ѳеодосія Алексѣевна, цвна, 1662—1713.

Ѳеодоръ Борисовичъ Годуновъ, царь и † 1605.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь съ 1584—1598.

Ѳеодосія Іоанновна, цвна, дочь ц. Іо. А., * 1690.

II. Погодный.

1591. Димитрій царевичъ, с. Іо. Грознаго.
1598. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.
1603. Ца Ирина Ѳеодоровна Годунова.
1605. Царь Борисъ (Боголѣпъ) Годуновъ.
1605. Ѳеодоръ Годуновъ.
1607. † Іовъ патріархъ.
1612. Ц. Василій Шуйскій.
1612. Гермогенъ патр.
1615. Маргарита Петровна, цвна.
1622. Ксенія Годунова, въ монаш. Ольга.
1626. Марія Владиміровна, ца, 1-я ж. М. Ѳ.
1631. Марѳа Ивановна, въ монаш. Ксенія, мать ц. М. Ѳ.
1633. Марѳа Михайловна, цвна.
1633. Филаретъ Никитичъ, патр.
1636. Софія Михайловна, цвна.
1637. Евдокія Михайловна, цвна.
1639. Іоаннъ Михайловичъ, цвчъ.
1639. Василій Михайловичъ, цвчъ.
1640. Іоасафъ I, патр.
1645. Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь.
1645. Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, ца, 2 ж. М. Ѳ.
1649. Дмитрій Алексѣевичъ, цвчъ.
1650. Евдокія Алексѣевна 1-я, цвна (2-я † 1712).
1652. Іосифъ, патр.
1655. Анна Алексѣевна, цвна.
1669. Марія Ильинична Милославская, ца, 1-я ж. А. М.
1669. Симеонъ Алексѣевичъ, цвчъ.
1670. Алексѣй Алексѣевичъ, цвчъ.
1672. Іоасафъ II, патр.
1674. Питиримъ, патр.
1676. Алексѣй Михайловичъ, царь.
1678. Ѳеодора Алексѣевна, цвна.
1679. Ирина Михайловна, цвна.
1680. Никонъ, патр.
1681. Агафія Симеоновна Грушевская, ца, 1-я ж. ц. Ѳ. А.
1681. Илія Ѳеодоровичъ, цвчъ.
1682. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь.
1690. Іоакимъ Савеловъ, патр.
1692. Александръ Петровичъ, цвчъ, сынъ П. I.
1692. Анна Михайловна, въ монаш. Аѳиса, цвна.
1694. Наталія Кирилловна Нарышкина, ца, 2-я ж. А. М.
1696. Іоаннъ Алексѣевичъ, царь.
1700. Адріанъ, патр.
1704. Софія Алексѣевна, цвна.
1706. Татіана Михайловна.
1707. Марѳа (въ монаш. Маргарита) Алексѣевна, цвна.
1712. Евдокія Алексѣевна, цвна, 2-я (1-я † 1650).
1713. Ѳеодосія Алексѣевна, цвна.
1715. Марѳа Матвѣевна Апраксина, ца, 2-я ж. Ѳ. А.
1716. Наталія Алексѣевна, цвна.
1718. Алексѣй Петровичъ, цвчъ.
1718. Екатерина Алексѣевна, цвна.
1719. Петръ Петровичъ, 1-ый, цвчъ, сынъ П. I (2-ой s. a.)
1723. Прасковья Ѳеодоровна Салтыкова, ца, ж. ц. Іо. А.
1723. Марія Алексѣевна, цвна.
1725. Петръ I.
1727. Екатерина I.
1728. Анна Петровна, цвна, дочь П. I, герц. Голшт. Готторпская.
1730. Петръ II.
1731. Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, въ монаш. Елена, 1-я ж. П. I.
1731. Прасковья Ивановна, цвна, дочь ц. Іо. А.
1733. Екатерина Ивановна, цвна, дочь ц. Іо. А.
1740. Анна Іоанновна, ца, дочь ц. Іо. А.
1761. Елизавета Петровна, ца.
1762. Петръ III.
1796. Екатерина II, ца.

Описаніе Рукописей.

§ 104. Печатная книга выходитъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ и расходясь становится доступной большому кругу читающихъ. Всякая рукопись есть уникъ (единственный экземпляръ); она хранится въ одномъ мѣстѣ и т. о. доступна только небольшому числу лицъ. Изданная печатью, фотографіей или иными способами, сама рукопись не перестаетъ быть уникомъ, ибо никакое воспроизведеніе не передастъ всѣ особенности оригинала: пергаменная рукопись обыкновенно издается на бумагѣ, бумажная—на бумагѣ иного характера, цвѣтъ чернилъ и краски не могутъ быть воспроизведены съ полной точностью. А между тѣмъ всякая рукопись и въ мелкихъ частностяхъ своихъ можетъ представить спеціальный интересъ для самыхъ различныхъ лицъ въ самыхъ различныхъ частяхъ міра. Рѣдкая рукопись содержитъ въ себѣ новое, (т. е. ранѣе неизвѣстное) произведеніе по какой-нибудь отрасли научныхъ знаній или литературы. Но каждая рукопись есть первоисточникъ, или новый фактъ знанія, который имѣетъ значеніе для спеціалистовъ. Прежде всего рукопись интересуетъ филологовъ: лингвистъ, историкъ литературы, палеографъ могутъ найти новый частный фактъ въ каждой новой рукописи. Но то-же справедливо и относительно спеціалистовъ не филологовъ. Даже приписки, находимыя въ рукописяхъ могутъ дать указанія относительно эпидемій, природныхъ явленій, вѣрованій, состоянія цѣнъ, юридическихъ обычаевъ и т. п. факты, важные для медика, естественника, экономиста, этнографа, юриста и т. д. Въ интересахъ всѣхъ тѣхъ спеціалистовъ, кои вынуждены извлекать изъ первоисточниковъ необходимые имъ единичные факты, рукописныя собранія и отдѣльныя рукописи описываются, и такія описанія издаются.

Описаніе рукописи можетъ быть и очень краткимъ, но оно должно отвѣчать на всѣ главные вопросы, съ коими могли бы обратиться къ самой рукописи ученые различныхъ спеціальностей. Описывающій чрезвычайно облегчитъ изслѣдователей, если опредѣленно отмѣтитъ, что въ каждой рукописи есть и чего въ ней нѣтъ; послѣднее избавитъ спеціалистовъ отъ безплодныхъ поисковъ. Описывающій будетъ ссылаться на отдѣльныя мѣста рукописи и поэтому для точности ссылокъ ранѣе, чѣмъ приступить къ описанію, онъ обязанъ произвести нумерацію листовъ рукописи или, если она уже нумерована,—провѣрить и исправить существующую нумерацію. Мѣтятся по старой традиціи въ рукописяхъ не страницы, а листы. Листы мѣтятся съ recto (т. с. съ лица, или страницы, лежащей направо); verso (т. е. оборотъ, или страница, лежащая налѣво) остается безъ всякой помѣты; въ ссылкахъ по-

мѣты л. 1, л. 2, л. 3 означаютъ recto, помѣты л. 1 об., л. 2 об., л. 3 об. обозначаютъ оборотъ, или verso.

§ 105. Самое краткое описаніе должно содержать слѣдующее: Названіе памятника. Годъ или вѣкъ. Матеріалъ. Размѣръ или форматъ. Характеръ алфавита и почерка. Счетъ листовъ. Изводъ. Водяные знаки. Вязь. Орнаментъ. Миніатюра. Чернила и краски. Литературный составъ. Прямыя и косвенныя даты. Позднѣйшія записи и приписки. Переплетъ (дерево досокъ и ихъ покрытіе; металлическія части; тисненіе; обрѣзъ; корешокъ). Ясно, что кромѣ названія и состава всѣ остальныя рубрики описанія заимствованы изъ палеографіи и отвѣчаютъ на всѣ вопросы, которые ставитъ эта дисциплина. Вотъ примѣрное описаніе по этой схемѣ: «Четвероевангеліе XVI вѣка; писано на бумагѣ въ 1°, искусственнымъ уставомъ молдавскаго характера, на 451 листѣ. Правописаніе—югозападное русское со слѣдами среднеболгарскаго оригинала и подражаніями ему. Предъ каждымъ Евангелистомъ предисловіе Ѳеофилакта болгарскаго и оглавленіе. Водяной знакъ во всей рукописи—кабанъ. Въ началѣ текста каждаго Евангелиста, въ началѣ предисловій и Синаксаря (т. е. календаря)—заставки балканскаго плетенаго типа на золотомъ фонѣ и по б. ч. такіе-же иниціалы, исключая л. 336 (начало Евангелія отъ Іоанна), гдѣ иниціалъ на золотомъ фонѣ тератологическій: птица съ вѣткой въ клювѣ, ноги оплетены жгутами. Въ тѣхъ-же и др. мѣстахъ заглавія сложной золотой вязью. Четыре миніатюры изображаютъ Евангелистовъ,—фонъ золотой, рисунокъ и раскраска довольно грубы. Вокругъ миніатюръ и первыхъ листовъ текста каждаго Евангелиста—рамки на золотомъ фонѣ, большей частью италіанскаго рисунка XVI вѣка. Переплетъ поздній—картонный, покрытъ кожей. На л. 1 (переплетномъ)—дарственная запись 1800 года».

Дать рукописи названіе, значитъ указать то названіе, подъ коимъ рукопись даннаго содержанія извѣстна въ наукѣ. А въ наукѣ принято по возможности сохранять за рукописью то названіе, которое присвоено ей старою традиціей и всего чаще читается въ началѣ самой рукописи. Однако нерѣдки и такіе случаи, когда рукопись сама не содержитъ названія, или заглавія; иногда традиціонное названіе, читаемое въ рукописи, замѣнено въ наукѣ инымъ; иногда, наконецъ, названіе въ рукописи отсутствуетъ потому, что утраченъ начальный листъ, заключавшій его. Во всѣхъ этихъ случаяхъ описывающему необходимо знать научную терминологію названій и соотвѣтствующее каждому названію содержаніе рукописи. Многіе памятники легко опредѣляются съ перваго взгляда въ виду типичности своего содержанія, таковы Евангеліе, Апостолъ, Псалтырь, Лѣтопись, Лѣчебникъ и пр. Сборникъ обыкновенно не носитъ никакого заглавія и узнается потому, что состоитъ изъ многихъ

статей, каждая подъ своимъ особымъ заглавіемъ. Составъ сборника можетъ быть случайнымъ, т.-е. отдѣльныя статьи его могутъ имѣть мало общаго между собою. Но очень часто подборъ статей въ сборникѣ бываетъ болѣе или менѣе однородный, и тогда слѣдуетъ давать сборнику болѣе точное заглавіе: Сборникъ Житій, Сборникъ Поученій, Сборникъ повѣстей и т. п. Составъ нѣкоторыхъ сборниковъ бываетъ очень типиченъ, т.-е. мало варіируется; различные списки такого сборника имѣютъ приблизительно одинъ и тотъ же составъ. Нерѣдко это объясняется тѣмъ, что такіе сборники составлены изъ произведеній какого-нибудь одного писателя, объединены одною общей идеей, или служили для опредѣленной практической цѣли. Сборники типичнаго состава носятъ свои особыя названія. Такъ напр. сборникъ словъ и поученій изъ Іоанна Златоуста получилъ названіе «Златоустъ», другой сборникъ того же рода называется «Златоструй». Сборникъ чрезвычайно краткихъ житій и поученій, дающій какъ бы конспекты для устной проповѣди, называется «Прологъ». Сборникъ очень краткихъ наставительныхъ разсказовъ изъ жизни подвижниковъ называется «Патерикъ». Одинъ сборникъ поученій аввы Дороѳея называется «Діоптра». Сборникъ поученій византійскаго аскета Іоанна называется «Лѣствицей», а самъ Іоаннъ—Лѣствичникомъ (по-гречески—Климаксъ) на томъ основаніи, что отдѣльныя поученія этого сборника суть наставленія въ различныхъ добродѣтеляхъ, которыя, подобно ступенямъ, возносятъ подвижника къ совершенству. «Хронографъ» есть названіе систематическаго сборника свѣдѣній по иностранной исторіи (древней, византійской, средневѣковой, западной)—въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ сотворенія міра. Сборники, составленные для опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, со временемъ мѣняютъ свой составъ по требованію самой жизни: въ Прологъ входятъ житія новоустановленныхъ Святыхъ, въ Златоустъ—слова и поученія, не принадлежащія Іоанну Златоусту, но подходящія по общему тону и направленію къ первоначальному Златоусту. Хронографъ пополняется новыми историческими статьями, и кромѣ иностранной исторіи въ него включается исторія русская. Такимъ путемъ возникаютъ различныя редакціи одного и того же памятника. Редакціей называется преднамѣренная литературная переработка памятника, все равно—состоитъ ли она въ измѣненіи формы или содержанія. Изводомъ (см. стр. 20), какъ мы видѣли, называются непреднамѣренныя измѣненія литературнаго языка памятника. Преднамѣренной переработкѣ подвергаются самые различные памятники: Житія отдѣльныхъ святыхъ сокращаются или пополняются, и т. о. возникаютъ краткая и пространная редакція житія. Въ разныхъ редакціяхъ извѣстны въ старой письменности и чисто литературные памятники—Александрія (сказаніе о подвигахъ Александра Македонскаго), повѣсть объ Акирѣ Премудромъ и др. Хронографъ дѣлится

на нѣсколько редакцій, которыя различаются между собою постепенными дополненіями, а равно частичной замѣной однѣхъ статей другими. Даже такой, казалось бы, неизмѣнный текстъ, какъ Евангеліе, является въ различномъ видѣ: существуетъ Евангеліе Апракосъ, или изборное (оно содержитъ отрывки, читаемые въ церкви, и расположено въ порядкѣ церковнаго круга) и Евангеліе Тетръ, или Четвероевангеліе (полный текстъ четырехъ Евангелистовъ), которое въ свою очередь съ извѣстной эпохи (у южныхъ славянъ съ 14 в., въ Россіи — съ 15-го) является съ предисловіями Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго. Такимъ образомъ точно опредѣлить рукопись и дать ей названіе часто можно только на основаніи ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній или путемъ справокъ въ книгахъ, ранѣе прочитанныхъ. Изъ систематическихъ справочныхъ руководствъ особенно рекомендуются Иконниковъ «Опытъ русской исторической библіографіи». Справки приходится производить также въ существующихъ печатныхъ описаніяхъ рукописныхъ собраній. Классическими по точности и по глубинѣ изслѣдованія считаются два описанія: Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея; Горскій и Невоструевъ, Описаніе рукописей Синодальной библіотеки. Востоковское Описаніе удобнѣе изложено, имѣетъ указатели предметовъ и лицъ и разнообразнѣе по составу рукописей, почему оно до сихъ поръ остается главнымъ образцомъ для начинающихъ. Однако, необходимы справки и въ остальныхъ, особенно—въ новѣйшихъ описаніяхъ, ибо за послѣднія десятилѣтія открыто и описано немало рукописей новаго типа, не встрѣчавшихся старымъ изслѣдователямъ, а кромѣ того отчасти измѣнилась терминологія и даже стиль описаній. Справка исходитъ изъ тѣхъ фактовъ, кои содержитъ сама рукопись, при чемъ наиболѣе полезными оказываются наиболѣе частные факты. Сюда относятся собственныя имена, и всякіе спеціальные термины, находимые въ заглавіи или текстѣ. Эти термины стараемся мы отыскать въ указателяхъ печатныхъ описаній.

§ 106. Очевидно, что часто невозможно дать названіе рукописи, не ознакомившись съ ея составомъ и литературной исторіей. При подробномъ описаніи рукописи это является обязательнымъ. Составъ рукописи характеризуется перечисленіемъ всѣхъ входящихъ въ нее статей, или отдѣловъ. Указывается листъ рукописи, на коемъ начинается статья, затѣмъ приводится точно то заглавіе, какое статья имѣетъ въ рукописи, а равно начальная и конечная фраза статьи.[1]) Послѣднее дѣлается, во-первыхъ, на томъ основаніи, что подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ въ

[1]) Произведенія старой литературы часто оканчиваются какой-нибудь обычной молитвенной формулой; приведя послѣднюю литературную фразу, можно дать заключительную молитвенную формулу въ сокращеніи, напр.: „Ему-же слава нынѣ“ и пр.

рукописяхъ встрѣчаются совершенно различныя статьи, которыя и могутъ быть различены по своему началу и концу. Во-вторыхъ, возможенъ и обратный случай: одна и та же статья является въ рукописяхъ съ различными названіями, напр. въ одной рукописи приписывается одному, въ другой—другому автору; въ этомъ случаѣ тождество статьи можетъ быть открыто по тождеству начала и конца ея. Въ-третьихъ, возможенъ случай, когда двѣ редакціи одной и той же статьи различаются началомъ или концомъ. Очень часто двѣ редакціи одного и того же произведенія различаются между собою вставками или пропусками внутри текста; поэтому въ подробномъ описаніи необходимо ознакомиться со всѣмъ содержаніемъ данной статьи, свѣривъ ее съ той или другой редакціей ея, уже извѣстной въ наукѣ. А для этого необходимо знать, издана ли данная статья, гдѣ именно и въ какой редакціи. Указанія о томъ, что и гдѣ издано, очень часто даются въ описаніяхъ рукописей при соотвѣтствующихъ статьяхъ, а эти статьи могутъ быть отысканы въ указателяхъ. Указатели при описаніяхъ рукописей даются обыкновенно предметные и именные; т. о. напр. статья «Слово Кирилла мниха (Кирилла Туровскаго) о душѣ и тѣлеси» можетъ быть отыскиваема въ предметномъ указателѣ подъ словами «слово» и «душа», въ личномъ—подъ словомъ «Кириллъ». Только въ самое послѣднее время при описаніяхъ рукописей начинаютъ появляться алфавитные указатели статей по ихъ начальнымъ фразамъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду то, что уже указано выше: отдѣльные памятники (а таковые могутъ имѣть размѣры небольшой статьи) не всегда носятъ въ рукописяхъ то самое названіе, которое имъ дается въ наукѣ, такъ напр. Историческая Палея (краткое изложеніе Библіи) носитъ въ рукописяхъ заглавіе «Очи Палейныя», Задонщина (Повѣсть о Куликовской битвѣ) въ рукописяхъ называется «Повѣданіемъ» о брани съ царемъ Мамаемъ.

Такимъ образомъ иногда приходится опредѣлять названіе не только для отдѣльныхъ рукописей, но также для отдѣльныхъ статей: въ описаніи выписывается изъ рукописи подлинное заглавіе статьи и указывается ея научное названіе, если таковое расходится съ рукописнымъ. Затрудняясь опредѣлить статью и узнать и издана-ли она, не находя на то указаній въ библіографическихъ трудахъ и указателяхъ описаній, иногда можно помочь себѣ справкою въ словарѣ церковно-славянскаго и древнерусскаго языка: изъ статьи мы выбираемъ особенно оригинальную фразу, содержащую рѣдко встрѣчаемое слово или оборотъ; подъ такимъ словомъ мы справляемся въ словарѣ и изъ помѣщенной тамъ ссылки иногда непосредственно узнаемъ, съ какимъ памятникомъ мы имѣемъ дѣло и изданъ онъ или нѣтъ. Къ сожалѣнію пригодные для такихъ справокъ словари: церковно-славянскій Миклошича (Miklosich Lexicon palaeoslovenico-graeco latinum, Вѣна 1862—65) и древнерусскіе Срезневскаго и Дювернуа

(небольшой, 1894 г.) не дадутъ указаній на печатную литературу послѣднихъ десятилѣтій. Кромѣ того при справкѣ въ словарѣ слѣдуетъ помнить, что избранная нами фраза можетъ оказаться цитатою, т. е. фразой, заимствованной авторомъ статьи изъ иного памятника: къ нему, а не къ нашей статьѣ приведетъ тогда ссылка словаря. Занимающемуся описаніемъ рукописей совершенно необходимо извѣстное знакомство съ Священнымъ Писаніемъ, ибо изъ этого источника почерпнуто значительное большинство цитатъ въ старой славяно-русской письменности. Для справокъ по Священному Писанію можетъ служить уже указанный церковнославянскій словарь Миклошича, а равно различныя «Конкорданціи» и «Симфоніи» (т. е. лексическіе указатели) къ книгамъ Св. Писанія.

§ 107. И такъ, чтобы дать названіе статьѣ или рукописи, мы иногда уже бываемъ принуждены касаться содержанія и исторіи памятниковъ письменности. Литературная исторія памятника обнимаетъ его возникновеніе, его размноженіе списками, его передѣлки, его переносъ изъ одной литературы на другую. Въ подробномъ научномъ описаніи мы должны коснуться литературной исторіи памятника, все равно—будетъ-ли это памятникъ новый, нами впервые открываемый, или памятникъ ранѣе извѣстный изслѣдователямъ: мы должны помнить, что и каждый новый списокъ памятника есть уникъ, индивидуальный научный фактъ, увеличивающій общую литературную исторію даннаго памятника: вновь открытый списокъ можетъ представить совершенно новую редакцію памятника—очень древнюю или совершенно позднюю, вновь возникшую подъ рукою послѣдняго писца; списокъ можетъ содержать, неизвѣстное другимъ спискамъ, раздѣленіе на главы, или чтенія, а это можетъ служить указаніемъ на то, что памятникъ нѣкогда причислялся къ религіозно-поучительнымъ и читался въ церкви или въ монастырскихъ трапезныхъ. Такое дѣленіе на чтенія имѣютъ напр. нѣкоторые списки апокрифическаго Первоевангелія Іакова. Наконецъ, списокъ можетъ заключать отдѣльныя написанія и формы, которыя указываютъ, что памятникъ возникъ или по крайней мѣрѣ уже существовалъ въ извѣстную отдаленную эпоху. Впрочемъ этотъ послѣдній вопросъ удобнѣе относить не къ литературной исторіи памятника, а къ исторіи его текста. Цѣнныя указанія на исторію литературнаго памятника могутъ заключать наконецъ приписки, напр. указанія на рѣдкость памятника, его отреченность (запретность), его популярность, авторитетность—вообще или въ опредѣленную эпоху. Новый списокъ можетъ заключать правильныя чтенія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ другіе списки представляютъ искаженіе, подновленіе или пропускъ; списокъ можетъ заключать цѣнныя ошибки—не столько сдѣланныя самимъ писцомъ, сколько перенесенныя имъ изъ оригинала и бросающія новый свѣтъ на исторію всего памятника.

§ 108. Памятники могутъ быть оригинальные и переводные. Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ вопросъ о языкѣ оригинала, о времени и мѣстѣ перевода, о числѣ переводовъ того-же памятника. Вопросъ о вліяніи одного перевода на другой и о слѣдахъ свѣрки стараго перевода съ оригиналомъ отходятъ въ отдѣлъ «исторіи текста». Большинство переводовъ славяно-русской письменности сдѣлано съ греческаго языка; несравненно рѣже переводы съ латинскаго; они возникали въ Паннонско-Моравскую эпоху славянской письменности, затѣмъ у хорватовъ и въ западной Сербіи, въ западной Россіи съ 14-го, въ Московскомъ государствѣ съ к. 15 вѣка. У хорватовъ возникали и переводы съ италіанскаго, кои въ отдѣльныхъ случаяхъ передавались югославянамъ православнымъ. Такое происхожденіе приписываютъ напр. особой «Троянской исторіи», перешедшей въ Россію непосредственно изъ болгарскаго источника («**Притча еже о кралѣхъ**»). Въ западной Россіи съ 15-го, въ Московскомъ государствѣ съ 16-го начинаются первые переводы съ польскаго, въ 17 вѣкѣ они становятся чаще. До конца 17 вѣка въ Московскомъ государствѣ очень рѣдки переводы съ нѣмецкаго и различныхъ другихъ языковъ, романскихъ и германскихъ. При переводѣ языкъ оригинала устанавливается по такъ называемымъ варваризмамъ, т. е. чужимъ словамъ и оборотамъ: грецизмамъ, латинизмамъ, полонизмамъ и т. д. Чужія слова переносились въ переводы для передачи понятій, чуждыхъ переводчику и не имѣющихъ слова въ его родномъ языкѣ: такія понятія какъ *епископъ, діаконъ, литургія, проскомидія, епитимія* и пр. восприняты изъ греческаго въ эпоху созданія славянской литургіи; позднѣе нѣкоторыя изъ этихъ словъ получали славянскій переводъ: *епископъ—святитель, литургія—обѣдня,* а еще позднѣе греческія слова снова утверждались въ литературномъ языкѣ. Чужія слова, прочно утвердившіяся въ литературномъ языкѣ разумѣется перестаютъ служить указаніемъ на языкъ оригинала; такъ греческія слова «епископъ», «литургія» могутъ быть употреблены въ настоящее время въ оригинальномъ русскомъ произведеніи или при переводѣ съ любого языка. Древнѣйшіе латинизмы находимъ въ глаголическихъ Кіевскихъ отрывкахъ, которые и по составу представляютъ католическую богослужебную книгу; здѣсь встрѣчаются слова **прѣфацыа** (лат. praefacio «предисловіе») и **мша** (лат. missa «обѣдня»). Находимыя въ другихъ старославянскихъ памятникахъ литургическіе термины западнаго происхожденія: **крьстъ** «крестъ» (лат. Christus), **кржъ** «крестъ» (лат. crux), **комѣкати** «причащать» (лат. communicare) и др. уже не указываютъ на непосредственный переводъ съ латинскаго: эти термины были приняты въ литургическій языкъ въ Моравіи: перешли оттуда вмѣстѣ съ славянской литургіей къ хорватамъ, сербамъ, болгарамъ и русскимъ и сохранялись какъ старыя заимствованія. Равнымъ образомъ

полонизмы въ западно-русскомъ и южно-русскомъ текстѣ сами по себѣ не означаютъ непосредственнаго перевода съ польскаго, ибо полонизмы въ большомъ количествѣ рано вошли въ литературный церковнославянскій языкъ западной и южной Россіи, а равно въ живой языкъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ. Такъ напр. въ западнорусскомъ и южнорусскомъ памятникѣ слова *рокъ* «годъ» или *крокъ* «шагъ» отнюдь не будутъ указывать на переводъ съ польскаго, хотя второе изъ этихъ словъ во всякомъ случаѣ заимствовано изъ польскаго языка. Напротивъ того въ великорусскомъ текстѣ ошибочное *пять годовъ* вмѣсто *пять шаговъ* будетъ прямо свидѣтельствовать о переводѣ съ польскаго, при чемъ переводчикъ очевидно не вполнѣ владѣлъ польскимъ языкомъ, ибо понялъ форму kroków «шаговъ» за неупотребительную форму *roków «годовъ», вмѣсто чего по-польски говорится lat «лѣтъ». Чужіе синтактическіе обороты переносятся въ переводы или какъ сознательное насиліе надъ языкомъ или по своего рода инерціи—вслѣдствіе пассивнаго отношенія къ тексту подлинника. Сознательное насиліе надъ живою рѣчью часто объясняется необходимостью создать литературный языкъ для опредѣленной цѣли. Такъ очень рано, вѣроятно еще при Первоучителяхъ, введено мѣстоименіе **іеже** («которое», «что») для передачи греческаго члена при неопредѣленной формѣ глагола, напр, **іеже сѣсти о десныхъ** въ значеніи «то чтобы сѣсть по правую сторону». Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ сознательное насиліе надъ языкомъ вызвано принципомъ слѣпого подражанія; такъ переводъ Новаго Завѣта, неосновательно приписываемый Алексѣю митрополиту Московскому, старается всюду буквально передавать греческую конструкцію фразы. Въ качествѣ образца инертнаго переноса оборотовъ изъ подлинника можно указать на латинскую конструкцію дополнительныхъ предложеній въ видѣ винительнаго съ неопредѣленной формой глагола, accusativus cum infinitivo. Такую конструкцію сохраняетъ русскій переводъ латинской средневѣковой Исторіи Троянской войны (авторъ—Гвидо де Колумна, италіанецъ 13-го вѣка). Эта исторія включена во вторую редакцію русскаго Хронографа въ замѣнъ болгарской «Притчи еже о кралѣхъ», находимой въ томъ-же мѣстѣ въ первой редакціи. Въ русскомъ переводѣ Исторіи Гвидо де Колумны встрѣчаются такія фразы: «слышаше бо Елену безмѣрною красотою цвѣсти».

Языкъ оригинала всего надежнѣе устанавливается по ошибкамъ и недоразумѣніямъ особаго характера, возможнымъ только при переводѣ съ одного опредѣленнаго языка. Такъ напр. ошибочный переводъ «православіе» вмѣсто «правовѣріе» указываетъ на греческій оригиналъ, ибо по гречески слово δόξα (читай dóksa) имѣетъ два значенія «вѣра» и «слава». Или: въ очень древнихъ глаголическихъ Кіевскихъ отрывкахъ вмѣсто звательной формы «Боже» ошибочно употреб-

ляется форма «**Богъ**» сходная съ именительнымъ падежомъ; то-же совпаденіе двухъ формъ находимъ въ латинскомъ Deus; мы видѣли, что Кіевскіе отрывки и иными чертами указываютъ на латинскій оригиналъ.

Если фактъ перевода и языкъ оригинала установлены, необходимо произвести сличеніе съ оригиналомъ, чтобы выяснить особенности перевода. Почти всякій переводъ содержитъ ошибки и недоразумѣнія, нарушающія смыслъ, который и можетъ быть возстановленъ только справками въ оригиналѣ. Далѣе переводъ можетъ быть болѣе и менѣе свободнымъ и заключать въ себѣ какъ пропуски, такъ и вставки. Наконецъ, при сличеніи съ оригиналомъ быстрѣе и легче схватываются стилистическія особенности перевода: языкъ перевода можетъ быть хорошо выработаннымъ, т. е. имѣть строго установленные термины и обороты; въ этомъ случаѣ одно и тоже слово оригинала всегда передается однимъ и тѣмъ-же словомъ въ переводѣ; иногда одно и то-же слово оригинала передается разными словами въ переводѣ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что переводчикъ вноситъ въ текстъ такіе оттѣнки значенія, которые остались невыраженными въ оригиналѣ. И наоборотъ литературный языкъ переводчика можетъ быть невыработаннымъ,—шаткимъ и непослѣдовательнымъ въ переводѣ терминовъ оригинала и въ передачѣ его синтактическихъ оборотовъ. Переводчики могутъ различаться бо̀льшимъ и меньшимъ знаніемъ чужого языка, бо̀льшимъ и меньшимъ количествомъ чужихъ словъ, перенесенныхъ въ переводъ. Какъ разъ различіе такого рода установлено между переводами ученаго филолога Кирилла Первоучителя и переводами его брата Меѳодія, дѣятельнаго подвижника, знавшаго греческій и славянскій языки главнымъ образомъ практически. Переводы литературной школы болгарскаго царя Симеона отличаются отъ Кирилло-Меѳодіевскихъ особымъ выборомъ словъ какъ для многихъ основныхъ религіозныхъ понятій, такъ и для нѣкоторыхъ частицъ. Позднѣйшіе переводы—болгарскіе, сербскіе, русскіе тоже могутъ быть различены по выбору словъ, ибо новыя слова не переставали вторгаться въ церковнославянскій литературный языкъ изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій. Старое Кирилло-Меѳодіевское **рнza** «рубашка» въ русскихъ текстахъ можетъ быть передано русскими терминами «сорочка», «рубаха», въ болгаро-македонскомъ Добромировомъ Евангеліи 12-го вѣка находимъ **кошюлѧ**, которое извѣстно и западнославянскимъ языкамъ. Вообще переводы разныхъ эпохъ и разныхъ территорій всего рѣзче различаются между собою своимъ лексическимъ составомъ (словаремъ). Фонетическія и морфологическія особенности оригинала быстро сглаживаются переписчиками.

Церковнославянскій языкъ много вѣковъ оставался литературнымъ и литургическимъ языкомъ на обширной территоріи; обмѣнъ литературными памятниками не во всѣ эпохи былъ одинаково живымъ. Переводы зате-

ривались или не распространялись за предѣлы извѣстной территоріи. Поэтому случалось, что одинъ и тотъ-же памятникъ переводился дважды, въ отдѣльныхъ случаяхъ—трижды: въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ. Описывая рукописи и встрѣчая въ нихъ переводные памятники, мы обязаны указать, какой переводъ лежитъ предъ нами: тотъ-же, который былъ извѣстенъ ранѣе, или иной; если ранѣе было извѣстно два перевода, мы должны указать, къ какому изъ нихъ относится нашъ памятникъ. Кромѣ различій лексическихъ и синтактическихъ, кромѣ различій въ пропускахъ и ошибкахъ, переводы иногда различаются тѣмъ, что они сдѣланы съ различныхъ редакцій оригинала. Такъ напр. апокрифическое Первоевангеліе Іакова было переведено на церковнославянскій языкъ дважды и въ основѣ этихъ переводовъ лежатъ различныя редакціи греческаго текста, каждая съ типичными особенностями. Однако, какъ мы увидимъ ниже, касаясь исторіи текста, различныя литературныя редакціи и различные переводы вліяютъ другъ на друга и иногда даютъ въ результатѣ смѣшанный текстъ, а иногда первоначальныя особенности скрываются и сглаживаются вслѣдствіе позднѣйшей свѣрки съ инымъ оригиналомъ или вслѣдствіе передѣлки языка и стиля. Это случилось между прочимъ и съ текстомъ Первоевангелія Іакова, вслѣдствіе чего при анализѣ поздняго списка фактъ существованія двухъ первоначальныхъ переводовъ ускользаетъ отъ взгляда спеціалистовъ. Чтобы сличить славянскій переводъ съ его греческимъ, латинскимъ или инымъ подлинникомъ, необходимо знать, гдѣ изданъ этотъ послѣдній; если оригиналъ не изданъ, его приходится отыскивать въ рукописяхъ, т. е. прежде всего—обращаться къ печатнымъ описаніямъ греческихъ и латинскихъ рукописей. Для переводовъ болѣе поздней эпохи, сдѣланныхъ съ живыхъ западныхъ языковъ—польскаго, нѣмецкаго, голландскаго и др. обращаться приходится обыкновенно не къ рукописямъ, а къ старымъ печатнымъ текстамъ, которые несравненно доступнѣе, ибо самыя рѣдкія изданія лишь въ исключительныхъ случаяхъ бываютъ представлены однимъ, а обыкновенно нѣсколькими экземплярами.

§ 109. Памятникъ письменности можетъ сокращаться и дополняться для различныхъ цѣлей. Въ этомъ состоитъ его литературная исторія. Независимо отъ этого даже такіе памятники, смыслъ и содержаніе коихъ остается неизмѣннымъ (каково напр. все Священное Писаніе), претерпѣваютъ измѣненія текста, т. е. измѣненія отдѣльныхъ формъ, словъ и оборотовъ на всемъ протяженіи памятника. Исторія текста состоитъ въ порчѣ и исправленіи. Подъ порчей въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать не только случайныя описки, ошибки, пропуски и недоразумѣнія, вносимыя въ текстъ переписчиками. Сюда относятся также изводы первоначальнаго текста (ср. выше стр. 20—25). Въ самомъ дѣлѣ, подлинный

текстъ Первоучителей можетъ быть возстановленъ только при устраненіи болгаризмовъ, сербизмовъ или руссизмовъ, внесенныхъ писцами не только по недосмотру, но также для собственнаго удобства (ср. полное устраненіе знаковъ ѫ и ѧ въ хорватскомъ и сербскомъ изводахъ). Къ порчѣ относятся также всѣ ошибочныя или неудачныя исправленія. Такъ, напр., повелительное отъ глагола **дати** звучало (2 л. ед.) въ старославянскомъ **даждь**; въ русскомъ должно было соотвѣтствовать **дажь*; но уже въ древнерусскомъ (послѣсловіе Остромирова Евангелія) находимъ вмѣсто того иное образованіе: **дан**; встрѣчая старославянское **даждь** въ сокращенныхъ написаніяхъ **даж҃ь** и **да҃**, русскій писецъ, въ своемъ живомъ говорѣ имѣвшій только форму **дан**, осмысливалъ написаніе **да҃** въ значеніи словосочетанія **данже** и писалъ это послѣднее. Всѣмъ извѣстно ошибочное исправленіе находимое въ текстѣ Задонщины; литературный текстъ этой повѣсти черпаетъ изъ Слова о Полку Игоревѣ; въ этомъ послѣднемъ памятникѣ мы находимъ фразу «о, русская земле, уже за шеломенемъ еси», что значитъ «о, русскіе (воины), вы уже (скрылись отъ глазъ) за холмомъ». Въ Задонщинѣ вмѣсто «за шеломенемъ» находимъ «за Соломономъ». Рукописи вообще полны неудачными домыслами переписчиковъ: непонятное (устарѣвшее, чуждое или искаженное) писцы по догадкѣ исправляли въ понятное. Поэтому при возстановленіи первоначальнаго текста руководятся правиломъ: «изъ двухъ разночтеній непонятное и испорченное заслуживаетъ тщательнаго вниманія и часто бо̀льшаго, чѣмъ понятное и правильное». Исправленія текста бываютъ различнаго рода. Одинъ списокъ памятника можетъ быть исправляемъ на основаніи другого списка, лучшаго или считаемаго таковымъ. Цѣль исправляющаго можетъ быть различна: исправить смыслъ до ясности; исправить стиль, сдѣлавъ его совершеннѣе или проще; исправить языкъ, подновивъ его,—сдѣлать его болѣе понятнымъ и современнымъ (смѣна однихъ синонимовъ другими) или болѣе архаичнымъ и торжественнымъ (смѣна синонимовъ, введеніе архаичныхъ формъ, напр., нестянутыхъ формъ прилагательнаго сложнаго и имперфекта: **добрааго, писааше** вм. **добраго, писаше**); исправить правописаніе, сдѣлавъ его болѣе удобнымъ и единообразнымъ или болѣе архаическимъ и торжественнымъ. Исправленіе смысла иногда требуетъ краткихъ вставокъ или краткихъ пропусковъ. Такъ, напр., въ извѣстномъ разсужденіи Черноризца Храбра о славянскихъ письменахъ содержалась фраза, относящаяся къ Кириллу и Меѳодію: «**сѫтъ бо ѥще живи иже сѫтъ ихъ видѣли**»; эта важная фраза датируетъ разсужденіе Храбра: оно было написано, когда ученики Первоучителей были уже стариками, самъ Храбръ принадлежалъ къ слѣдующему за ними поколѣнію. Но при списываніи разсужденія въ послѣдующіе вѣка, эта фраза звучала страннымъ анахронизмомъ и устранялась; изъ всѣхъ дошедшихъ списковъ статьи

Храбра она сохранена только однимъ, древнѣйшимъ (Сб. Публ. Библ., 1348 г.). Если текстъ одной редакціи «правится» (исправляется) на основаніи текста иной редакціи, то это—фактъ, относящійся къ литературной исторіи памятника, а не къ исторіи его текста.

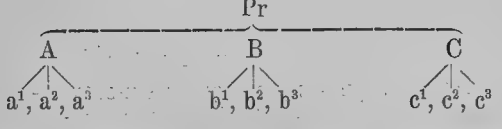
Черты мѣстныхъ языковъ и говоровъ, постепенно проникающія въ текстъ и образующія изводы, или разновидности литературнаго языка, бросаютъ свѣтъ на внѣшнюю исторію памятника, т.-е. на мѣсто и время его возникновенія и на его дальнѣйшія странствованія. Обыкновенно черты далекаго оригинала сохраняются въ текстѣ памятника только случайно, часто—лишь по недоразумѣнію писцовъ. Такъ, напр., простой аористъ (особая форма прошедшаго времени недлительнаго вида) уже въ 11-мъ вѣкѣ былъ свойственъ только македонскому разряду старославянскихъ памятниковъ; въ восточно-болгарскомъ разрядѣ Саввиной книги извѣстны почти исключительно тѣ формы простаго аориста, которыя не совпадаютъ съ формами настоящаго. Въ Супрасльской рукописи и въ Остромировомъ Евангеліи (древнѣйшемъ русскомъ спискѣ—съ восточно-болгарскаго оригинала) формы простаго аориста устранены, при чемъ въ томъ и другомъ памятникѣ, очевидно, по недосмотру восточно-болгарскихъ редакторовъ, сохранилось по одной формѣ простаго аориста,—эти формы были приняты за формы настоящаго. Въ такихъ русскихъ спискахъ, кои не подвергались систематическому пересмотру со стороны языка, иногда встрѣчаются сильные аористы; относительно такихъ текстовъ можно быть увѣреннымъ, что они возникли не въ Восточной Болгаріи и восходятъ если не къ эпохѣ Первоучителей, то во всякомъ случаѣ къ Македонской письменности 10-го вѣка. Возьмемъ другой примѣръ. Свойственное Новгородской письменности смѣшеніе знаковъ ѵ и ц исчезаетъ вмѣстѣ съ 15-мъ вѣкомъ. Т. о. въ рукописи 16-го или 17-го вѣка, съ чертою аканья, спорадичные случаи смѣшенія *ч* и *ц* (*коньцати* но *на кончѣ*) указываютъ на то, что данный текстъ не позднѣе 15-го вѣка былъ извѣстенъ и списывался въ Новгородской области.

§ 110. Если описывается памятникъ, ранѣе по тому же списку изданный, указывается фактъ изданія и степень его точности; можетъ быть произведена свѣрка изданія съ оригиналомъ и даны исправленія ошибокъ и опечатокъ изданія.

Если описывается памятникъ, ранѣе изданный по иному списку, необходимо указать отношеніе обоихъ списковъ между собою, о чемъ смотри ниже. Кромѣ того, ссылкою точно указывается фактъ изданія и производится сравненіе двухъ текстовъ—изданнаго и новаго. При этомъ указывается, какой текстъ слѣдуетъ признать лучшимъ и приводятся такіе варіанты или разночтенія изъ новаго текста, которые его характеризуютъ. Если новый текстъ хуже изданнаго, даются образцы его ошибокъ (про-

пусковъ, описокъ, недоразумѣній) сравнительно съ правильными чтеніями изданнаго текста. Если новый текстъ лучше изданнаго, приводятся варіанты, исправляющіе изданный текстъ (варіанты, устраняющіе пропуски, ошибки и недоразумѣнія). Абсолютно хорошихъ текстовъ не существуетъ, и потому два списка всегда кое въ чемъ дополняютъ другъ друга, если только не окажется, что одинъ изъ нихъ (непосредственно или чрезъ посредство другихъ списковъ) списанъ съ другого. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ копія имѣетъ значеніе только при одномъ условіи: если послѣ составленія копіи оригиналъ утратилъ часть своихъ листовъ; утраченное восполняется по копіи.

Если описанію подлежитъ памятникъ, извѣстный во многихъ спискахъ, то желательно установить родственныя связи даннаго списка со списками, извѣстными ранѣе. Подъ терминомъ «родственныя связи, родство списковъ» разумѣютъ большую или меньшую близость ихъ общаго оригинала. Первый возникающій экземпляръ памятника называется протографомъ. Съ протографа (Pr) могло быть сдѣлано нѣсколько копій (списки A, B, C, D и т. д.). Изъ списковъ этого перваго ряда (поколѣнія) каждый могъ быть списанъ тоже нѣсколько разъ: A даетъ существованіе спискамъ a^1, a^2, a^3...., B—спискамъ b^1, b^2, b^3.... C—спискамъ c^1, c^2, c^3.... и т. д. Въ свою очередь, списывались и эти списки втораго поколѣнія. Списки слѣдующихъ поколѣній могутъ быть обозначаемы удвоеніемъ буквы: aa^1 ba^1, ca^1 обозначитъ три списка, сдѣланные съ a^1. При списываніи каждый писецъ неизбѣжно дѣлаетъ ошибки, вслѣдствіе чего изъ поколѣнія въ поколѣніе текстъ протографа постепенно искажается. Однако, одни писцы дѣлаютъ ошибокъ меньше, другіе больше, и т. о. списки сильно разнятся между собою по качеству. Описывая новый списокъ извѣстнаго памятника важно указать хорошій ли это списокъ или плохой; это узнается легко— по количеству ошибокъ, недосмотровъ, пропусковъ. Изобразимъ родство списковъ схемой.



Протографъ Pr. доходитъ очень рѣдко. Если онъ дошелъ, списки, съ него сдѣланные, могутъ указывать на степень, время и мѣсто распространенія даннаго памятника, но для возстановленія его текста они не имѣютъ значенія (кромѣ восполненія листовъ текста, утраченныхъ протографомъ въ позднѣйшее время). Но предположимъ, что протографъ погибъ, а до насъ дошли списки A; b^1, b^2, b^3; cc^3 (т.-е. списокъ 4-го поколѣнія, сдѣланный съ c^3). Всякій изъ этихъ списковъ повторяетъ не-

достатки протографа, но присоединяетъ къ нимъ и свои собственные: А имѣетъ, напр., пропуски въ началѣ текста и ошибку **рєчєтъ** «скажетъ» вм. **рєчє** «сказалъ», списокъ cc^3 имѣетъ пропуски въ концѣ текста и ошибку **молящє** «умоляя» вм. **молящє** «умолялъ», а списки b^1, b^2, b^3 имѣютъ одинъ и тотъ же пропускъ въ срединѣ текста и одну и ту же ошибку **повѣда** «сообщилъ» вм. **пропокѣда** «проповѣдалъ», такъ какъ всѣ они восходятъ къ недошедшему списку В, въ коемъ уже имѣлся этотъ пропускъ и та же ошибка. Представимъ себѣ, что списокъ А вообще плохъ: писецъ его плохо читалъ, былъ малограмотенъ и писалъ механически, мало вникая въ смыслъ; что списокъ cc^3 очень исправенъ и восходитъ къ очень исправному списку c^3, а этотъ—къ столь же исправному списку С. Списокъ cc^3, хотя и самый поздній изъ всѣхъ и всего дальше стоящій отъ протографа, окажется самымъ важнымъ по чтенію текста, но не по правописанію и не по начертанію буквъ,—въ этомъ онъ отражаетъ свою позднюю эпоху, м. т. к. списокъ А, какъ наиболѣе древній, даетъ всего больше понятія о правописаніи и начертаніяхъ протографа и это тѣмъ болѣе, что писецъ А многое переноситъ изъ протографа механически. Представимъ себѣ далѣе, что всѣ три списка b^1, b^2, b^3 одинаково хороши, потому что всѣ сдѣланы однимъ и тѣмъ же опытнымъ писцомъ-ремесленникомъ съ посредственнаго оригинала В. Конечно писецъ списковъ b^1, b^2, b^3 въ разное время могъ читать отдѣльныя мѣста своего оригинала лучше и хуже и дѣлать въ спискѣ b^3 такія ошибки, какихъ онъ избѣгалъ въ спискахъ b^1 и b^2; но всѣ это будутъ рѣдкія и небольшія разночтенія; въ общемъ изъ трехъ списковъ b^1, b^2, b^3 для возстановленія текста протографа на практикѣ достаточно услугъ какого-нибудь одного, напр., списка b^1. Но совсѣмъ игнорировать списки b^2 и b^3 все же невозможно. Вѣдь, если бы до насъ дошло только три списка: b^1, b^2, b^3, хотя и крайне близкіе, мы были бы принуждены возстановлять оригиналъ по всѣмъ тремъ. Если бы b^1, b^2, b^3 были писаны различными писцами и потому рѣзче расходились бы между собою, мы были бы обязаны систематически пользоваться ими даже при наличности иныхъ списковъ. Ясно, что списки недошедшаго протографа Pr дѣлятся на три группы: А, В, С. Первая группа представлена спискомъ А, родство коего съ протографомъ всего ближе, вторая—списками b^1, b^2, b^3, родство коихъ между собою очень близкое, а родство съ протографомъ болѣе далекое. Группа С представлена единственнымъ спискомъ cc^3, родство коего съ протографомъ всего дальше. Мы должны опредѣлить, въ какомъ отношеніи стоитъ новый, нами встрѣченный списокъ, къ ранѣе извѣстнымъ спискамъ А; b^1, b^2, b^3, и cc^3.

Родство, или общее происхожденіе, всего точнѣе опредѣляется общими ошибками и общими пропусками. Сравнивая въ

этомъ отношеніи новый списокъ съ ранѣе извѣстными, мы убѣждаемся, что онъ не имѣетъ ни пропусковъ, ни ошибокъ, свойственныхъ группамъ B и C, что онъ раздѣляетъ съ группой A ошибку **рєчєтъ** вм. **рєчє**, но не имѣетъ характернаго для A пропуска въ началѣ. Что это значитъ? Одно изъ двухъ: или новый списокъ лишь случайно сходится съ A въ указанной ошибкѣ и представляетъ собою новую группу D, или новый списокъ восходитъ къ A, получилъ изъ A указанную ошибку, но не получилъ пропуска, потому что списанъ въ такое время, когда самъ списокъ A пропуска еще не содержалъ: пропускъ въ спискѣ A можетъ объясняться не оплошностью писца, копировавшаго протографъ Pr, а утратой спискомъ A одного листа въ позднее время. Если окажется, что новый списокъ совпадаетъ съ A въ цѣломъ рядѣ другихъ ошибокъ, второе предположеніе будетъ оправдано. Это нужно будетъ отмѣтить въ описаніи. Доказательны для родства списковъ, разумѣется, только очень характерныя или необычныя ошибки, а не такія, какія легко дѣлались всѣми писцами и потому случайно могутъ встрѣтиться на томъ же мѣстѣ въ двухъ спискахъ, мало родственныхъ. Очень типичныя ошибки суть т. н. диттографія (т. е. двоенаписаніе) и гаплографія (т.-е. единонаписаніе). Гаплографія есть пропускъ отрывка заключеннаго между двумя тождественными словами или выраженіями. Диттографія есть двойное написаніе такого отрывка. Представимъ себѣ (а это встрѣчается очень часто), что двѣ сосѣднія фразы текста начинаются однимъ и тѣмъ же словомъ или два сосѣдніе отдѣла—одной и тою же фразой; назовемъ эти начала. «начало A» и начало» A^1. Дойдя до A, писецъ можетъ оторваться отъ работы (хотя бы на мгновенье), запомнивъ, однако, что продолжать слѣдуетъ словомъ A. Вотъ онъ возвращается къ работѣ; но взглядъ его случайно падаетъ на слово A^1 (тождественное съ A); съ него и продолжаетъ онъ писать, пропуская все, что стоитъ между A и A^1 (=гаплографія. A написано однажды). Но предположимъ, что писецъ оторвался отъ работы, дойдя до A^1 и замѣтивъ, что этимъ словомъ слѣдуетъ продолжать; его глаза при возобновленіи работы могутъ упасть на слово A (тождественное съ A^1, но уже переписанное); писецъ начинаетъ съ этого слова и вторично пишетъ весь отрывокъ отъ A до A^1 (диттографія, A написано дважды). При обиліи лирическихъ (псалтырь) и ораторскихъ (поученія) повтореній въ старой литературѣ эти два вида ошибокъ возникаютъ нерѣдко.

При критическомъ изданіи, т.-е. такомъ, которое стремится дать возстановленный текстъ протографа, списки дѣлятся на группы вышеуказаннымъ способомъ и чтенія (т.-е. показанія) отдѣльныхъ списковъ принимаются въ расчетъ въ той мѣрѣ, въ которой они заслуживаютъ вниманія. Есть два способа критическаго изданія. Въ одномъ случаѣ печатается возстановленный текстъ, въ такомъ видѣ ни въ одномъ изъ

списковъ не существующій, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указывается, въ какихъ именно мѣстахъ, какъ и на основаніи какихъ списковъ и соображеній исправленъ текстъ. Въ другомъ случаѣ печатается одинъ изъ существующихъ списковъ,—тотъ, который по совокупности своихъ особенностей будетъ найденъ лучшимъ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ ошибки этого текста исправляются, съ указаніемъ тѣхъ списковъ, которые даютъ правильное разночтеніе. Если ни одинъ изъ текстовъ таковаго не даетъ, ошибка нерѣдко можетъ быть исправлена обоснованной догадкой (конъектурой). Варіантомъ, или разночтеніемъ, называется всякое словесное расхожденіе списковъ, т.-е. слово или группа словъ, находимая въ одномъ и томъ же мѣстѣ текста не во всѣхъ спискахъ, а только въ одномъ или въ нѣсколькихъ. Для открытія исторіи текста и родства списковъ важны всѣ варіанты, но къ возстановленію текста привлекаются только хорошіе варіанты, т.-е. такіе, которые устраняютъ ошибку и позднѣйшую вставку или восполняютъ пропускъ въ текстѣ. Филологи-ремесленники часто грѣшатъ противъ этого правила, приводя подъ строкою въ великомъ обиліи, но безъ всякой мысли ненужные варіанты изъ плохихъ списковъ. Если литературныя редакціи памятника рѣзко разошлись между собою и различаются, напр., большими пропусками и большими вставками или какой-нибудь иной систематической переработкой текста, въ основу критическаго изданія кладется только одна изъ редакцій памятника.

Среди вставокъ существуютъ такія, которыя сдѣланы по недоразумѣнію. Это—вставленныя глоссы и замѣчанія. Глосса (греческое glossa значитъ «языкъ», «слово») есть приписанный на полѣ или надъ строкою переводъ слова или его поясненіе. Въ текстѣ Евангелія надъ грецизмомъ **параклитъ** редакторомъ или читателемъ можетъ быть надписанъ славянскій переводъ **утѣшитель**. Писецъ, который долженъ или сохранить старый текстъ, или замѣнить всѣ устарѣвшія выраженія новыми, можетъ по недоразумѣнію внести въ свой списокъ и то, и другое. Таковъ извѣстный списокъ Евангелія (Син. библ., № 26, 1383 года), гдѣ въ строку рядомъ вписаны такіе синонимы какъ, **ѿноу҆** и **всѧко**, **лицемѣри** и **(и)покрити** и т. д. въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Въ текстъ могутъ быть внесены съ полей и болѣе или менѣе постороннія замѣчанія. Тамъ, гдѣ мы теперь съ поля отчеркиваемъ текстъ карандашомъ или ставимъ знакъ NB (что означаетъ латинскія слова Nota Bene, т.-е. «замѣть хорошо»), югославянскій и русскій писецъ старой эпохи писалъ на полѣ **ꙁри** (т.-е. «смотри!»); такая отмѣтка выдѣляла не только важныя, но часто просто непонятныя слова и выраженія. Иногда такая отмѣтка по недоразумѣнію вносилась въ текстъ. Повидимому, это имѣло мѣсто въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ извѣстной фразѣ «**ꙁри дивъ кличеть вьрху древа**»; **ꙁри** первоначально воз-

никло на полѣ одного изъ списковъ и относилось къ непонятному слову **дивъ**. «Вставка въ подлинный текстъ, сдѣланная съ практической цѣлью» носитъ спеціальное техническое названіе—*интерполяція*. Интерполяція, подобно всѣмъ другимъ ошибкамъ, можетъ служить средствомъ для выясненія родственныхъ связей между списками.

§ 111. При описаніи рукописей огромное значеніе имѣетъ точность языка: всѣ сообщаемые факты должны быть выражены въ сужденіяхъ, которыя ничего не оставляютъ недосказаннымъ, а сами допускаютъ только одно пониманіе, а не нѣсколько. Иначе тѣ лица, которыя будутъ пользоваться описаніемъ, вчитаютъ въ наши слова невѣрный смыслъ, искажающій факты, и впадутъ сами или вовлекутъ другихъ въ ошибку. Въ лучшемъ случаѣ читатель откроетъ неясность, иногда двусмысліе нашихъ словъ и удостовѣритъ невозможность пользоваться ими. Возьмемъ примѣръ (вымышленный). Вполнѣ ясной кажется на первый взглядъ формула: «въ этой рукописи буква ѕ употреблена только восемь разъ». На самомъ дѣлѣ такая формулировка оказывается совершенно неудовлетворительной. Она не отвѣчаетъ на слѣдующіе вопросы: 1) употреблено ли ѕ только въ значеніи цифры «шесть» или также въ значеніи звука (аффриката dz) при обычномъ для данной рукописи ꙁ (фрикативная z); 2) не употребляется ли въ той же рукописи знакъ ꙁ (варіантъ знака ѕ) при томъ—въ значеніи цифры и буквы? 3) не встрѣченъ ли при ꙁ и рѣдкомъ ѕ въ значеніи звука dz также знакъ ꙁ съ крючкомъ? 4) Если ѕ въ данной рукописи выражаетъ только цифру, счетъ случаевъ («восемъ») не имѣетъ значенія. Если ѕ выражаетъ букву, необходимо привести всѣ восемь случаевъ, въ коихъ ѕ найдено, и указать 5) пишется ли ѕ только на мѣстѣ старой аффрикаты dz; если да, то необходимо указать 6) не пишется ли въ другихъ случаяхъ, совершенно подобныхъ, чаще ꙁ чѣмъ ѕ, т.-е. при написаніяхъ **о боѕѣ, о враѕѣхъ, стьѕа, подвиѕати сѧ** не пишется ли гораздо чаще **о боꙁѣ, о враꙁѣхъ, стьꙁа, подвиꙁати сѧ**. Если условіе 6-е имѣетъ мѣсто, то станетъ яснымъ, что писецъ перенесъ нѣсколько написаній съ ѕ изъ оригинала (непосредственнаго или болѣе отдаленнаго), въ коемъ выразился живой говоръ (древне-болгарскій, средне-болгарскій), знавшій звукъ dz въ его старомъ употребленіи. Если при **стьѕа, о боѕѣ** и др. нѣтъ ни одного написанія **стьꙁа, о боꙁѣ** и др., т.-е.—если данный текстъ содержитъ всего восемь такихъ случаевъ, въ коихъ могло бы быть употреблено ѕ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ стоитъ ѕ, а не ꙁ (этотъ случай можетъ имѣть мѣсто при маломъ объемѣ текста, напр., въ отрывкѣ, обнимающемъ одинъ-два листа), то фонетическую черту «сохраненіе стараго звука dz» можно приписать говору самого писца, а не говору оригинала; можно, но не должно, ибо объемъ текста незначителенъ, и потому могло случиться, что ошибки противъ стараго употребленія

знака ѕ только случайно отсутствуютъ,—онѣ могли содержаться на слѣдующихъ, недошедшихъ листахъ. Этимъ не оканчивается анализъ: кромѣ стараго (праславянскаго) dz, полученнаго изъ g (г), въ среднеболгарскихъ говорахъ, возникаетъ новое dz изъ ꙁ (з) въ началѣ слога: ѕнждителѣ вм. ꙁнждителѣ, проѕакати вм. проꙁакати. Поэтому необходимо отмѣтить 7) нѣтъ ли и въ числѣ восьми случаевъ ѕ такихъ написаній, какъ ѕнждѫ, ѕнждителѣ; такъ какъ такое правописаніе является новшествомъ, отъ него нельзя требовать послѣдовательности, и т. о. параллельныя написанія ꙁнждѫ, проꙁакати въ качествѣ старыхъ и натверженныхъ не колеблютъ той возможности, что предъ нами среднеболгарскій текстъ (или точный списокъ съ него), коего писецъ произносилъ dziżditel и пр. Возможно, наконецъ 8), что писецъ употребляетъ ѕ вмѣсто ꙁ при всякомъ положеніи,—въ видѣ каллиграфическаго варіанта или по господствующей орѳографической модѣ, всюду произнося ꙁ (з). Всѣ эти возможности выяснятся для читателя сразу, если мы перечислимъ случаи, въ коихъ написано ѕ и одновременно укажемъ, есть или нѣтъ колебанія въ сторону ꙁ при написаніи случаевъ совершенно подобныхъ. Ясно т. о, что для описанія славянскихъ рукописей необходимо нѣкоторое знакомство съ исторіей славянскихъ языковъ. Въ случаѣ, подобномъ нашему, Востоковъ даетъ слѣдующую исчерпывающую формулировку факта: «ꙁ вмѣсто ѕ служитъ для числа 6-ти» (описаніе рукописей митроп. Евгенія). Въ нашемъ случаѣ исчерпывающей будетъ слѣдующая формула: «ѕ встрѣчается только въ смыслѣ цифры, ꙁ и другіе знаки звука dz совсѣмъ не встрѣчаются».

Характеристика языка не ограничивается опредѣленіемъ извода; характеризуется по возможности діалектъ или говоръ писца, если онъ сказывается типичными чертами. Чтобы открывать за написаніями выговоръ, необходимы извѣстныя знанія по исторіи языка и по физіологіи звуковъ. Необходимо также знакомство съ тѣмъ, какъ ранѣе насъ осмысливали графическія явленія. Фонетическій смыслъ многихъ написаній остается спорнымъ. Но это не мѣшаетъ о т м ѣ ч а т ь оригинальныя графическія явленія, какъ факты рукописи. Описаніе графики и орѳографіи должно содержать только характерныя черты, минуя общераспространенныя явленія и такія мелочи, которыя не заключаютъ даты, т.-е. не бросаютъ свѣта на время (или на мѣсто). Подробно описывать начеркъ чуть не каждой буквы допустимо только въ томъ случаѣ, если предъ нами памятникъ очень оригинальнаго письма или очень древній; въ послѣднемъ случаѣ необходимо указывать, какіе изъ ранѣе извѣстныхъ памятниковъ содержатъ такіе же или подобные начерки. Изучая языкъ старыхъ образцовыхъ описаній, слѣдуетъ заимствовать только его точность и простоту, избѣгая ненужныхъ архаизмовъ и отнюдь не подражая ма-

нерѣ языка. Точность языка, въ концѣ-концовъ, дается предварительнымъ знаніемъ фактовъ и привычкой формулировать ихъ принятыми терминами. Знаніе тѣхъ явленій языка и словесности, какія вообще могутъ встрѣтиться въ рукописи, позволитъ намъ рѣзко отличить встрѣченный нами фактъ отъ массы иныхъ, возможныхъ. Выработанная терминологія для явленій рукописи даетъ ясность выраженія. Точность языка, составляющая основное требованіе филологіи, въ высокой мѣрѣ необходима и для описанія рукописей: и здѣсь требованіе точности вытекаетъ изъ основнаго принципа внимательной и вѣрной передачи чужого слова, чужой мысли. Простѣйшимъ способомъ избѣгать неточностей при палеографическомъ описаніи является между прочимъ пріемъ суммаціи, или суммарное перечисленіе фактовъ, безъ обобщенія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда исчерпывающее изслѣдованіе мѣста не имѣло. Мы вѣримъ авторитету Востокова, когда онъ говоритъ: «юсъ большой въ данной рукописи не употребляется». Но мы должны осторожно относиться къ нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, и обобщающую формулу «не употребляется» предпочтительно замѣнять суммирующей формулой «не встрѣченъ». Если мы, ища ѫ, прочли внимательно первые десять листовъ рукописи и затѣмъ быстро облистали остальное, иногда читая цѣлыя страницы на выборъ, мы все еще должны сказать: «ѫ не встрѣченъ», ибо это суммируетъ нашу работу, но еще не имѣемъ право писать «не употребляется». Другимъ долгомъ точности является то, что мы оговариваемъ отсутствіе фактовъ противоположнаго характера: отсутствіе тѣхъ или другихъ интересныхъ или распространенныхъ фактовъ не умалчивается, а удостовѣряется; мы пишемъ, напр.: «безъ переплета», «вязи нѣтъ», «нѣтъ киноварн въ заглавляхъ», «писано безъ разлиновки» и. пр. Нѣкоторыя рубрики въ извѣстныхъ случаяхъ опускаются. Такъ, издавая цѣлое описаніе кирилловскихъ рукописей, подъ каждымъ № описанія не сообщается, что это рукопись (а не печатная книга) и что она писана кириллицей. Но, обходя молчаніемъ отсутствующіе факты, необходимо оговорить въ предисловіи, что неупоминаніе переплета, вязи, миніатюръ, приписокъ всегда означаетъ ихъ отсутствіе. При описаніи отдѣльной рукописи отсутствіе фактовъ, какъ мы видѣли, не умалчивается, а удостовѣряется.

Всѣ свѣдѣнія, кои составляютъ описаніе рукописи, могутъ быть даны въ томъ или иномъ порядкѣ, начиная отъ самыхъ общихъ и важныхъ (т.-е. нужныхъ для большинства спеціалистовъ) или измѣняя очередь сообразно спеціальнымъ цѣлямъ ради удобства или ради сжатости изложенія. Надо, однако, помнить, что описаніе всегда начинается названіемъ.

При описаніи цѣлаго собранія рукописей оконченный трудъ располагается въ алфавитномъ порядкѣ названій, т.-е. въ печатной книгѣ

рукописи слѣдуютъ, напр., такъ: Азбуковникъ, Альфа и Омега, Апокалипсисъ, Апостолъ, Евангеліе, Житіе Антонія римлянина, Житіе Василія Новаго, Житіе Ѳеодосія Печерскаго, Книга о вѣрѣ, Лѣчебникъ, Минея служебная, Минея четья, Прологъ, Сборникъ, Синодикъ, Страсти Христовы, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, Факеціи, Хрисмологій, Цвѣтникъ, Часословъ, Ядро россійской исторіи. Описываются рукописи въ какой угодно очереди, но, имѣя въ виду будущій алфавитный порядокъ всего труда, необходимо каждую рукопись описывать на отдѣльномъ листѣ или въ отдѣльной тетради. Рѣшительно не слѣдуетъ давать описанію рукописей вмѣсто алфавитнаго порядка порядокъ по содержанію, т.-е. не слѣдуетъ, напр., группировать рукописи на отдѣлы: I. Священное Писаніе. II. Толкованіе Св. Писанія. III. Творенія Отцовъ церкви. IV. Богослужебныя книги. V. Житія. VI. Историческія сочиненія. VII. Повѣствовательныя сочиненія. При такомъ расположеніи описанія справки затруднены, а матеріалъ отчасти разбросанъ по произволу: Псалтырь, Псалтырь Толковая, Псалтырь Слѣдованная (т.-е. съ богослужебными текстами) окажутся въ разныхъ отдѣлахъ, «Варлаама и Іоасафа» придется искать въ житіяхъ и въ повѣстяхъ, «Александрію» —и въ повѣстяхъ, и въ исторіи и т. п.— Описаніе рукописей издается главнымъ образомъ не для прочтенія, а для справокъ. Поэтому предисловіе должно быть коротко и давать полное и точное указаніе: какъ слѣдуетъ пользоваться книгой; что она содержитъ и чего не содержитъ; какъ расположенъ матеріалъ; какія приняты сокращенія; какіе примѣнены шрифты; съ какою точностью передаются различныя мелкія особенности письма рукописей (надстрочные значки, рисунокъ буквъ, правописаніе). Если мы желаемъ издать при описаніи рукописей нѣкоторые тексты цѣликомъ или дать научное изслѣдованіе, то все это печатается отдѣльно отъ предисловія, всего лучше— въ концѣ книги, въ видѣ приложенія.

Есть извѣстная граница для размѣровъ описанія. Подробнаго описанія заслуживаетъ не всякая, а только интересная или рѣдкая рукопись. Автографъ замѣчательнаго писателя можетъ быть описанъ подробно—съ указаніемъ, что было набросано сразу, приписано потомъ, вычеркнуто и вновь возстановлено самимъ авторомъ: въ этихъ измѣненіяхъ предъ нами лежитъ творческая работа. Но если, напр., рукопись содержитъ только выписки изъ хорошо извѣстнаго печатнаго источника—Синопсиса (исторической компиляціи, изданной въ Кіевѣ въ 1674 году) или Кормчей (книги каноническаго права) и т. п., то было бы смѣшно кропотливо указывать, изъ какой главы и изъ какого отдѣла взята всякая строка. Достаточно болѣе общихъ указаній. Необходимо, впрочемъ, посмотрѣть, не имѣютъ ли выписки одной общей мысли или цѣли; это должно быть отмѣчено. Вообще описывающій долженъ все время думать о дѣйствительныхъ

интересахъ читателей-спеціалистовъ и твердо помнить, что его собственная роль—прежде всего освѣдомительная.

§ 112. Для передачи печатью подлинныхъ написаній рукописи существуютъ различные шрифты. Кромѣ того, написанія рукописи передаются въ печати съ большей и меньшей точностью. Возможно точнѣе передаются древнія рукописи, менѣе точно—позднія, при чемъ неточность передачи допускается только въ смыслѣ неполноты: подлинные факты рукописи по возможности не искажаются и не замѣняются иными фактами, но воспроизводятся не всѣ факты рукописи, а только главные; второстепенные же, насколько возможно, оговариваюся или просто опускаются. Для разныхъ цѣлей требуется различная степень точности: для цѣлей палеографіи точность требуется бо́льшая, чѣмъ для цѣлей языкознанія, для языкознанія—бо́льшая, чѣмъ для цѣлей историко-литературныхъ и историческихъ. Здѣсь слѣдуетъ снова припомнить, что почерки рукописей дѣлятся на три большихъ разряда—уставные, полууставные и скорописные и что въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ различаются изводы (ср. стр. 20). Всякій почеркъ и всякій изводъ имѣютъ свои особенности письма и требуютъ нѣкоторыхъ особыхъ знаковъ.

Въ эпоху уставныхъ рукописей старославянскіе (древнеболгарскіе) памятники, а равно ихъ древнѣйшіе русскіе списки содержатъ такіе письмена, какихъ нѣтъ болѣе въ современномъ русскомъ гражданскомъ а отчасти даже въ современномъ русскомъ церковномъ («старопечатномъ») шрифтѣ. Таковы, напр., юсы простые ѫ ѧ и іотованные ѭ ѩ, а равно іотованное *е:* ѥ и пр. Юсы простые у болгаръ, а ѥ у сербовъ употребляются и въ позднѣйшія эпохи, почему полууставные среднеболгарскіе и сербскіе почерки вообще требуютъ для изданія почти такого же шрифта, какъ и самыя древнія славянскія рукописи. Сербскимъ и болгарскимъ рукописямъ 13—14 в. в. подражаютъ русскія рукописи 15-го.

Для всей этой группы существуютъ различные шрифты.

1. Шафарикъ, шрифтъ созданный чешскимъ ученымъ Шафарикомъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Образцомъ послужилъ ему почеркъ Остромирова Евангелія, но отъ уменьшенія и сжатія буквы потеряли монументальный характеръ 11-го вѣка. Этотъ характеръ сохранили только заглавныя буквы «шафарика», но онѣ слишкомъ широки и крупны для передачи цѣлыхъ текстовъ. Заглавный шафарикъ незамѣнимъ для передачи памятниковъ эпиграфики: славяно-русской и византійской,—монументальныхъ надписей на камнѣ, металлѣ, деревѣ и пр. При этомъ греческое Υ (ипсилонъ) передается славянскимъ заглавнымъ Ꙋ (червь). По своему виду «шафарикъ» (какъ и его прототипъ—Остромирово Евангеліе) очень походитъ на греческій искусственный уставъ 10-го и позднѣйшихъ вѣковъ и содержитъ всѣ нужныя для него буквы.

2. Вѣнскій шрифтъ, менѣе сжатый, чѣмъ шафарикъ, но угловатый и мало напоминающій округлые уставные почерки. Этимъ шрифтомъ печатаетъ древніе славянскіе и русскіе памятники типографія Академіи Наукъ въ Петроградѣ.

3. Синодальные шрифты. Они выработаны Московской Синодальной Типографіей, содержатъ всѣ нужные знаки, но страдаютъ безличностью,—это скорѣе нѣсколько скругленный русскій старопечатный шрифтъ, чѣмъ уставный почеркъ древней эпохи.

4. Гербекъ. Шрифтъ, выработанный въ 1902 году московскимъ ученымъ типографомъ О. О. Гербекомъ по образцу почерковъ среднеболгарской Болонской Псалтыри. Красивый широкій шрифтъ, нѣсколько манерный, какъ и его прототипъ, но удобный для передачи текстовъ всей древней эпохи (включая 14-ый вѣкъ). Шрифтъ не получилъ распространенія, а по смерти изобрѣтателя пунцоны[1]) этого шрифта попали неизвѣстно куда.

5. Новый Вѣнскій шрифтъ, коимъ заслуженный славистъ Ягичъ напечаталъ въ роскошномъ изданіи текстъ Болонской Псалтыри. Шрифтъ

---

[1]) Пунцонъ есть стальной штампъ, или печатка съ выпукло вырѣзанной буквой. Пунцономъ выбиваютъ въ мѣдной пластинѣ матрицу, или гнѣздо съ углубленнымъ изображеніемъ той же буквы. Въ матрицахъ отливаютъ изъ растопленнаго свинца или металлическаго сплава всѣ нужныя буквы, или шрифтъ, коимъ набираютъ рукописный оригиналъ, образуя наборъ. Каждая буква набора отлита на высокой ножкѣ и отдѣльна отъ другихъ буквъ, почему всегда можетъ быть вынута и замѣнена другою буквой; то же относится къ знакамъ препинанія, скобкамъ, цифрамъ и др. знакамъ набора: и они независимы отъ сосѣднихъ знаковъ. На этомъ основано исправленіе ошибокъ набора, или корректура. Писанный оригиналъ набирается длинными полосами (гранка), которыя состоятъ изъ строкъ равной ширины. Съ гранокъ дѣлаются для исправленія оттиски типографской краской на бумагу (корректурные оттиски, корректура). Желательныя исправленія указываются наборщику особыми знаками (см. въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ подъ словомъ „корректура“). Въ этой стадіи возможна литературная переработка текста, т.-е. сокращенія и добавленія и замѣны. Когда текстъ достаточно исправленъ, его верстаютъ, т.-е. гранки неравной длины равняютъ въ страницы съ равнымъ числомъ строкъ. Послѣ этого корректура возможна, но затруднена и во избѣжаніе переверстки (иного распредѣленія матеріала на страницы) по возможности ограничиваются замѣной отдѣльныхъ знаковъ другими.

Если въ сверстанномъ текстѣ необходимы болѣе крупныя измѣненія, то переверстки можно избѣжать точнымъ расчетомъ буквъ: то, что мы выкинули и то, что мы вставили взамѣнъ, должно по количеству буквъ точно равняться другъ-другу, а это заставляетъ иногда жертвовать фактами, вводить факты новые или прибѣгать къ особенно сжатому или особенно широкому стилю изложенія на какихъ-нибудь двухъ-трехъ строкахъ.

тонкій, не сжатый, подражаетъ древнѣйшимъ начеркамъ 11—12 вѣка. Мало распространенъ. Имѣлся въ ограниченномъ количествѣ въ Типографіи Варшавскаго учебнаго округа (для нуждъ «Варшавскаго Филологическаго Вѣстника»).

При передачѣ текста даже этими шрифтами, спеціально созданными для памятниковъ уставнаго письма, приходится мириться съ разными неудобствами: нехватаетъ нѣкоторыхъ надстрочныхъ знаковъ; титла не всегда имѣютъ тотъ рисунокъ, какъ въ рукописи; надстрочныя буквы въ печати оказываются нѣсколько передвинутыми влѣво или вправо въ сравненіи съ рукописью; иногда недостаетъ нѣкоторыхъ буквъ, которыя и приходится брать изъ иного шрифта или отливать вновь[1]).

Для передачи русскихъ рукописей болѣе позднихъ существуютъ различные старопечатные шрифты, т.-е. скопированные съ различныхъ образцовъ старой церковной печати. Указанныя выше мелкія неудобства представляютъ и старопечатные шрифты; въ нихъ, напр., типы надстрочныхъ выносовъ нормированы: существуетъ ы̃, ы̃ безъ титла, но не существуетъ ы̃ ы̃ съ титломъ, нѣкоторыя буквы (напр., высокое ѣ совершенно не допускаютъ надъ собой выноса, м. т. к. въ русскихъ рукописяхъ съ 15-го вѣка существуетъ низкое *ѣ*, допускающее надъ собою выносъ (надстрочную букву). Вообще рекомендуется входить самому въ технику печатнаго дѣла и знакомить печатниковъ съ особенностями рукописной графики; нерѣдко опытный печатникъ лучше филолога находитъ простѣйшій выходъ изъ затрудненія. Русскія полууставныя рукописи 16-го, 17-го и 18-го вѣковъ, не заключающія ни юсовъ, ни іотованнаго ѥ, ни знаковъ зѣло: ѕ, ꙁ, передаются обыкновенно довольно удобно русскими старопечатными шрифтами. Для тѣхъ же русскихъ рукописей, если ихъ интересъ заключается, главнымъ образомъ, въ содержаніи, а не въ графикѣ, принята передача русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, при чемъ *передаются всѣ особенности чтенія, но не написанія*. Этотъ цѣлесообразный принципъ безъ труда примѣняется къ каждому отдѣльному случаю. Этотъ принципъ принятъ особенно для передачи памятниковъ скорописи (по б. ч. административныхъ, юридическихъ и хозяйственныхъ). Всѣ графическіе варіанты, чуждые современному право-

[1]) Выше мы видѣли, что юсовые знаки въ болгарскихъ рукописяхъ имѣютъ очень разнообразный рисунокъ; въ перечисленныхъ шрифтахъ мы найдемъ только ѫ ѧ и ихъ іотованные варіанты. Этимъ обыкновенно и приходится довольствоваться, оговоривъ въ предисловіи изданія, что въ оригиналѣ рисунокъ юсовъ иной. Иногда нужный намъ типъ можно получить, срѣзавъ часть существующей печатной буквы или распорядившись припаять къ ней нужную надстрочную букву, или наоборотъ—срѣзавъ съ существующей надстрочной буквы титло и т. п.

писанію, устраняются: вмѣсто **оуже** или **ѹже** пишется *уже*, вмѣсто **ѡко** пишется *око*, вмѣсто **Алеѯѣй** пишется *Алексѣй*, но написанія *скаска, пятнатцать, паметь, памѣсный, чюдо, пустошь, тферского* и т. п. *не* исправляются въ «сказка», «пятнадцать», «память», «помѣстный», «чудо», «пустошь», «тверскаго», ибо въ принципѣ такія исправленія мѣняютъ чтеніе. Во всѣхъ случаяхъ, когда подлинникъ содержитъ сокращенія, издатель при передачѣ славянскими шрифтами не долженъ брать на себя прочтенія сокращенныхъ мѣстъ даже въ такихъ безспорныхъ случаяхъ, какъ **цр҃ь**-*царь*, **гдр҃ю**-*государю*, **кн҃га**-*книга*, **сн҃ъ**-*сынъ*. Такъ какъ гражданскій шрифтъ не имѣетъ тителъ и надстрочныхъ буквъ, то при передачѣ гражданскимъ шрифтомъ все въ оригиналѣ сокращенное помѣщается въ изданіи въ строку, однако, въ скобкахъ: *ц(а)рь, г(осу)д(а)рю, кн(и)га, с(ы)нъ*. Буква, въ подлинникѣ стоящая надъ строкою, вносится въ строку безъ скобокъ: **а҆химари҃, во҆чина, фе҃раля, велико҃, ходи҃** передаются чрезъ: архимарит(а), вотчина, февраля, великог(о), ходил. Изъ послѣдняго примѣра видно, что *ъ* и *ь*, если не значатся въ рукописи, должны быть совершенно опущены; приписывать ихъ отъ себя, хотя бы въ скобкахъ, вообще не слѣдуетъ, ибо во многихъ случахъ это можетъ измѣнить чтеніе, такъ, напр., **бꙋде҃** можетъ быть прочитано и какъ *будетъ* и какъ *будеть*, **стрѣле҃**—какъ *стрѣлецъ* и какъ *стрѣлець*,—судя по говору. Равнымъ образомъ слѣдуетъ точно воспроизводить употребленіе знаковъ *е* и *ѣ*.

§ 113. Болѣе полное и точное понятіе о подлинной рукописи могутъ дать только снимки, прилагаемые къ печатному изданію. Для того существуетъ много различныхъ техническихъ способовъ. Литографія и хромолитографія[1]), которыми широко пользовались въ прежнее время, никогда не передаютъ оригинала вполнѣ точно, ибо изображаемое копируется отъ руки: простая литографія рисуется на бумагѣ особыми литографскими чернилами или тушью и написанное механически (какъ переводная картинка) переводится на особый «литографскій» камень; послѣ этого камень обливается химическимъ составомъ, разъѣдающимъ его и образующимъ ямки; неразъѣденнымъ остается только то, что защищено литографскими чернилами, перешедшими на камень; эти защищенныя мѣста остаются возвышенными и только одни и даютъ оттискъ на бумагѣ, когда камень для печатанія намазанъ краской. Краска эта можетъ быть любого цвѣта, но она всегда одна; послѣ пробнаго оттиска можетъ быть произведена частичная подправка камня: съ него можно срѣзать нѣкоторыя высокія мѣста и получить въ нихъ на оттискѣ свѣтлый фонъ вмѣсто краски, но не наоборотъ: свѣтлыя мѣста не могутъ быть

---

[1]) Слова составлены изъ греческихъ líthos „камень“; grápho „пишу“ и chróma „краска“, „цвѣтъ“.

обращены въ красочныя. Литографскій камень даетъ нѣсколько тысячъ оттисковъ, далѣе камень оказывается болѣе или менѣе стертымъ и даетъ плохіе оттиски. Хромолитографія, или цвѣтная литографія, имѣетъ подобную технику, съ тою разницей, что хромолитографія требуетъ нѣсколькихъ камней—по одному для каждой краски; нѣкоторыя краски оригинала достигаются, впрочемъ, не особой краской, ложащейся на бѣлое поле бумаги, а соединеніемъ двухъ красокъ, ложащихся одна на другую. Такъ, зеленый цвѣтъ не требуетъ особаго камня: отпечатки «желтаго» и «голубого камня» въ извѣстныхъ частяхъ рисунка ложатся одинъ на другой и даютъ зеленый цвѣтъ. Число камней (т.-е. число печатающихъ красокъ) опредѣляетъ спеціалистъ-литографъ. Такъ какъ оригиналъ (рукопись съ цвѣтными орнаментами и миніатюрами) не можетъ быть пересылаема въ мастерскую для продолжительнаго снятія копіи, приходится заказывать акварельную копію въ краскахъ, каковая и поступаетъ въ мастерскую хромолитографа. Число хорошихъ оттисковъ, какое можетъ дать хромолитографія, тоже очень значительно. Теперь издатели несравненно чаще прибѣгаютъ къ различнымъ фото-типографическимъ способамъ передачи подлинника, т.-е. такимъ, при коихъ печатающее клише (т.-е. доска, поверхность) получается фотографически, безъ участія рисовальщика. Во всѣхъ этихъ способахъ точно передаются всѣ линіи, т.-е. подлинные начерки буквъ и подлинный рисунокъ орнамента и миніатюры. Сюда относятся: фототипія, въ коей роль печатающаго клише играетъ негативъ (на плёнкѣ), непосредственно снятый съ предмета; геліогравюра; цинкографія и ея разновидность автотипія,—въ обоихъ видахъ роль печатнаго клише играетъ рисунокъ, фотографически переведенный на цинкъ и химически на немъ вытравленный (пріемъ травленія—какъ при литографіи). Простою цинкографіей передаются оригиналы контрастные, имѣющіе вполнѣ рѣзкое разграниченіе свѣта и тѣни, т.-е. одноцвѣтные узоры, тѣневые, пунктирные и линейные рисунки (силуэты, контурные рисунки, гравюры). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что гравюрные штрихи и пунктиры при сильномъ увеличеніи становятся рѣже и перестаютъ передавать впечатлѣніе рельефа и глубины, свѣта и тѣни, а при уменьшеніи оригинала—сближаются, дѣлаютъ гравюру густой и темной, иногда сливаются въ сплошныя черныя пятна. Оригиналы, заключающіе постепенные переходы отъ свѣта къ тѣни (всѣ виды натуральныхъ предметовъ; всѣ рисунки въ краскахъ; рисунки, рисованные растушевкой, а не въ гравюрной манерѣ)—передаются автотипіей, которая тѣмъ отличается отъ простой цинкографіи, что оригиналъ фотографируется сквозь мелкую сѣтку, награвированную на стекло, вслѣдствіе чего изображеніе оказывается разсѣченнымъ наподобіе гравюры,—въ темныхъ мѣстахъ въ клѣтку, въ свѣтлыхъ—пунктиромъ. Существуетъ хромоцинкографія и хромоавтотипія. Для

хромоцинкографіи изготовляются нѣсколько клише, по тому же расчету, какъ для хромолитографіи. Для хромоавтотипіи изготовляются три клише—для основныхъ цвѣтовъ—желтаго, краснаго, синяго, для чего оригиналъ фотографируется трижды: сквозь желтое, красное и синее стекло. Получаются снимки, въ коихъ одинъ изъ названныхъ цвѣтовъ усиленъ, а остальные ослаблены. Послѣ перевода на цинкъ получаются три клише, каждое печатаетъ одной изъ названныхъ основныхъ красокъ; комбинаціи этихъ красокъ даютъ всю остальную гамму цвѣтовъ. Автотипія никогда не достигаетъ той мягкости, ясности и красоты изображенія, какую даетъ фототипія. Но фототипія съ одной пленки даетъ не болѣе 1200 хорошихъ оттисковъ, для дальнѣйшаго нужны 2-ая, 3-ая пленка и т. д. Между тѣмъ, всякое цинковое клише даетъ огромное количество хорошихъ оттисковъ и можетъ быть употреблено для нѣсколькихъ изданій. При изданіи въ 600 экземпляровъ расходы на фототипію и на цинкографію приблизительно одинаковы. Для крупныхъ изданій цинкографія много выгоднѣе. Существуютъ и различные другіе, болѣе совершенные и дорогіе способы фото-типографическаго воспроизведенія, но для передачи памятниковъ письменности обыкновенно вполнѣ удовлетворяетъ фототипія. Способа вполнѣ точно передающаго краски оригинала пока не существуетъ, хотя существуетъ уже немало способовъ передавать оригиналы типо-фотографически въ краскахъ. Обычная фототипія, печатающая все однимъ цвѣтомъ (любымъ), прекрасно передаетъ оттѣнки, т.-е. различія въ силѣ тона; поэтому не только оригиналы одноцвѣтные, но и разноцвѣтные хорошо передаются фототипіей, ибо краски различаются между собою не только цвѣтомъ, но также силой: нормальный красный цвѣтъ всегда сильнѣе голубаго и т. д. Если же въ оригиналѣ господствуетъ нѣсколько родственныхъ красокъ, можно передать оригиналъ еще реальнѣе. Такъ, напр., фототипія, отпечатанная сепіей (красноватой, коричневой или бурой) хорошо передастъ одновременно: цвѣтъ стараго пергамента или старой бумаги, цвѣтъ стараго чернила и всевозможныя пятна.

Число снимковъ бываетъ значительно только въ роскошныхъ изданіяхъ и такихъ, которыя спеціально посвящены палеографіи. Въ обычномъ описаніи рукописей только самыя интересныя рукописи получаютъ по снимку. Если всѣ остальныя условія равны, для снимковъ предпочитаются рукописи датированныя. При описаніи или изданіи отдѣльной рукописи число снимковъ бываетъ больше, но все же ограничено. Поэтому слѣдуетъ стараться на одномъ снимкѣ дать какъ можно болѣе характеризующихъ рукопись фактовъ, напр., заставку, вязь, иниціалъ, образецъ почерка и дату или иную запись.

Хронологія славянская и русская.

IX. — 842 Недѣля Православія (окончательное паденіе иконоборства).—852 Борисъ-Михаилъ, царь болгарскій. Первое упоминаніе о Руси.—862 свидѣтельство лѣтописи о призваніи варяговъ. — 864 крещеніе болгаръ. — 865 Кириллъ и Меѳодій въ Моравіи. — 867 Константинопольскій соборъ.—885 смерть Первоучителя Меѳодія.—888 Владиміръ, царь болгарскій.—893 Симеонъ, царь болгарскій.

X. — 907 смерть Бориса, б. царя болгарскаго. Олегъ подъ Царьградомъ.—913 Игорь, князь русскій.—927 Петръ, царь болгарскій.—945 Ольга и Святославъ.—955 Крещеніе Ольги?—963 раздѣленіе болгарскаго царства: ц. Петръ въ Восточной, ц. Шишманъ въ Западной Болгаріи.—967. Князь Мѣшко польскій принимаетъ христіанство.— 969 Борисъ II ц. Болгаріи; † Св. Ольги.—972 † Святослава; Ярополкъ Святославичъ, кн. русскій.—976 Паденіе Восточно-болгарскаго царства, Самуилъ, царь Западной Болгаріи.—980 в. кн. Владиміръ Св.—988 Крещеніе Руси; установленіе Кіевской митрополіи.—991 созданіе Десятинной церкви въ Кіевѣ.

XI.—1015 † Владиміра Св.; Святополкъ Окаянный.—Іо: Владиславъ, ц. Западной Болгаріи.—1018 паденіе Западно-болгарскаго царства.—1019 в. кн. Ярославъ Мудрый.—1024 Болеславъ, кн. польскій, принимаетъ королевскій титулъ.—1034 разгромъ печенѣговъ Ярославомъ; † Мстислава Удалого.—1043 послѣдній набѣгъ Руси на Царьградъ.—1051 Иларіонъ митрополитъ русскій.—1055 † Ярослава Мудраго; в. кн. Изяславъ Ярославичъ въ Кіевѣ.—1056—57 Остромірово Евангеліе.—1073 Святославъ Ярославичъ въ Кіевѣ. Изборникъ Святослава. — 1076 Всеволодъ Ярославичъ въ Кіевѣ.—1077 в. кн. Изяславъ Ярославичъ въ Кіевѣ. — 1088 в. кн. Всеволодъ Ярославичъ въ Кіевѣ. — 1093 в. кн. Святополкъ Изяславичъ въ Кіевѣ.—1096 первый крестовый походъ. — 1097 съѣздъ русскихъ князей въ Любечѣ.

XII.—1113 в. кн. Владиміръ Мономахъ въ Кіевѣ. Паломничество игумена Даніила.—1114 † преп. Нестора Печерскаго.—1116 Сильвестръ,

игуменъ Выдубецкаго монастыря. — 1125 † Владиміра Мономаха; в. кн. Мстиславъ Владиміровичъ въ Кіевѣ. — 1133 в. кн. Ярополкъ Владиміровичъ въ Кіевѣ.—1139 Всеволодъ Ольговичъ въ Кіевѣ. — 1140 Изяславъ Мстиславичъ въ Кіевѣ.—1147 второй крестовый походъ; первое упоминаніе Москвы. — 1152 Ярославъ Осмомыслъ въ Галичѣ. — 1154 Ростиславъ Мстиславичъ въ Кіевѣ. — 1155 в. кн. Юрій Долгорукій въ Кіевѣ.—1156 второе упоминаніе Москвы.—1157 в. кн. Андрей Боголюбскій.—1158 Изяславъ Давыдовичъ въ Кіевѣ.—1160 Ростиславъ Мстиславичъ въ Кіевѣ. — 1168 разгромъ Кіева ратью Андрея Боголюбскаго; Мстиславъ Изяславичъ въ Кіевѣ. — 1180 Стефанъ Неманя объединяетъ сербскія земли.—1175 убіеніе Андрея Боголюбскаго.—1176 в. кн. Всеволодъ Большое Гнѣздо во Владимірѣ; третье упоминаніе Москвы.—1185 Походъ кн. Игоря на половцевъ. — 1186 второе Болгарское царство: цари Петръ и Асѣнь. — 1187 † Ярослава Осмомысла Галицкаго.—1190 Третій крестовый походъ. — 1197 Калоянъ, ц. болгарскій. — 1199 поученіе Владиміра Мономаха. Романъ Мстиславичъ присоединяетъ къ Волыни Галичъ.—1200 † Стефана Немани въ Хиландарѣ. Основаніе Риги.

XIII.—1200 конецъ Кіевской лѣтописи.—1201 начало Волынской лѣтописи. — 1202 основаніе ордена меченосцевъ. — 1204 четвертый крестовый походъ: взятіе Царьграда крестоносцами.—1205 † Романа Галицкаго.—1207 † Калояна, ц. болгарскаго.—1212 † Всеволода III.—1216 Липицкая битва; в. кн. Константинъ Всев. во Владимірѣ.—1218 Іо: Асѣнь II, ц. болгарскій; Юрій Всев. во Владимірѣ. — 1219 Савва, первый архіеп. сербской церкви. — 1222 Стефанъ Первовѣнчанный, краль сербскій. — 1221 заложенъ Н. Новгородъ. — 1223 битва при Калкѣ. — 1227 † Чингисъ-хана. — 1230 побѣда Іо: Асѣня при Клокотницѣ; основаніе тевтонскаго ордена. — 1237 разореніе Рязани, Москвы, Владиміра, Суздальской земли татарами. — 1238 † Юрья Всеволодовича въ битвѣ на Сити; в. кн. Ярославъ Всеволодовичъ во Владимірѣ.—1239 разореніе Чернигова и Переяславля татарами.—1240 разореніе Кіева татарами (съ 9 дек.); побѣда Александра Невскаго надъ шведами. — 1242 побѣда Александра Невскаго надъ меченосцами. — 1245 Даніилъ Романовичъ Галицкій.—1247 Святославъ Всеволодовичъ во Владимірѣ.—1252 Александръ Невскій на великомъ княженіи. — 1257 † Михаила Асѣня, ц. болгарскаго.—1258 Константинъ Асѣнь.—1262 Михаилъ VIII. Палеологъ занимаетъ Царьградъ. — 1263 † Александра Невскаго; Ярославъ Ярославичъ во Владимірѣ.—1264 † Даніила Романовича Галицкаго. — 1272 Василій Ярославичъ во Владимірѣ. — 1274—75 преп. Серапіонъ епископъ Владимірскій. — 1276 Дмитрій Александровичъ во Владимірѣ. — 1277 † Константина Асѣня. — 1292 конецъ Волынской

лѣтописи и начало Суздальской.—1294 Андрей Алекс. во Владимірѣ.—1299 перенесеніе митрополіи во Владиміръ, † Довмонта.

XIV.—1304 Михаилъ Ярославичъ Тверской.—1316 Гедиминъ на Литвѣ.—1320 Юрій Даніиловичъ.—1321 завоеваніе Кіева Гедиминомъ.—1325 перенесеніе митрополіи въ Москву.—1326 Александръ Даніиловичъ.—1328 Иванъ Даніиловичъ Калита, в. кн. въ Москвѣ.—1331 Стефанъ Душанъ сербскій и Іо: Александръ Болгарскій.—1339 Сійское Евангеліе — древнѣйшій дошедшій памятникъ Московскаго книжнаго искусства и аканья.—1341 в. кн. Симеонъ Ив. Гордый.—1346 Ст. Душанъ сербскій принимаетъ царскій титулъ.—1348 Псковъ по договору становится независимъ отъ Новгорода.—1349 Законникъ Душана.—1353 турки укрѣпляются на Европейскомъ берегу; в. кн. Иванъ Ив. Красный въ Москвѣ.—1354 дополненіе Душанова Законника.—1355 † Ст. Душана.—1359 Дмитрій Ив. Донской въ Москвѣ.—1360 в. кн. Дмитрій Константиновичъ Суздальскій.—1362 Дмитрій Донской великимъ княземъ.—1365 Іо: Шишманъ, послѣдній ц. болгарскій.—1375 походъ Дмитрія Донского на Тверь.—1377 Ягелло на Литвѣ. Лаврентьевскій списокъ лѣтописи.—1378 † Алексѣя митрополита; пораженіе татаръ на Вожѣ.—1380 Куликовская битва.—1382 разореніе Москвы Тохтамышемъ.—1386 соединеніе Литвы съ Польшей бракомъ Ягеллы съ Ядвигой.—1389 іюня 15 битва на Косовомъ полѣ, † ц. Лазаря сербскаго; в. кн. Василій Дмитріевичъ.—1392 Витовтъ начинаетъ княжить на Литвѣ отдѣльно отъ Польши.—1393 взятіе Тырнова турками, † Іо: Шишмана, послѣдняго ц. болгарскаго.—1395 перенесеніе въ Москву Владимірской иконы Божіей Матери.

XV.—1410 побѣда поляковъ и литовцевъ надъ тевтонскимъ орденомъ при Грюнвальдѣ — Танненбергѣ.—1415 Сожженіе Іоанна Гуса.—1425 в. кн. Василій II Вас. Темный (съ 27 февр.).—1430 † Витовта.—1439 Флорентійскій соборъ.—1442 Флорентійская унія отвергнута Москвой.—1444 пораженіе и † Владислава Ягеллоновича въ битвѣ при Варнѣ.—1453 взятіе Царьграда турками.—1461 раздѣленіе русской митрополіи: митрополитъ Московскій Ѳеодосій, Кіевская митрополія въ Вильнѣ.—1462 Іоаннъ III Вас. (съ 27 марта).—1463 завоеваніе Босніи турками.—1464 митрополитъ Московскій Филиппъ I (съ 11 нояб.).—1472 бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ.—1473 митрополитъ Московскій Геронтій (съ 29 іюня).—1478 покореніе Новгорода Москвою.—1480 сверженіе татарскаго ига.—1484 Геннадій архіеп. въ Новгородѣ (съ 12 дек.).—1485 присоединеніе Твери Москвою.—1489 завоеваніе Вятки Москвою.—1490 митрополитъ Московскій Зосима (съ 26 сент.).—1491 изданіе первыхъ церковно-славянскихъ печатныхъ книгъ въ Краковѣ: Осмогласникъ, Постная Тріодь,

Цвѣтная Тріодь. — 1494—95 изданіе славянскихъ печатныхъ книгъ въ Цетиньѣ: Октоихъ (94 г.), Псалтырь (95 г.), Эвхологій (93—95 г.).— 1495 митрополитъ Московскій Симонъ (съ 22 сент.). — 1499 Библія архіеп. Геннадія Новгородскаго (Патріаршей библіотеки № 915).

XVI. — 1502 соборное рѣшеніе въ пользу монастырскаго землевладѣнія.—1504 соборное рѣшеніе противъ жидовствующихъ; сожженіе еретиковъ. — 1505 Василій III (съ 27 окт.). — 1510 конечное паденіе независимости Пскова. — 1511 митрополитъ Московскій Варлаамъ (съ 3 авг.). — 1514 занятіе Смоленска Москвою. — 1517 окончательное присоединеніе Рязани Москвою.—1522 митрополитъ Московскій Даніилъ (съ 27 февр.).—1523 присоединеніе Сѣверскихъ удѣловъ Москвою.— 1525 соборное осужденіе и заточеніе Максима Грека.—1526 Макарій митрополитъ Новгорода (съ 4 марта).—1533 Іоаннъ Грозный (съ 3 дек.).—1538 † матери Грознаго, Елены Вас. Глинской.—1539 митрополитъ Московскій Іоасафъ (съ 6 февр.). — 1540 учрежденіе ордена іезуитовъ. — 1542 Макарій митрополитъ Москвы (съ 19 марта).— 1547 Великій Московскій пожаръ. Канонизація святыхъ. Вѣнчаніе Грознаго на царство.—1550 «царскій» судебникъ Грознаго.—1551 Стоглавъ.—1552 покореніе Казанскаго царства.—1552—53 Великія Минеи Четьи митрополита Макарія (патріаршая библіотека). — 1553 освобожденіе Максима Грека и переводъ его въ Сергіеву Лавру.—1556 покореніе Астраханскаго царства. — † Максима Грека.—1558 начало Ливонской (25-лѣтней) войны.—1560 распаденіе Ливонскаго ордена.— 1563 начало Московской типографіи; † митрополита Макарія (31 дек.).—1564 изданіе Московскаго первопечатнаго Апостола, бѣгство кн. Курбскаго въ Литву; митрополитъ Московскій Аѳанасій (съ 5 марта).—1565 учрежденіе опричнины.—1566 митрополитъ Московскій Филиппъ (съ 20 іюля).—1567 низложеніе Филиппа митрополита (8 ноября), Кириллъ митрополитъ Московскій (съ 11 ноября).—1569 Люблинская унія. — 1570 † Филиппа митрополита; разгромъ Новгорода Великаго Грознымъ.—1571 набѣгъ Крымцевъ на Москву.—1572 † Сигизмунда II Августа; митрополитъ Московскій Антоній (съ мая).— 1576 избраніе Ст. Баторія на польскій престолъ.—1581 митрополитъ Московскій Діонисій (съ февр.).—1581—82 изданіе Острожской Библіи.— 1582 миръ Грознаго съ Баторіемъ. Начало покоренія Сибири. Рожденіе царевича Димитрія.—1583 миръ Грознаго съ шведами. Начало торговли съ англичанами.—1584 † Грознаго, ц. Ѳеодоръ Іоанновичъ (съ 15 марта). Построеніе Архангельска.—1586 † Ст. Баторія; митрополитъ Московскій Іовъ (съ 11 дек.).—1588 печатное изданіе Литовскаго статута въ окончательной редакціи.—1589 учрежденіе патріаршества въ Москвѣ и митрополіи въ Новгородѣ, Ростовѣ, Казани и на Крутицахъ.

Патріархъ Іовъ съ 26 янв. Основаніе Кіевской братской школы (съ 1631 — коллегія, съ 1701 — академія).—1591 изданіе грамматики Еллино-Словенской во Львовѣ. Набѣгъ Крымцевъ на Москву. † Дмитрія царевича (15 мая).—1596 отпаденіемъ православныхъ епископовъ возникаетъ уніатская церковь въ Польшѣ (Брестская унія). Уничтоженіе Кіевской митрополіи отпаденіемъ въ унію.—1598 † Ѳеодора Іоанновича (6 янв.); Борисъ Годуновъ (съ 21 февр.)

XVII.—1605 Ѳеодоръ Годуновъ съ 13 апр., Лжедимитрій съ 20 іюня. Низложеніе патріарха Іова (іюнь).—1606 Василій Шуйскій съ 19 мая, патріархъ Гермогенъ съ 3 іюня, принесеніе мощей Димитрія царевича въ Москву (3 іюня). Бунтъ Болотникова.—1608 Второй самозванецъ въ Тушинѣ.—1609 осада Троицкой Лавры.—1610 сверженіе Вас. Шуйскаго (17 іюля). Семибоярщина. Избраніе королевича Владислава (авг.). † Тушинскаго вора (дек. 11).—1611 первое земское ополченіе.—1612 † Патріарха Гермогена. Второе земское ополченіе.—1613 избраніе Михаила Ѳеодоровича (21 февр.).—1614 льготы иностраннымъ торговцамъ.—1615 осада Пскова Густавомъ Адольфомъ.—1617 Столбовскій миръ съ шведами, Балтійское побережье остается за шведами, Новгородъ возвращенъ Москвѣ.—1618 Деулинское перемиріе съ Польшей.—1619 патріархъ Филаретъ Никитичъ (съ 24 іюня). Первое изданіе грамматики Мелетія Смотрицкаго въ мѣстечкѣ Евье.—1620 возстановленіе православной митрополіи въ Кіевѣ.—1627 изданіе церковнославянскаго словаря Памвы Берынды.—1632 † Сигизмунда III. Москва начинаетъ войну съ Польшей; капитуляція Шеина.—1633 † патріарха Филарета.—1634 «Вѣчный» миръ съ Польшей. Патріархъ Іоасафъ I (съ 6 февр.).—1637 взятіе Азова казаками.—1642 патріархъ Іосифъ (съ 27 марта).—1645 ц. Алексѣй Михайловичъ (съ 13 іюля).—1647 † Петра Могилы. Изданіе «большаго» Московскаго Соборника.—1648 Возстаніе Хмельницкаго въ Малороссіи. Московское изданіе грамматики Смотрицкаго. Московскій мятежъ.—1649 Зборовскій миръ Польши съ Малороссіей. Изданіе Соборнаго Уложенія.—1652 Никонъ, патріархъ съ 25 іюля; Іона Сысоевичъ, митроп. Ростовскій.—1654 присоединеніе Малороссіи (Переяславская рада). Начало войны съ Польшей. Соборъ одобряетъ «исправленіе» церковныхъ книгъ. Чума въ Московскомъ государствѣ.—1656 начало войны съ Швеціей.—1657 † Богдана Хмельницкаго. Начало войны съ Малороссіей и Польшей.—1658 Никонъ слагаетъ санъ (10 іюля).—1659 пораженіе Московскаго войска гетманомъ Выговскимъ подъ Конотопомъ. Конецъ войны съ Швеціей.—1660 Соборъ на Никона.—1662 «Мѣдный» бунтъ въ Москвѣ. Изданіе печатной славянской Библіи въ Москвѣ.—1666 Соборъ низлагаетъ Никона (12 дек.), но одобряетъ его нововведенія и предаетъ анаѳемѣ упорствующихъ.—1667 Андрусов-

скій миръ: раздѣлъ Малороссіи между Польшей и Москвой.—1672 рожденіе Петра Великаго.—1674 изданіе Синопсиса въ Кіевѣ.—1676 ц. Ѳеодоръ Алексѣевичъ съ 30 янв. Взятіе Соловецкаго монастыря.—1681 † Никона въ Ярославлѣ 17 авг. Миръ съ турками.—1682 отмѣна мѣстничества. † ц. Ѳеодора Алексѣевича. — 1683 Янъ Собѣсскій отражаетъ турокъ отъ Вѣны.—1686 «вѣчный» миръ съ Польшей на условіяхъ Андрусовскаго (1667 г.), но съ возвращеніемъ Кіева Москвѣ.—1687 первый Крымскій походъ. Начало гетманства Мазепы.—1689 второй Крымскій походъ. Сверженіе Софьи. Нерчинскій договоръ съ Китаемъ.—1690 патріархъ Адріанъ (съ 24 іюля). Рожденіе царевича Алексѣя Петровича.—Выселеніе сербовъ изъ Старой Сербіи въ Австрію подъ предводительствомъ патріарха сербскаго Арсенія Черноевича.—1691 † Іоны Сысоевича, митроп. Ростовскаго.—1694 † Наталіи Кирилловны Нарышкиной. Изданіе лицеваго букваря Каріономъ Истоминымъ въ Москвѣ.—1695 первый Азовскій походъ.—1696 † ц. Іоанна Алексѣевича. Петръ I съ 29 янв. Второй Азовскій походъ.—1697 первое путешествіе Петра въ Европу.—1698 стрѣлецкій бунтъ.—1699 указъ о январскомъ годѣ отъ Р. Хр. (20 дек.).—1700 миръ съ Турціей. Начало великой сѣверной войны. Пораженіе подъ Нарвою. † патр. Адріана.

XVIII.—1701 Стефанъ Яворскій блюститель патріаршаго престола (съ 16 дек.).—1703 основаніе Петрограда и Кронштота. Нач. изданія «Вѣдомостей».—1705 бунтъ въ Астрахани и Башкиріи.—1707 бунтъ на Дону.—1708 учрежденіе губерній и провинцій. Отпаденіе Мазепы. Конецъ донскаго бунта. Побѣда надъ Левенгауптомъ близъ Лѣсной.—1709 Полтавская побѣда (27 іюля). Конецъ башкирскаго бунта.—1710 взятіе Риги, Пернова, Ревеля, Выборга.—1711 Прутскій походъ, Азовъ уступленъ туркамъ. Учрежденіе Сената.—1717 второе путешествіе Петра въ Европу.—1718 † Карла XII, † царевича Алексѣя Петровича.—1721 Учрежденіе Синода (президентъ—Стефанъ Яворскій съ 14 февр.). Ништадскій миръ съ Швеціей (30 авг.). Императорскій титулъ (съ 22 окт.).—1722 табель о рангахъ. Война съ Персіей.—1723 миръ съ Персіей.—1725 † Петра Великаго.